

A woman with long, flowing red hair is seen from behind, looking out at a sunset over a beach. The sky is dark with a few stars, and the ocean is visible in the distance. The overall mood is serene and contemplative.

ВЕСТИНИКИ Темной Луны

«Солнце - наш друг, луна - повелитель»

Энн Мейрон

Что таится за плотным покрывалом обыденности, суеты, быстротечной жизни людей? Как много они знают о том, что окружает их, и как часто задумываются об этом? Есть вещи, сокрытые во мраке, в которые посвящены лишь избранные, или же обреченные — члены Культов, спрятанных в самых разных уголках Земли. Их главная задача — поклонение Древним Богам, существовавшим до начала времён, и полное им подчинение. Вестники Темной Луны — служители Гекаты, самой таинственной Богини, отождествлённой с лунным светом.

Энн Мейрон

Вестники Темной Луны

Мрачному и таинственному ноябрю

*В туманном облике творца
Людские видятся черты.
И от начала до конца –
За ним кровавые следы.*

(Автор неизвестен)

Музыка

Salem's Heir — Peter Gundry
The Coven — Peter Gundry
The Dream Snatcher — Peter Gundry
As Shadows Fall — Peter Gundry
The White Witch — Peter Gundry
Blood Wars — Peter Gundry
The Elixir of Life — Peter Gundry
A Vampires Heart — Peter Gundry
Rise Of The Fallen — Peter Gundry
Salem's Secret — Peter Gundry
Shades And Shadows — Peter Gundry
She Wakes in Flames — Peter Gundry

Краски двух миров блекли, надвигалась жестокая и суровая зима. Лес умирал. Туман поглощал его, а холодные ветра несли зов и нечеловеческий вой из самой его чащи. Плотный дым то накрывал это безлюдное место, и ничего нельзя было увидеть даже на расстоянии вытянутой руки, то рассеивался совсем, и можно было заметить, как что-то мелькает, не животное и не человек, словно тень из границ. Оно бесшумно блуждало среди деревьев.

Ветви, когда это что-то проходило мимо, жалобно качались, а на траве оставались черные следы, словно сажа. Рога оленя, а также тонкие длинные пальцы, сжимающие палку, похожую на посох, иногда проглядывали среди тумана. Над этим чем-то сгущались тучи. Оно было похоже на Смерть, но являлось лишь Предвестником. Предвестником страшной бури, которая надвигалась на эти места.

Ветер завыл, когда две рыжеволосые девушки подошли к краю между миром людей и миром природы и стали наблюдать за загадочной красотой туманного леса. Роса щекотала их босые ноги, накрытые подолами белых льняных платьев. Они держали в руках пустые корзинки.

— Лес, позволь нам перейти границу и собрать твои сухие ветви и траву, дабы разжечь священный костер, ибо страшное грядет, и мы должны предотвратить это.

— Позволь нам собрать все, что нужно для нашего священного ритуала.

Слова девушек разнеслись по обеим сторонам, и когда голоса пропали в глубине, туман стал развеиваться. Лес позволил им войти.

Ночь постепенно накрывала землю. Звезды мерцали, плавно перемещаясь по небу, среди них восходила луна. Десять человек, и все как один в белых одеяниях, стояли в ровно вычерченном кругу и ждали двух своих сестер из леса.

Девушки вышли из всепоглощающей темноты с корзинками, полными травы и веток. Они вошли в круг, и одна из них стала медленно осыпать землю сухими листьями. Мужчины же взяли ветки и стали делать из них факелы.

Когда они были готовы, их раздали каждому из присутствующих. Девушка, получившая факел последней, зажгла его и вошла в центр круга, а от ее огня зажгли все остальные. Она встала лицом к луне и подняла руки к небу.

— Геката, Эрешкигаль, несущая свет и правящая тьмой, ты — великое таинство, вечность, хранительница, благослови нас на ритуал в эту священную ночь, наполни круг своей силой, отгони блуждающие тени, и пусть луна станет нашим проводником, ибо Ты и есть Луна!

После этих слов вновь подул зловещий ветер, что нес недоброе слово из глубины бескрайнего леса, но как только начался ритуал, затих. Никто больше не произнес ни слова до самого рассвета.

Люди ходили по кругу, танцевали, кружились, а тлеющие угольки летали вокруг них, поднимались к самой Луне, после опускались на землю, и затухали, а следом за ними рождались новые.

Уже почти на рассвете люди в таинственном кругу сложили свои факелы в центр, создав таким образом костер, и стояли, взявшись за руки. Иногда они медленно покачивались, но по-прежнему молчали.

Костер окончательно потух, только когда солнце начало выглядывать из-за вершук

деревьев, таинственные люди расплели руки, взглянули на пробуждение нового дня и разошлись, оставив пепел как единственное доказательство прошедшего обряда.

Первая часть

Призыв

Absentia est via tua

Отсутствие — твой путь

Глава 1

Алиса

Весь день стояла прекрасная погода, но к вечеру всё изменилось.

По небу, словно бородатые старики, блуждали тучи. Над городом воцарилась парадная мрачность, и ничего хорошего это явно не могло предвещать.

— Ну, конечно, — Алиса хотела добавить что-то еще, но лишь тяжело вздохнула, отгоняя от себя печальные мысли и направляясь на кухню.

Арендванный ею на сутки дом оказался единственной доступной недвижимостью, где владельцы не потребовали никаких личных данных или документов. Он представлял собой ветхое двухэтажное здание с маленьким заросшим двором и деревянным забором, который едва ли можно было так назвать. Внутри висело множество фотографий людей, живших здесь раньше. До войны.

Алиса поставила греться чайник и подошла к окну. Пейзаж не менялся здесь уже более двадцати лет — редкие полуразрушенные деревянные дома, позади которых расстился огромный лес. В этих краях ощущалось спокойствие, какого не было больше нигде. Здесь всегда пахло сыростью из-за частых дождей, и туман устилал эти земли. Игналина¹ словно переплетала в себе реальность и мистику, видимое и скрытое от чужих глаз.

Среди местных жителей Игналины нередко можно было услышать сказки о том, что в чаще, среди густых деревьев покоились сами боги, а их сон охраняли неизвестные создания в белоснежных одеяниях. И Алиса каждый раз усмехалась, ведь знала, что эти истории — правда.

Последние лучи солнца скрылись за густыми облаками, девушка отошла к шкафчикам и стала искать чай на полках, но вместо кулинарных принадлежностей они были забиты самыми разнообразными книгами: от отечественной художественной литературы до мемуаров ранее неизвестных ей людей. Между запылившимися романами в потертых обложках стояли новейшие произведения, будто бы только купленные. Алиса небрежно провела по ним рукой.

— Бывшие жильцы даже не топили ими камин, — она взглянула на единственный источник тепла в доме, и вновь перевела взгляд на окно, внимательно всматриваясь в безликий пейзаж обнаженного леса, изучая каждое оголенное дерево.

Чайник засвистел на плите, возвращая девушку к реальности. Она сняла его, но заваривать чай не стала, вместо этого вышла на улицу, прихватив с собой зонтик.

Воздух смешивал в себе запахи леса, преющих листьев и тлеющего костра. Крупные капли дождя поначалу редко разбивались о землю и траву, но вскоре стихия поглотила весь городок.

Алиса бродила по узким тропам, практически увязая в грязи, пока не вышла на асфальтированную дорогу, ведущую в центр. Дождь усиливался. Капли стекали по её рукам и одежде, зонт уже не помогал, и девушка бросила его на ближайшую лавочку. Она была

преисполнена любовью к этому городу, но одновременно с тем ненавидела само его существование. Ей казалось, что все здесь не живое, ненастоящее, словно кино с актерами, которые никогда раньше не играли. Каждый проходящий мимо человек, будь то юноша или старик, ласково улыбался Алисе, хоть она и знала, что это не более чем обычное лицемерие.

«В их жилах течет лишь страх за себя. Их даже нельзя назвать животными, они не ценят друг друга, не постоят за прохожего, не подадут куска хлеба нуждающимся», — девушка осматривала улицу и вспоминала 1948 год.

Та поездка в Игналину произвела на нее неизгладимое впечатление. Хаос, разрушенные фабрики, фермы, постройки. Жителям не хватало сил на существование, многие страдали от голода. Ей хотелось убежать, скрыться в неведомой глуши, только бы не видеть страшных последствий долгой войны.

В ее памяти осталось то, что никогда не хотелось запоминать. За все время в этом городе Алиса то и дело натыкалась на знакомые когда-то места. Многие здания реконструировали, но на некоторых так и остались отпечатки страшных событий, прошедших по этим землям.

Алиса наблюдала за сменяющимися друг друга поколениями, за тем, как преобразовывалась жизнь, взгляды людей на те или иные вещи, но было то, что оставалось неизменным всегда. Каждый человек — творец и разрушитель, и ради господства над другими он способен на что угодно.

«Власть, ими всеми управляет власть», — девушка усмехнулась, когда в ее сознании промелькнул силуэт...

Все вокруг куда-то спешили. Времени, так не хватающего большинству людей, у Алисы было в достатке. Она шагала вдоль улицы, направляясь в библиотеку, как вдруг позади себя услышала знакомый голос, но, обернувшись, никого не увидела.

Ева

Улица пропиталась запахом осени. Из открытого окна дул влажный, холодный ветер, пробирающий насквозь сидящую на полу девушку. Ее крики, казалось, раздавались на всю округу, а от вида полусогнутого худого тела, сжимающего до боли собственную голову, по телу пробежали бы мурашки. Маленькая неосвещенная комната казалась необитаемой, настолько здесь было холодно.

Ева дрожала. Дрожала от невыносимого страха, и горела изнутри. Температура поднялась настолько, что становилось нечем дышать, но она продолжала кричать, не слыша собственного голоса. Голова раскалывалась от громких, оглушающих звуков, нечленораздельных фраз, доносящихся словно из глубины сознания. Голоса разрывали ее, комната плыла в глазах, накатывала тошнота. Девушка попыталась подняться на колени, отчаянно стона: «Хватит!» неизвестным мелодиям, нитями проникающим под кожу и впитывающимся в вены.

— Ева! Ева! — дверь распахнулась, громко ударившись о стену, и в комнату забежала взволнованная женщина, — тише, милая! — она попутно протирала сонные глаза и завязывала свой халат, а когда подошла к дочери, мгновенно попыталась поднять ту, — боги, ты вся горишь.

Резкие прикосновения прохладных рук матери заставили Еву вздрогнуть и заглушили крик, оставив после себя лишь хриплое, болезненное скуление. Женщина осторожно усадила ее на край кровати, поспешно отходя, чтобы закрыть окно, а когда вернулась, стала стягивать насквозь мокрую от пота ночную одежду девушки. Вокруг них испуганно закружил пушистый серый кот, терся о ноги хозяек и напряженно мурлыкал.

— Что произошло? Что случилось? — пытаясь одновременно успокоить и свое дыхание, и панику дочери, Лукерья стала нежно поглаживать ее ладони, горячие и влажные.

Ева смотрела в темноту, ощущая присутствие внутри себя кого-то другого, и это пугало так сильно, что дрожь не унималась, несмотря на исходящий от нее самой жар.

— Больно, — единственное, что получилось прошептать, но реакция не заставила себя ждать. Женщина аккуратно помогла ей встать, попутно говоря что-то, и повела в ванную, неспешно, бережно, словно боясь испугать дочь, и без того находящуюся в оцепенении страха.

Что-то в груди рассыпалось, сгорало, и на месте старого зарождалось новое, совершенно неизвестное, далекое, обжигающе холодное и твердое. Девушку накрывала тоска по чужим жизням, по людям, которых она не могла знать, но чувствовала к ним такое сильное и болезненное тепло, что становилось страшно. Дни, которые она не проживала, кружились в воспоминаниях, размытые, при этом такие близкие, родные. Зброшенные яблочные сады, запах меда, лесá, усыпанные лавандой, теплый летний дождь, каменные стены мрачного, окутанного мглой поместья, море, темное и спокойное, с грустью наблюдающее за гуляющими на берегу людьми. Каждое новое ощущение прочно связывалось невидимой нитью с другим; годы, столетия соединялись воедино в юной голове Евы Бросковски, каждый шаг которой по холодному ламинату отзывался ноющей головной болью.

— Я чувствую все, чувствую их, мама, — Ева подняла полные непонимания глаза на Лукерью, отстраненную и будто вовсе не замечающую более состояния дочери. Она была

глубоко погружена в свои мысли, ничего не произнося и даже не смотря в сторону девушки, — мама?

— Все будет хорошо, — ее голос резко похолодел, а взгляд потускнел. Женщина ушла в собственные воспоминания, но продолжала все также крепко держать Еву, не давая той вновь упасть на пол.

— Что со мной? — становилось все тяжелее дышать. Голоса в сознании были такими громкими, словно девушка находилась в толпе, и такими отчетливыми, что перекрывали даже шум набирающейся воды.

Она уже не пыталась прийти в себя, только ждала, когда все это закончится. Но ничего не заканчивалось. Обрывки фраз, произносимых на неизвестном ей языке, повторялись, и только одно слово было четко слышно в потоке общей речи: «Геката». Оно звучало то женским, то мужским голосом, с самыми разными и самыми странными акцентами, с разной высотой и тональностью, но везде было что-то схожее, пугающее и притягивающее к себе одновременно.

— Геката, — простонала она вслед за неизвестными ей людьми.

Лукерья внимательно посмотрела на дочь и прошептала: «Я должна была обо всем рассказать тебе раньше», а после помогла ей опуститься в наполненную ванну.

Прохлада помогла девушке немного прийти в себя, но полноценно вернуться к реальности не удавалось. Ева была не здесь, не с матерью. Один вдох, и она погрузилась в воду с головой, неведомые образы уже рождались не в глубине ее сознания, она видела все вокруг себя. Как небо исчезает в поглощающей черноте, даря жизнь миллиардам звезд, как множество голосов утопают в темноте, зовут к танцующим огням, сияющим в ночных просторах. Они тянут в прошлое, на устланную туманом землю, холодную, но живую, и в будущее, к таинственным закатам, безграничным лесам и луне, озаряющей их пеленой тусклого света.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Резко вынырнув и жадно наполнив легкие воздухом, Ева очнулась и распахнула глаза. Ее пробирала мелкая дрожь от холода, который исходил откуда-то изнутри. Девушка дотронулась до своего солнечного сплетения и попыталась еще раз глубоко вдохнуть, как ее плеча коснулась Лукерья.

На нее словно волной обрушилась память всего человечества, боль и радость каждого живущего ранее, а после также резко схлынула, оставляя лишь огромную пропасть внутри. Не было более ни огней, ни звезд, ни загадочного шепота незримых созданий. Осталась только пустота.

— Как ты себя чувствуешь? — женщина постаралась проговорить это очень мягко, но в голосе звучало напряжение.

— Я ничего не чувствую, — прошептала Ева, неуверенно глядя на маму, — все прошло.

Выбраться из ванны получилось не сразу. На девушку накатила слабость, конечности будто налились свинцом, а голова гудела от пережитого. Ее вытерли и укутали в полотенце, осторожно и неспешно выводя из комнаты. Она не сразу обратила внимание на пульсирующие на руках вены, но с ужасом и удивлением охнула, когда заметила, что те отливали тусклым желтоватым цветом.

Лукерья ставила на кухне чайник, когда Ева опустилась рядом на стул, показывая ей запястья.

— Что это, мама?

— Подожди минутку, милая. Мне нужно кое с кем поговорить, и я все тебе объясню, —

женщина вышла из комнаты, и Ева услышала, как она набирала номер на телефоне в спальне.

Она оставила дочку одну, а та уже спустя мгновение начала копаться в собственных мыслях, что ранее были полностью забиты неизвестными голосами и мелодиями. Девушка плотнее укуталась в уже влажное полотенце, и задержала взгляд на чайнике. Все происходящее казалось безумным бредом, и Ева ни за что не поверила бы в подобное, услышав от кого-то. Но это случилось не с кем-то, а с ней самой.

Если буквально несколько минут назад внутри все кипело, то сейчас холод проникал под кожу, вгрызаясь в кости, а морозный воздух, предвестник надвигающейся зимы заставлял вздрагивать мокрую насквозь Еву. Полотенце уже не помогало, а потому она стянула его с себя, протирая длинные волосы.

Ей не сразу бросился в глаза их неестественно яркий оттенок, но, когда девушка обратила на это внимание, была готова закричать вновь.

«Не может быть», — ноги подкосились, когда она попыталась встать, и все же сумела направиться в ванную, к зеркалу, отражение в котором стало неузнаваемым.

В ушах гудело от пронизывающей тишины. Она была громче музыки, криков, любых звуков. Громче тишины оставались только лишь мысли, в остальном же — она оглушительна. Ева смотрела на юную девушку с глазами цвета оливок и бледной кожей. Черные круги и неизменно искусанные губы не были чем-то удивительным, в отличие от огненно-рыжих волос, что ранее были русыми, тусклыми и практически бесцветными. Пряди прилипли к шее, груди и спине, разглядеть их не составляло труда. Они практически горели, как и вены на руках.

— Ева? — Лукерья заглянула в комнату, остановившись в дверном проеме, и замерла, заметив испуганный, непонимающий взгляд дочери.

— Ты знаешь, что со мной? — Ева перешла на шепот, коснулась кончиками пальцев зеркального стекла и отошла на пару шагов, едва сумев успокоить дыхание и проглотить ком в горле.

— Боюсь, что да, — женщина взяла ее за руку, вновь возвращаясь на кухню. Чайник уже кипел, а через пару мгновений по комнате разлетелся приятный аромат успокаивающего чая, — ты помнишь Филиппа? Твоего дядю, мы жили с ним, когда ты была маленькая.

— Мы же не говорим о нем, — девушка немного неуверенно проговорила это, вновь садясь на стул и сажая себе на коленки кота, — ты просила никогда не упоминать его.

Лукерья запнулась. Она поставила перед дочерью кружку и села напротив, коснувшись ее продрогших ладоней своими.

— Я совершила большую ошибку, когда решила, что тебе ничего не нужно знать. Я знаю, что происходит с тобой, но надеялась, что этого не случится. Что это не затронет тебя, как не затронуло меня, — женщина на какое-то время замолчала, наблюдая за реакцией Евы и позволяя ей хоть немного понять, что происходит, — я не могу рассказать тебе многого, но мой брат может. Тебе нужно поехать к Филиппу, потому что с ним однажды произошло то же самое. И с ним ты будешь в безопасности.

В глазах Евы читалась паника и непонимание. Она сжала руки матери и поймала ее еще более растерянный взгляд.

— О чем ты говоришь? При чем здесь Филипп?

— Вы связаны. Ты сама все чувствовала.

Девушка покачала головой, отчетливо вспоминая все, связанное со своим дядей, но не

видела никакой связи между ним и образами, появляющимися только недавно в сознании.

— Я никуда не уеду... — слезы предательски потекли по щекам, — мне нужна твоя поддержка.

— Прости меня, но ты должна, — Лукерья попыталась улыбнуться, хоть как-то скрыть свою печаль, но отчаяние дочери разрывало ее на части.

— Скажи хотя бы, что со мной? — она едва не перешла на крик.

— Сегодня предрешилась твоя судьба.

Алиса

Она хочет закричать, но не может вымолвить ни звука. Она хочет убежать, но не может сдвинуться с места.

Огромная библиотека в самом центре Игналины встретила Алису резким запахом пыли. Здесь не было ни одной живой души, и только пожилой библиотекарь сидел в углу приемной, не спуская глаз с единственной посетительницы.

Его внимательный взгляд пробежался по бледному лицу девушки, золотисто-красным волосам, заостренному носу, тонким губам, и остановился на черном костюме, что не облегал ее тело, оставался свободным, но все равно позволял Алисе выглядеть эффектно. От нее исходил легкий аромат пепла и свечей, ледяных озер и зимы, а каждая клеточка тела источала холод. Он видел ее впервые, но был уверен, что знает всю свою жизнь.

Любой, кто смотрел на нее со стороны, видел некое подобие двуличности во взгляде, походке, манере речи.

Она выглядела отталкивающей и манящей одновременно, как потаенные людские страхи и желания, мрачной, как густой непроходимый лес, чистой, как вода в горных реках. Таинственно знакомой, но неизвестной.

И каждый, кто ловил ее взгляд, тонул в непроглядном омуте.

Девушка не произнесла ни слова, заходя в основной зал, заставленный стеллажами с книгами, брошюрами, журналами. Названия многих произведений, особенно стоящих в глубине, невозможно было прочесть из-за слоя въевшейся пыли, углы были надорваны, а некоторые и вовсе остались без обложек, и лишь она одна, книга в бархатном голубом переплете, лежала в первом ряду, нетронутая, чистая, словно кто-то специально принес ее сюда только вчера. На обложке золотистыми буквами было написано: «Σελήνη²», больше не было ничего — ни автора, ни рисунков, корешок оставался полностью пустым.

Алиса провела по переплету кончиками пальцев, осторожно коснулась книги со всех сторон, будто бы зрительно убеждаясь в подлинности тома. Одно движение — и она уже была спрятана в глубине сумки.

Губы дрогнули в неестественной полуулыбке, стоило заметить замороженный, но внимательный взгляд библиотекаря. Едва девушка позволила себе разглядеть его, как тут же отвернулась и поспешно направилась к выходу.

Мужчина неожиданно позвал ее, прокричал вслед, прося остановиться, словно знал, кто она такая, но стоило ей только ступить за порог — мгновенно забыл все — лицо, одежду, цвет волос, глаз, в которые он так внимательно всматривался, походку и запах, голос, хотя даже не был уже уверен, произнесла ли она хоть что-то. Все ее черты растворились в городском тумане, образ поблек, рассыпался на миллиарды осколков в его памяти вместе с книгой, которую она унесла.

Небо неприветливо встречало всех находящихся на улице людей. Оно еще сильнее затянулось тучами, а через мгновение на город нахлынул дождь сильнее прежнего. Косые потоки воды смывали и без того блеклые краски, все вокруг открыли зонтики, засуетились, спеша скрыться от напора стихии. Холодный ветер дразнил их, омывал стекающими с небес каплями, кружил волосы и щекотал оголенные участки тела.

Вокруг стало пустынно за считанные минуты.

Никто не был доволен такой неожиданной сменой погоды, кроме Алисы. Она отдалась от библиотеки, с воодушевлением наблюдая за искрящимся молниями горизонтом. Мокрые рыжие волосы, спадали на лицо, и девушка несколько раз безуспешно попыталась убрать их назад. Промозглый воздух ничуть не беспокоил ее, в отличие от сохранности книги.

Она зашла в кафе, находящееся поблизости, и набрала на телефоне уже знакомый номер.

— К ней никто даже ни разу не прикоснулся, — начала Алиса, не тратя время на приветствие.

— Еще бы, ты же положила ее на самое видное место, — из трубки послышался хриплый голос, вслед за которым последовал смешок.

— Филипп, — немного раздраженно произнесла девушка, — главное, что она здесь, остальное не важно.

Мужчина на другом конце провода какое-то время молчал, а после добавил уже совершенно серьезно:

— Во сколько мне подойти, чтобы забрать тебя?

— Я буду ждать тебя утром.

Покой Алисы, мирно спавшей на втором этаже, нарушило эхо от стука, доносившегося снизу. Девушка проснулась, и перед тем, как спуститься, накинула на себя первую попавшуюся одежду.

На улице еще не рассвело, весь мир спал, так тихо и спокойно, будто не было вчера бушующей стихии, разверзнувшихся небес, окутавших Игналину проливным дождем и ледяным ветром.

Открыв дверь, Алиса едва не охнула от неожиданности.

— Филипп? — она явно не ожидала увидеть своего давнего друга так рано.

— Филипп? — с тем же удивлением переспросил мужчина, осмотревшись по сторонам, и уже после этого пересек порог дома, проникая внутрь. На его лице появилась саркастическая улыбка.

— Тебя не учили, что нормальные люди не приходят в гости ночью? — девушка показала на часы. Циферблат показывал без четверти пять.

Мужчина посмотрел на время и удивленно уставился на собеседницу.

— Люди? — усмехнулся он и добавил, — и тем более уже утро.

— Я ждала тебя хотя бы на рассвете, — Алиса закатила глаза и закрыла входную дверь, направляясь вслед за Филиппом, который по-хозяйски располагался на кухне, ища чайник.

— Если ты не против, я пойду и посплю еще немного, — закончила свою мысль девушка и, не дожидаясь ответа, поднялась обратно к себе, снова ложась в постель и предоставляя мужчине самому себе.

Облака не позволяли понять, который час. Было пасмурно и, вероятно, очень ветрено, ведь окна на втором этаже издавали ровный высокочастотный свист, не затихая ни на минуту.

Филипп готовил что-то на кухне. Девушка, в свою очередь, переоделась и без особого желания спустилась. Ее золотые волосы были убраны в небрежный пучок, а тело облегал комбинезон цвета индиго с очень откровенным вырезом на груди.

— Доброго утра, — Алиса села за обеденный стол, закидывая ногу на ногу и придвигая к себе деревянную пепельницу. Тонкие пальцы скользнули по лежащему рядом мундштуку, она поместила в него сигарету, а следом зажгла ее красного цвета спичкой.

— Выспалась? Кофе будешь? — Филипп с усмешкой глянул на девушку, после продолжив заниматься утренней рутинной.

— Который час?

— Около девяти утра, — он по-доброму улыбнулся собеседнице, когда подошел и сел рядом, протягивая ей чашку.

Благодарно кивнув, Алиса сделала несколько небольших глотков обжигающего напитка и на какое-то время прикрыла глаза, собираясь с мыслями.

— Напомни, что мы делаем в этом забытом всеми месте?

— Служим Луне, — коротко и ровно ответил Филипп, выпивая свой кофе.

— Мы отдали ей свою жизнь, — девушка сделала короткую затяжку, с раздражением взглянув на кружку так, словно та было в чем-то виновата, — и твоя племянница тоже скоро отдаст.

— Она не первая и не единственная, — он искреннее старался держать лицо, но беспокойство витало в воздухе. Сделав небольшую паузу, мужчина добавил, — мне ни разу не приходило в голову, что Ева может стать Вестницей. Я не был готов к этому.

— Ты волнуешься за нее, — закончила за Филиппа Алиса, — но я не могу тебя поддержать. Она попала в западню, и ты это прекрасно понимаешь. Никто не может уже ничего сделать.

— Ты не помогаешь, — отрезал мужчина, посмотрев ей в глаза и тяжело вздохнув.

— Я выполняю свою работу, — голос девушки задрожал, и она замолчала, отведя взгляд.

Капли с силой начали бить по стеклу, дождь в одно мгновение снова обрушился на город, омывая его ледяной водой. Никто больше ничего не говорил, Алиса, казалось, даже не дышала в перерывах между затяжками, погружившись в собственные мысли, из которых ее вырвал резкий голос Филиппа.

— Мы не можем больше ждать, она должна была приехать утром, и, скорее всего, уже приехала, — мужчина поднялся с места, отставляя недопитый кофе и накидывая на себя джинсовую куртку с капюшоном, чтобы хоть немного скрыться от ливня.

Девушка молча встала вслед за ним, взяла свою сумку, положив туда помимо книги предварительно очищенный мундштук, и направилась к выходу из дома.

Черный легковой автомобиль стоял прямо возле крыльца, Филипп уже загрузил в багажник вещи и сел на водительское сидение, заводя мотор. Алиса обошла машину, по обыкновению игнорируя стихию, и опустилась рядом.

Большую часть дороги они ехали молча, оба наблюдали за тем, как город сменяется лесным пейзажем, еще более холодным и неприветливым, чем каменные постройки.

— Давно последний раз выбирался в центр? — девушка, наконец, повернула к мужчине голову, замечая, насколько крепко он держал руль и как было напряжено его лицо.

По сравнению с, пусть и достаточно высоким, но эктоморфным телом Алисы, Филипп казался устрашающим — крупный, крепкий, имеющий грубые черты и низкий строгий голос. Он был похож на викинга, особенно в сочетании с густой бородой и янтарными, спадающими до плеч волосами, которые мужчина чаще всего убирал в высокий хвост.

От него пахло сыростью и влагой, кожей ботинок и крепкими сигаретами. В

отстраненном взгляде девушка видела волнение и панику, что уже не получалось искусно скрыть.

— Я даже рад, что она будет рядом со мной, — тише обычного заговорил Филипп, — я хочу помочь ей привыкнуть ко всему, потому что даже не представляю, каково ей в свои семнадцать узнать, что она должна посвятить жизнь служению древнему культу.

Алиса не хотела ничего отвечать, но слова сами вырвались наружу.

— Пусть скажет спасибо своей матери, — она ухмыльнулась, вновь посмотрев в окно, — у многих Вестников просто не было выбора, некому было рассказать им. Но твоя племянница — наследница, и вы должны были прекрасно понимать, что стоит ее просветить.

— Алиса, — прервал мужчина, не отводя глаз от дороги.

— Что мы должны ей сказать? Как ты будешь объяснять, почему не поделился с ней раньше знаниями о Вестниках?

— Никто не думал об этом, черт возьми! — Филипп выплюнул эту фразу перед тем, как подъехать к дому. Припарковавшись во дворе, он вышел, и, обойдя машину, открыл дверь Алисе, — Ты поможешь ей. И я помогу.

Девушка уже хотела съязвить, но вовремя осеклась, и вместо грубых слов только кивнула.

К тому моменту, как они доехали до другого конца города, дождь стих, оставив после себя лишь множество луж и грязь. Знакомое здание с номером 32 50, окруженное лесом, должно было стать прибежищем Алисы на ближайшие несколько месяцев.

Мужчина вытащил сумку с книгой, далее — вещи, и в самом конце заметил лежащую в багажнике широкополую черную шляпу, которую девушка тут же надела, довольно улыбнувшись.

— Я не могла не взять ее с собой, — будто убеждая саму себя, прощепетала Алиса и подмигнула Филиппу, делая вид, что не было их напряженного диалога, едва не переросшего в ссору.

Ева

Она чувствовала опустошение, и это пугало сильнее, чем таинственные голоса, пронсящие сквозь глубины сознания. Все внутри потухло, словно свеча, еще не успевшая загореться.

Ева сидела в объятиях матери на диване, укутанная мягким пледом. Небо было чистым, как никогда, словно не было вчера раскатов грома, капли дождя не танцевали с морозным ветром, гонимым с севера.

Лунный свет, пробивающийся в окно, покрывал мерцающим полотном всю комнату, ласково касался золотых волос девушки, ее потерянного и наполненного смятением лица, блуждал по неестественно сияющим венам, едва заметным под покрывалом.

— Прости меня, прости меня, — женщина обхватила руками дочь, прижала к груди, продолжая шептать, — прости, из-за моей самонадеянности у нас не осталось времени, чтобы подготовить тебя.

— Мне страшно, — Ева судорожно задрожала, слезы предательски потекли по щекам, а голос стал совсем тихим и будто бы болезненным, — я слышала голоса, они звали меня, я ничего не понимаю.

Лукерья ласково поцеловала ее макушку, подбирая нужные слова.

— Ничего не бойся. С тобой ничего не случится, я обещаю, что Филипп позаботится с тебе, — она нежно коснулась холодных запястий дочери, провела пальцами по пульсирующим венам, кистям, а следом поднесла их к губам и мягко поцеловала, — ты должна уехать, потому что я не могу рассказать тебе все, что нужно.

Голос мамы, приятный и родной, пронизывал темноту, теплые прикосновения успокаивали внутреннюю дрожь, хоть слезы и продолжали течь по щекам Евы.

— Тебе придется жить жизнью, отличающейся от той, к которой ты привыкла. Ты не такая, как остальные, милая, ты была избрана богами.

— Что? — девушка, казалось, перестала дышать, — кто я?

Тишина на мгновение заполнила комнату, она услышала собственный пульс в висках, чуть сжав ладони Лукерьи от напряжения и нахлынувшего вновь волнения.

— Ты — Посланица Луны на Земле. Я не могу ничего больше сказать, но клянусь, тебе ничего не будет угрожать у Филиппа. Ты сможешь доверять ему, будешь под его защитой, в вас обоих течет иная кровь. Я не имею права делиться знаниями, это может сделать только твой дядя, поэтому ты должна поехать к нему.

Голос матери становился все более тихим, в какой-то момент она заговорила шепотом, погладила дочь по волосам еще раз, и трепетно прикоснулась к макушке губами, прикрыв влажные глаза. Ева обняла ее крепче, не стала больше сдерживать слезы, позволила эмоциям вырваться наружу.

— Я вернусь?

— Я боюсь, что нет, — Лукерья замолчала, подавляя пульсирующую боль от рвущейся на части души, руки, касающиеся дочери, дрогнули, — ты стала сосудом, наполненным лунным светом, судьба уготовила для тебя этот путь, и ты должна жить рядом с такими же, как ты.

— С Посланниками Луны? — девушка подняла на маму полные слез глаза, и заплакала

вновь, — я не могу вот так покинуть тебя, наш дом...

— Глаз поедет с тобой, ты хочешь? — женщина вытерла пальцами влажные глаза, — кусочек нашей семьи всегда будет рядом.

Ева шумно втянула в себя воздух, прежде чем ответить, но снова расплакалась.

— Ты же тогда останешься совсем одна.

— Ты всегда будешь моей дочерью, милая, я никогда не буду одна, зная, что у меня есть ты.

Боль от непонимания, страха и паники, прожигающая насквозь несколько часов подряд, постепенно угасала. Ева уснула в объятиях матери, лежа у нее на коленях, так крепко, что не помнила под утро всех беспокойных снов, пришедших к ней из-за пережитых волнений.

Рассвет встречал Еву теплым желтоватым свечением, льющим с горизонта и постепенно накрывающим весь мир. Солнце медленно и неторопливо продвигалось все дальше по безоблачному небу, не беспокоя девушку, пока его лучи не коснулись дивана, на котором Ева провела остаток ночи. Она недовольно поморщилась и хотела уже перевернуться на другой бок, чтобы проспать еще несколько часов, но почувствовала мягкое прикосновение маминой руки.

— Просыпайся, милая, — Лукерья погладила дочь по плечу и отошла к плите, поставив на нее чайник.

Ева перевернулась на спину и взглянула на потолок широко раскрытыми глазами, сонливость исчезла, стоило вспомнить все события прошедшей ночи.

— Я собрала твои вещи, — очень тихо добавила женщина, — взяла несколько теплых свитеров, джинсы, кофты, платье, все, что ты носишь в последнее...

— Мам, — Ева перебила ее и села, — спасибо тебе за то, что была вчера со мной.

— Я люблю тебя, — она подошла к дочери и опустилась рядом.

— И я тебя.

— Глаз, иди ко мне, — девушка подняла на руки пушистого серого кота и аккуратно посадила его в переноску, попутно нежно целуя в мягкую шерстку, — тебе придется немного посидеть здесь.

— Такси подъехало, — Лукерья выкатила чемодан в коридор и тут же обняла дочь, крепко и явно не желая отпускать.

— Я буду очень по тебе скучать, — Ева прижалась к маме, едва сдерживая слезы.

— Легкой тебе дороги, и напиши мне, когда приедешь.

— Хорошо, — они синхронно вытерли влажные глаза и попытались улыбнуться, чтобы сгладить тяжелое прощание.

За окном проносилась череда лесов, поселков, роц, пропитанных дождевой влагой и пронизанных осенним ветром. Чем дальше от столицы отъезжала машина, тем сильнее она тонула в густом тумане, а Ева в собственных мыслях.

Тревога, до этого подавляемая внешним спокойствием и отвлеченными мыслями, сейчас захлестывала девушку. Она ехала в Игналину, к своему дяде, с которым не общалась около десяти лет, без надежды вернуться домой. Колени дрожали, а ладони от чрезмерного волнения становились влажными. Ева откинулась на спинку сидения и начала считать до десяти, в надежде уснуть.

Машина, наконец, остановилась. Девушка протерла глаза и взглянула в окно. Они подъехали к старому двухэтажному дому, вокруг которого простирался густой лес. На улице

недавно шел дождь, и передний двор, за исключением галечной тропинки, утонул в грязи. Он практически не изменился за много лет, каменный, с деревянными окнами, без газа и с ветхой, обшарпанной входной дверью. Легкие девушки сжимались при каждом вдохе от болезненно знакомых запахов.

— Вам точно сюда? — поинтересовался водитель, рассматривая неприветливое здание.

— Да, спасибо большое, — пробормотала Ева и выбралась на улицу, в одну руку взяв переноску, а в другую ручку чемодана.

Она неспешно направилась к дому, с каждым шагом дрожа все сильнее, боялась войти туда, увидеть перед собой родного человека и осознать, что он стал для нее безмерно далеким, а потому не спешила, всеми силами растягивала время перед встречей.

Ступеньки, оказавшиеся под ногами слишком быстро, закрипели, как и весь порог, неизведанной музыкой отзываясь на шаги гостыи. Дверь открылась спустя три коротких стука, из нее показался высокий молодой парень, оглядевший Еву взглядом голубых глаз.

— Простите?

— Не стесняйся, — он мягко улыбнулся и отошел, позволяя Еве проникнуть внутрь.

В прихожей пахло сыростью, холодный осенний воздух сочился из щелей в стене, покрытой белой штукатуркой. Рулон обоев лежал в углу, возле стопки хаотично разбросанной обуви.

Она знала этот дом, но не была знакома с тем, кто открыл ей дверь. Парень представился другом ее дяди.

— Я Марк, — незнакомец помог Еве снять куртку, — Филипп попросил меня встретить тебя, так как сам отлучился по важному делу.

— Скоро он вернется?

— Думаю, ты успеешь разложить все свои вещи и отдохнуть после дороги, — они оба окинули взглядом чемодан.

— Я Ева, — пробормотала она немного растерянно и улыбнулась.

Марк оглядел ее с ног до головы, остановившись на едва покрасневшемся лице.

— Я знаю.

Поднимаясь на второй этаж, она старалась не поддаваться волнению. В ее голове крутилось слишком много вопросов, на которые пока еще не удавалось получить ответы. Оглядев неосвещенный коридор, девушка толкнула одну из дверей.

Старая комната Евы не изменилась за все эти годы, но, опустев, она потускнела, мебель успела выцвести, а все поверхности покрылись толстым слоем пыли. Глаз с любопытством изучал каждый угол, в то время как его хозяйка, остановившись у подоконника, рассматривала лес.

Неизменно величественный и спокойный, он холодно наблюдал за игривыми танцами ветра вокруг хвойных ветвей, как сам Филипп однажды следил за ребячествами племянницы среди елей и сосен.

От этого места веяло воспоминаниями, каждая трещина в стене имела свою маленькую историю, все запахи и звуки пробуждали особые чувства, будто возрождая детскую душу. Но, несмотря на все это, беспокойство не исчезало.

Девушка распахнула окна, впуская в спальню свежий воздух, и направилась к кровати, отмечая, что та уже была застелена свежим бельем. Сняв с себя верхнюю одежду, она легла на постель и, едва прикрыла глаза, чтобы еще немного подумать о происходящем, как провалилась в сон.

Ева

Еву разбудил залиvistый женский смех, доносящийся с первого этажа. Потребовалось несколько минут, чтобы понять, реальные это голоса или всплывающие из сознания обрывки образов. Как только девушка вышла из такси несколько часов назад, видения стали ярче, словно дом Филиппа был их эпицентром. Голос внутри бесконечно шептал что-то неясное, в то время как тело болезненно пронзали незримые нити, обвивали конечности, всю мебель вокруг и тянулись до самой крыши.

Раньше она любила прокручивать у себя в голове момент возвращения в родной город. Представляла, как сможет снова почувствовать запах хвои, прогуляться по лесным тропинкам с дядей, послушать его легенды о созданиях, таящихся меж ветвей и пожарить вечером на костре несоленую картошку.

Ева попыталась глубоко вдохнуть, но грудь сковывало, несмотря на обилие свежего воздуха. Обманчива была мысль, что жизнь может стать прежней спустя столько лет.

Она начинала ощущать в себе необъяснимые, неприятные перемены, и нуждалась в ответах, а потому быстро переоделась в удобную домашнюю одежду, завязала непривычно пламенные волосы в высокий хвост и спустилась.

Внизу, в гостиной, два человека что-то оживленно обсуждали. Первым девушка заметила Филиппа, раскинувшегося на половину дивана, а рядом с ним, закинув ногу на ногу, грациозно восседающую незнакомку.

У нее, как и у остальных присутствующих, были золотые волосы, убранные и открывающие красивые плечи, притом половину лица закрывала тень от черной широкополой шляпы. Меж двумя пальцами правой руки был зажат длинный красный мундштук с сигаретой, дым от которой тянулся тонкой струйкой к потолку. Утренний свет, сочащийся из окон, окрасил ее ладони и шею болезненно-пепельным цветом. Она выглядела истощенной.

Марк держался чуть поодаль, его взгляд блуждал по потолку, покрытому множеством трещин и мелких дыр, в нем витала задумчивость, что растворилась мгновенно, стоило ему заметить вошедшую Еву.

— Выспалась? — парень добродушно улыбнулся.

— Мы ждали тебя, — незнакомка подошла к Еве, протягивая руку. От ее голоса воздух словно завибрировал — ласковый и мелодичный, он напоминал пение, которое девушка слышала в своем сознании, — Я Алиса.

— Ева Бросковски, — немного растерянно проговорила Ева и ответила коротким рукопожатием.

— Я уверена, ты хочешь узнать, что с тобой произошло.

— Мама сказала, что что я стала посланницей Луны.

— Это так, — в разговор вмешался Филипп.

Он поднялся со своего места и осторожно положил свою ладонь на девичье плечо.

— Мы — Вестники Темной Луны, ты стала одной из нас.

— Когда я была дома, голоса звали меня будто из земных глубин. Вчера ночью я услышала зов, неизвестные люди шептали в голове имя «Геката».

— Геката — наша Богиня. Богиня Темной Луны, а мы — ее Служители. Она избрала нас

когда-то, как и тебя сейчас, — Филипп старался говорить как можно мягче, но напряжение невозможно было скрыть. Оно витало в воздухе, и было словно осязаемым.

— О нашем предназначении, нас и нашей жизни в целом ты узнаешь отсюда. Эту книгу наши предки хранили и передавали новым Вестникам, в ней собрано все, что тебе необходимо, — Алиса аккуратно вложила в руки Евы тяжелую книгу с неизвестными ей узорами на обложке, — эти символы означают «Луна», обычно мы называем Гекату именно так.

Ее ровный голос помог Еве успокоить дыхание, но руки продолжали дрожать. Она взяла том и открыла на первой странице. Некоторые слова были словно стертые, но это не мешало понять текст.

— Для тебя все это еще туманно, ново, но ты привыкнешь. Ты все поймешь, и сможешь, — казалось, Алисе приходилось прилагать усилия, чтобы говорить спокойно, — помни, что ты не выбирала этот путь, как и мы, но должна принять его. Ночь воззвала к тебе, и скоро ты навсегда переродишься.

Ева прикрыла глаза, но почувствовала на себе изучающий взгляд. Это был Марк. Парень внимательно рассматривал девушку, взгляд блуждал по волосам и губам, скользил ниже, по очертаниям тела до самых ног и остановился на глазах.

— Лучше начать читать ее сейчас, — улыбка осветила лицо Марка, после чего он отвернулся к окну.

— Да, — девушка чуть сильнее сжала книгу в руках, — я пойду обратно наверх, если вы не против, — она посмотрела на Филиппа, тот лишь кивнул.

Алиса

— Я тоже пойду отдохну, — Марк провел влажной ладонью по волосам и ушел вслед за Евой на второй этаж, оставив Алису и Филиппа наедине.

— Ты молодец, — Филипп проигнорировал невольный смешок своей собеседницы, которая сразу же после ухода Евы вновь упала на диван.

— Заткнись, — она попыталась улыбнуться, но скрыть раздражение становилось все сложнее.

Мужчина опустил рядом и скрестил руки на груди.

— Все еще винишь меня в том, что я ей не рассказал?

— Я считаю, что ты совершил ошибку, — девушка глубоко вздохнула и повернула к нему голову.

— Принимать новеньких Вестников — твоя работа.

Алиса не могла успокоиться. Живот сводило от *предчувствия*, воздух в доме стал вязким, и его перестало хватать.

— Извини, — она осторожно прикоснулась кончиками пальцев к мужской руке и поднялась, направляясь к двери, ведущей на задний двор, — мне нужно на улицу.

Девушка села на ступеньки и поднесла к губам недокуренную сигарету. Необъяснимая боль окутывала ее с ног до головы.

Она вспомнила ранние годы своего существования. Алиса привыкла жить отстраненно от всего мира, появляться в доме Филиппа лишь раз в несколько лет, когда Луна избирала нового Вестника или во время обрядов, которые было необходимо проводить. В остальное время она скиталась по стране и нигде не могла найти себе покоя.

Хоть она и не чувствовала холода, забота была ей приятна, и когда Филипп предложил ей кружку горячего кофе, была благодарна ему.

— Меня пожирает чувство одиночества. Я завидую тебе, у тебя есть сестра, племянница. Будь я на твоем месте, сама бы поехала за ней в Вильнюс, рассказала все еще по дороге и утешала.

Мужчина накрыл ее ладонь своей сильной рукой, не произнося ни слова, в то время как ее заполняли мысли о небытии, жизни, смысле существования.

— Я никогда не служила Луне с легкостью, присущей другим Вестникам, мне всегда внушали, что я обязана это делать. Моя жизнь давно перестала иметь смысл, я стараюсь просто жить каждым мгновением, видеть что-то новое, читать, познавать неизведанное.

Она сделала паузу, чтобы сделать несколько глотков обжигающего горло напитка, и продолжила, уже тише, боясь, что кто-то может услышать.

— Не знаю, сколько мне еще придется быть здесь, но я хочу уехать, Филипп. В этом доме я только сильнее, чем где-либо чувствую, что застряла в бесконечной паутине, в которую то и дело попадают новые жертвы. Кто-то считает Луну Богиней, дарящей шанс на новую жизнь, но для меня это — проклятие.

— Мы все зависимы, и никто не рад этому, — Филипп обнял Алису за плечи, — пока кисти наших рук украшают золотые вены — мы принадлежим Ей.

— Я вижу в Еве молодую себя, неопытную, маленькую, ничего не понимающую, и боюсь, что эта жизнь принесет ей, как и мне, одну лишь скорбь и разочарование, — слова

давались ей с огромным трудом, казалось, будто в горло вонзили нож, но держать в себе все эти мысли было еще хуже.

Мужчина забрал из рук девушки потухшую сигарету и всмотрелся вдаль, на вечнозеленые деревья, вокруг которых кружили стаи ворон. Лес поприветствовал двух Вестников шумным шуршанием ветвей, он только пробуждался, накрытый постепенно рассеивающимся послеобеденным туманом, расправлял свои корни, но уже внимательно наблюдал за Филиппом и Алисой.

Капли дождя стекали с крыши дома, вместе с шумом ветра создавая мелодию, что просачивалась прямо в сознание. Одна из капель упала в кружку девушки, выводя обоих из легкого транса.

— Тебе не кажется, что это все похоже на сон? — мужчина постучал пальцами по крыльцу и отвел взгляд от леса.

— Возможно, это он и есть, — Алиса усмехнулась, отставляя свой кофе.

— Мне нужно съездить в город, не хочешь со мной? — Филипп поднялся со своего места и протянул девушке руку.

Она встала следом, поправила одежду и кивнула.

— Я всегда рада выбраться из этой дыры.

— Не называй мой дом так, — Вестник хмыкнул, но без тени обиды.

— Перестану, когда сделаешь в нем ремонт, — Алиса зашла внутрь и сразу же двинулась в сторону главного входа, осматривая потрепанную от старости крышу и показательно качая головой.

Ева

Холодно, сыро и темно. Ева крепко держала в руках книгу и шла по коридору, подрагивая от сквозняка. Глаза всматривались в полумрак, царящий здесь практически круглосуточно.

Девушка зашла в комнату и хотела уже закрыть дверь, но Марк резко остановил ее, подставляя в дверной проем ногу.

— Я не слышала твоих шагов, — Ева немного растерянно посмотрела на парня.

— Я бы хотел поговорить с тобой наедине, если ты не против.

Она кивнула и отступила, позволяя ему войти.

— Мне кажется, Алиса и Филипп не очень стремятся как-то помогать тебе или что-то рассказывать, так что, если хочешь, я объясню тебе все. Я видел твоё смятение, когда Алиса вручила тебе книгу, но, не волнуйся сильно, по крайней мере постарайся и поверь, каждый из нас чувствовал в самом начале то же самое, что и ты в течение всего сегодняшнего дня.

— Мне самой немного неловко быть с Филиппом открытой, мы не общались слишком долго, чтобы до сих пор считаться родными людьми, — Ева отвела взгляд, по телу пробежал еле заметный холодок.

— Он вообще ни с кем особо не ладит, как и Алиса, но, так уж вышло, что она у нас встречает новеньких, ну а Филипп, он, как мне известно, твой дядя.

— Да, все верно.

— Мы можем присесть?

Она кивнула и опустилась на край кровати вслед за Марком. Девушка отложила книгу, мысленно обещая себе прочесть ее позже, и взглянула на кота, который легонько толкнул головой дверь, и когда та открылась, вышел в коридор.

— Ты говорила о голосах, о том, что слышала имя Богини.

— Я и сейчас слышу. Стоило мне приехать сюда, как все мелодии и слова превратились в осиный рой, шелестящий в ушах каждый раз, когда я задумываюсь об этом.

— Филипп был прав, когда говорил мне, что в его доме ты превратишься стремительнее. Это место так влияет на тебя, потому что здесь живет Вестник Темной Луны.

— Марк, а где живешь ты?

— Я? — парень переспросил, удивленно улыбнувшись и проведя рукой по волосам, — в общем-то, тоже здесь.

— Всегда?

— Да, мы с Филиппом несмотря на то, что, по сути, очень разные, много раз помогали друг другу, и сейчас стараемся держаться вместе.

— А Алиса?

— Честно, не знаю. Она то здесь, то там. Единственное, что мне известно — она часто бывает в Польше, по крайней мере, бывала.

Ева отвлеклась от диалога, обратив внимание на необычную татуировку, покрывающую плечо Марка.

— Что это?

— Где? — парень взглядом последовал за Евой, — а, это Вегвизир. Другими словами,

рунический компас или указатель пути. Здесь у каждого есть символы, которые помогают во время различных обрядов.

— И часто вы эти обряды проводите?

— Как прикажет Геката. Как правило, несколько раз в год, если не считать принятия новых служителей.

— Мне кажется, — Ева сделала паузу прежде, чем продолжить, и прикусила губу, — Филипп всегда знал, что я должна была вернуться в этот дом.

Марк ненадолго задумался, по его глазам было видно, что он старался правильно подобрать слова, в то время как девушка осматривала свою комнату.

— Вестниками часто становятся люди из одной семьи, многих избирают целыми поколениями. Например, тетю и племянника, или наоборот, но также нередко в круги «приходят» посторонние, которые никогда раньше не слышали о Гекате.

Он посмотрел на Еву, убеждаясь, что она понимала, о чем он говорил.

— Я до избрания не верил во все это, был категоричен во всех вопросах, касающихся магии или религии. Мои родители были очень религиозными людьми, и они с детства старались то же привить мне, но не сложилось. Чем больше вопросов я задавал, тем меньше получал ответов, и вскоре оставил попытки разобраться. Начало служения перевернуло мою жизнь с ног на голову. Сейчас практически никто не говорит о старых богах, древние религии давно умерли, и их уже и не пытаются воскресить. Впрочем, нам это и не нужно. Я хочу кое-чем с тобой поделиться, собственными мыслями и наблюдениями, которые, возможно, тебе помогут.

Девушка кивнула, удобнее располагаясь на кровати. Она надеялась, что хотя бы Марк сможет ей что-нибудь объяснить.

— Человек, как только он стал разумным, задумался над тем, откуда появилось все окружающее его материальное пространство, откуда взялся он сам, что или кто находится за гранью видимого ему мира и стоит за всем этим. Действительность, в которой он обитал, казалась ему недостаточно полноценной, ведь было слишком много всего, выходящего за рамки его понимания. Их познания о мире ограничивались сроком их смертной жизни, но что, если их естество — это не их тело, а нечто большее, существующее до и после их жизни здесь? Постепенно люди пришли к тому, что их тело — тленно, а разум — вечен.

— Если все, что мы видим, это наше субъективное восприятие, то, где истина? — спросила Ева, неотрывно смотря на своего собеседника.

— Истину ведают боги. Человек пребывает в забвении в нашем мире, он не помнит того, что было с ним до рождения, и не знает, что будет после. Боги даруют все то, что мы называем удачей и вдохновением, страданиями и счастьем. Они заключили сделку с людьми — благосклонность творцов взамен на поклонение творений пред ними. Путь человечества предписан судьбой, а судьба — в их руках.

Он невесомо коснулся пряди волос девушки.

— Но мы уже не люди. Мы не можем поклоняться никому, кроме одной лишь Гекаты. Наша богиня дарует людям блага до тех пор, пока ее Вестники служат ей и наполняют ее силой. Все в мире взаимосвязано. Мы — создания богов, принятые в объятия Богини Темной Луны, ибо она сейчас правит на Земле. Мы совершаем ритуалы, дабы насытить ее. Боги нуждаются в нас не меньше, чем мы в них.

— Но, если люди сами пришли к богам, и те открылись им, почему в мире у них столько имен и обликов? Бога солнца изображают то молодым светловолосым юношей, то старцем с

длинными седыми волосами?

— Ева, протяни вперед руку.

Девушка послушно вытянула перед собой ладонь и посмотрела на нее.

— Ты чувствуешь пальцами воздух?

— Да.

— Но ты не видишь его, верно?

— Да.

Ева кивнула и пошевелила рукой, словно ребенок, впервые узнавший о существовании атмосферы.

— Боги в описаниях разных народов представляются абсолютно по-разному, но все же истории о них звучат примерно одинаково. Однако, им не свойственно то же постоянство, что людям. Они не привязаны к смертной плоти, а потому могут существовать одновременно во многих местах и во многих обликах; людям не дано познать их истиной сущности, потому боги являются к разным народам в более привычном для них, «упрощенном» облики. Иначе смертные не способны увидеть божеств. Проще говоря, люди называли Луну Гекатой, но не они дали ей это имя, а она им. И к некоторым народам она представала под иными именами, более привычными тому или иному языку или культуре. Например, Эрешкигаль.

— Все взаимосвязано, — повторила Ева и улыбнулась.

— Именно. И наша связь с ней нерушима. С одной стороны, люди перестали поклоняться богам так, как раньше, с другой, наша судьба в этом времени кажется особенной, и таковой и является. Мы — часть Великого, немногие люди достойны быть посвященными в божественные тайны.

Ева задумалась. Его голос звучал так спокойно и уверенно, словно он рассказывал это уже много раз, и сейчас ему нужно было просто повторить.

— Марк, — начала она, окидывая комнату беглым взглядом, — как ты попал в этот круг?

— Луна избрала меня, как и всех здесь.

— Нет, мне интересно, кем ты был до служения.

Краем глаза она заметила, как слегка сжались его челюсти. Марк отвел от девушки взгляд, ставший отрешенным, словно он больше не был здесь, в этой спальне, погружившись в собственные воспоминания.

— Я с детства рос в приюте недалеко от Игнарины. Знаешь, где обычно строят подобные дома, — среди леса, недалеко от дороги, чтобы, в случае побега, тебя быстро могли поймать и не привлекать лишнего внимания, — он вздохнул и снова обратил внимание на Еву, — я не знаю, что случилось с моими родителями, кем они были и почему я оказался именно там, но так сложилась судьба.

Их взгляды встретились, и он протянул ей ладонь. Почувствовав мягкую кожу чужой руки под пальцами, Марк продолжил.

— У человека вроде меня не было ни единого шанса на хорошую или хотя бы сколько-нибудь сносную жизнь после совершеннолетия. К моему счастью, как только мне исполнилось восемнадцать, меня избрали. Вестник по имени Лев, заместо которого в свое время стал служить Филипп, привез меня в разваленную квартиру недалеко от центра. Я жил там до тех пор, пока не прошел обряд твоего дяди. Он почти сразу познакомился со мной и позвал к себе. Теперь я живу здесь.

Она не знала, что сказать, а потому просто молча сидела и смотрела на мужчину,

ощущая мягкие поглаживания его пальцев.

— Тебе следует ценить то, что у тебя есть дядя. Ни одного из тех, кого я знал, будучи ребенком, уже не осталось в живых.

— Хорошо, — единственное, что смогла прошептать Ева, анализируя в голове его рассказ.

Спустя несколько мгновений Марк поднялся с кровати и, взглядом удостоверившись в том, что девушка в порядке, направился к двери.

— Я все же советую тебе начать читать «Луну», в ней много полезных мыслей и знаний, и, возможно, она будет даже интереснее, чем мои рассказы.

Ева кивнула и, когда парень ушел на первый этаж, она достала из-под кровати рюкзак с вещами, надела теплый свитер и, устроившись удобнее, открыла книгу на первой странице.

«Геката. Богиня Темной Луны.»

Тысячеликая Луна, шествующая между мирами, Троединая Богиня, чьи воплощения невозможно счесть.

Она — Геката, но в кругах разных народов несет разные имена. Шумеры называли ее Эрешкигаль, скандинавы — Биль, а древние кельты обращались к ней как к «Безымянной» трехликой Богине.

Ее культ расцвел во втором тысячелетии до нашей эры в Карию. Она являлась воплощением жизни и смерти, повелительницей ночи и темноты.

Тогда богине было не принято поклоняться, поэтому Геката, раз в несколько лет спускалась из своей Обители, и сама избирала смертного, который должен был служить ей неопределенный срок. В ближайшее полнолуние над новым «избранным» Луны свершался обряд, именуемый обрядом восшествия, где он произносил молитву и приносил свою жертву во имя Великой.

Это продолжалось до тех пор, пока за шестнадцать столетий по всему миру не появилось двадцать девять кругов — мест, где Богиня чаще всего забирала людей.

Постепенно круги превращались в места, где проходили ритуалы и собирались служители Богини. Круг мог быть как из песка, усыпанный галькой или обложенный крупными камнями, так и просто ровно вычерченный или выжженный.

«Избранные» не покидали Землю, но перерождались, меняясь внешне и внутренне. Они превращались в подобие Гекаты, ее «детей» — их волосы становились пламенем, вены — золотом, а кожа — снегом. Богиня пробуждалась в них, даруя новую жизнь взамен на преданность.

Они именовали себя Вестниками Темной Луны.

Дочери и сыновья Лунного света, которым было положено совершать обряды и ритуалы во благо людей и ночи.

Когда каждый круг принял в себя по двенадцать Вестников, Геката наградила двух самых преданных своих детей и наделила их высшей силой, сделав своими приближенными. Их именовали Принцем и Принцессой Темной Луны.

И было так».

Вторая часть

Познание

Глава 8

Алиса

Двадцатые числа ноября были наполнены сильными ветрами и непрекращающимися дождями, в отличие от последней недели перед декабрем. Природа продолжала быть такой же мрачной и пасмурной, но буйства стихий остались позади. Вокруг постепенно воцарялось неземное спокойствие, все застывало, без спешки готовясь к зиме. Солнце то и дело просачивалось сквозь густые облака, озаряя землю, а после снова скрывалось до тех пор, пока вовсе не уплывало за горизонт.

Алиса находилась на кухне и заваривала кофе, как в дверь постучали. Девушка медленно подошла к выходу и открыла.

Перед ней, на ступеньках ветхого дома, стояло самое близкое к Луне создание — Принцесса Темной Луны Мария.

Ее белоснежные волосы сияли на солнце, словно они были осыпаны целлофановыми конфетти, а длинное платье украшало бледное тело. На вид ей было не больше двадцати пяти лет, но на деле уже много веков она служила и жила на Земле.

Мария какое-то время смотрела вдаль, вглубь дома, покручивая серебряный перстень на пальце, после чего перевела взгляд на встретившую ее Вестницу. На лице девушки тут же засияла улыбка. На вид она казалась дружелюбной, но Алиса впустила ее, не сказав ни слова, ведь знала, что в присутствии Принцессы лучше не болтать лишнего.

Филипп и Марк, услышав шум в прихожей, спустились вниз.

— Приветствуем тебя, Принцесса Темной Луны, — начал Филипп.

— Всем доброго утра, — в свою очередь отозвалась Мария.

— Может, чаю? — предложил Марк и рукой указал в сторону кухни.

— Не откажусь.

Когда все расселись за столом, Мария завела разговор.

Она заговорила о приближающемся обряде восшествия, что должен произойти во время одного языческого праздника, вне зависимости от положения луны, но остановила поток слов, когда увидела стоящую в проеме двери Еву.

— Проходи, не бойся, — Мария внимательно оглядела ее, заставляя обратить внимание на отсутствующий цвет радужки глаз, что сливался со склерой, выделяя черные зрачки.

Переведя взгляд на остальных, та начала разговор сначала.

— Мы все знаем, что до обряда восшествия еще месяц. А значит, нам необходимо будет собрать Вестников в кругу не позже, чем через две недели, — Принцесса встала и подошла к Еве, которая все еще стояла в дверях.

— Дорогая Ева Бросковски, я рада познакомиться с тобой, — она взяла руки девушки в свои, — вы все, вероятно, удивлены моему прибытию в обитель Филиппа так скоро, но я здесь, чтобы помочь вам с приготовлением к зимнему солнцестоянию и становлению тебя, Ева, полноценной частью этого круга.

В комнате на мгновение стало так тихо, что Ева слышала стук собственного сердца. Она поймала взгляд Марка, а следом посмотрела в глаза Марии, пугающе красивые.

— Проведение обрядов и восшествий, а также принятие новых Вестников — это мои основные обязанности, и за этот месяц я хочу помочь тебе адаптироваться к новой жизни и стать полноправным членом нашей... семьи.

— Есть также Арон, — в диалог вмешался Марк, он хотел добавить что-то еще, но его руку крепко сжала Алиса, заставляя замолчать.

— Ах, да, — Принцесса широко улыбнулась и отошла от девушки, возвращаясь за стол, — Арон — Принц Темной Луны, который обучает все круги новым обрядам и сообщает о новых правилах, данных Гекатой. Он также хранит книги «Луна», но у вас эту задачу выполняет Алиса.

Некоторое время все занимались своими делами. Марк скрылся на втором этаже, Филипп пошел на улицу подышать свежим воздухом, Принцесса рассматривала картины в гостиной. Алиса в это время убирала со стола, но, заметив изумленный взгляд Евы, стоящей у окна кухни, обратилась к ней:

— Неужели Айтвараса³ увидела?

Проигнорировав усмешку Алисы, Ева произнесла:

— Дом ведь не отапливается, а на улице уже довольно холодно, но почему мне комфортно? — ее недоумение перешло и к Алисе, когда та не знала, что ответить.

Услышав вопрос, как бы случайно, Мария подошла к девушкам.

— Мы — Дети Луны. А луна — холодный спутник Земли. Для нас и нашего организма присущи иные температуры, но это все лишь градусы, они ничего не значат, — она ободряюще улыбнулась.

Алиса не знала, что добавить, и лишь кивнула, а после ушла на задний двор к Филиппу.

Ева

Ева помнила этот дом. Каждую трещину на потолке, неровность пола, след от краски на подоконнике. Девушка шла по второму этажу, замечая все то, на что обращала внимание еще в детстве.

Она жила здесь с мамой и дядей, пока ей почти не исполнилось семь. Тогда они уехали в столицу, якобы потому, что девочке нужна лучшая жизнь, но Ева знала, что они тогда очень сильно поругались с Филиппом, правда, не помнила причины.

И вот, спустя десять лет она вернулась сюда, правда, без мамы и не имея ни малейшего понятия, зачем.

Девушка остановилась возле одной из дверей и осторожно провела по ней кончиками пальцев. Раньше за ней находился мамин кабинет. Там она хранила свои книги и цветы, а также вела какие-то записи. Ева была там всего один раз, года в три или четыре, когда мама забыла закрыть дверь и отошла по делам. Девочке нельзя было заходить внутрь, но любопытство победило в тот день.

Она залезла на подоконник, так как любила смотреть в окно. Оно было открыто и оттуда дул легкий ветерок, а солнце нежно ласкало небольшой лес, рядом с которым стоял их дом. Ветер играл с листьями на деревьях и переплетался с ветвями. На небе не было ни единого облака.

Девочка смотрела в окно, любуясь видом, пока не заметила среди природы что-то необычное, сливающееся с землей. Это был круг. Он был сокрыт среди деревьев и на него не падал ни один луч солнца. Находившийся в самом низу, практически незаметный, притягивал исходящим от него спокойствием.

Как Ева могла забыть это?

— Круг... — прошептала она вслух.

— Поляна, окруженная со всех сторон небольшим лесом. Место поклонения нашей Богине Темной Луны — Гекате.

Ева вздрогнула и обернулась. Прямо перед ней, буквально в нескольких сантиметрах стоял Марк. Девушка молчала с полсекунды, а потом взяла парня за руку, шепотом сказав:

— Мне кажется, точнее, я думаю, что вы все здесь больные. И мой дядя тоже, и, наверное, ты. Я просто не понимаю, зачем мама привезла меня сюда и как согласилась на то, чтобы я присоединилась к вашей секте. Вы служите богине Темной Луны, сами вообще слышите себя? Это звучит ненормально. — Марк пытался остановить ее поток мыслей, но девушка продолжала говорить все, что она думала и к концу уже делала это в полный голос, — это вообще законно? Кто-нибудь знает? Я надеюсь, что вы хотя бы не приносите людей или кошек в жертвы.

— А что ты скажешь о своих волосах, которые стали рыжими? — Марк, наконец, прервал ее и заставил замереть от холодного и слегка раздраженного тона, — о голосах, зовущих тебя сюда?

Ева посмотрела на парня во все глаза и замолчала на некоторое время, хоть ее губы и оставались приоткрытым. Она отпустила его руку и дотронулась до волос.

— Да вы, наверное, прокляли меня. Я скоро умру или... вы продали мою душу?

Марк потёр свои виски и сразу после этого, не отвечая на вопрос, взял Еву под локоть и

завел в комнату. Он закрыл дверь на замок и посмотрел на девушку, прожигая взглядом.

— Если Алиса или Мария услышат твои вопли, то ты и вправду скоро умрешь, но не для жертвоприношения, а потому что много болтаешь. Ты совсем ничего не понимаешь?

Ева лишь сглотнула и единственное, что смогла из себя после этого выдавить, было: «Мне просто страшно». Марк тяжело вздохнул и выпрямился, а после отошёл от Евы на один шаг.

— О том, что произошло с твоей душой, я не имею понятия. Но, прошу, перестань паниковать. Ты роешь себе сейчас могилу, из которой тебя никто не будет доставать. И как бы я не хотел, не имею здесь большой власти.

Девушка смотрела ему в глаза. В эти серьезные глаза, не выражающие, на первый взгляд, ничего, но если очень приглядеться, то можно было заметить переживание и волнение.

Она вздохнула и спокойно произнесла: «Эта комната пахнет тобой».

Марк

Нежные чувства у Марка к Еве возникли ещё при первой их встрече, когда девушка, дрожащая от холодного ветра, постучалась к ним в дверь. Конечно, парень ждал ее, ведь его предупредил Филипп, но не знал, как она должна выглядеть.

Он стоял ровно, убрав руки за спину и внимательно рассматривая ее лицо — небольшие глаза оливкового цвета, слегка заостренный носик, клубничные, не слишком пухлые губы, которые почти всегда были приоткрытыми и из-под которых виднелись белые зубки. Девушка немного смущенно опустила взгляд.

Парень сделал шаг к Еве и нежно поцеловал ее в лоб, а после снова отошел к двери, открыл ее и вышел, скрываясь в тени коридора.

Ева

Ева почувствовала прикосновение холодных губ и подняла взгляд, но в комнате уже никого не было. Она повернулась, решив осмотреться. Румянец на щеках стал понемногу проходить.

Ничего не изменилось и здесь. Те же трещины на потолке, слегка отклеившиеся обои в углу, стертый паркет, на котором ни тогда, ни сейчас не было ковра. В этом доме вообще не было ковров, даже в ванной. У правой стены также стоял книжный шкаф, только сейчас практически пустой, если не считать пары-тройки жутко запылившихся книг. А вот слева пропали кресла, на их месте ничего не было, а рядом с камином поставили комод — точь-в-точь как у Евы в комнате. Прямо напротив окна находилась металлическая кровать с сеткой.

Видимо, это была комната Марка.

В голове всплыло еще одно неожиданное воспоминание.

Ей было шесть.

На улице только что закончилась гроза, а Филипп вместе с мамой ушли на первый этаж встречать каких-то гостей, оставив Еву наверху одну. На улице уже стемнело.

Девочка надела свое любимое льняное платье с незамысловатыми узорами и принялась расхаживать по второму этажу. Снизу стали доноситься незнакомые голоса, постепенно утихая до тех пор, пока вовсе не прекратились. Все куда-то ушли.

Поняв, что Ева осталась одна, она медленно подошла к запретному кабинету и открыла дверь.

Окно в комнате было распахнуто и оттуда дул холодный ветерок, несущий с собой запах мокрой хвои. Она подошла к нему и осторожно залезла на подоконник.

Деревья на улице шумели, луну в небе было практически не видно из-за облаков, спешащих куда-то за горизонт, но, когда среди елей что-то промелькнуло, ветер практически мгновенно прекратился, а луна засияла в полную силу и стала освещать лес, поляну и круг, к которому приближались какие-то люди.

Все они были рыжеволосыми, в белых одеяниях, с венками из сухих веток на голове и босиком. Девушки и юноши, лица которых было сложно разглядеть. Они стали поочередно зажигать ночные фонари, что держали в руках и останавливались перед кругом, не ступая в него, пока последний фонарь не был зажжен.

Первыми вошли девушки, и как только их ноги коснулись круга, откуда-то издалека словно прозвучал звон колокола. Ветер снова поднялся и стал дуть с еще большей силой, зашелестели листья, и под неведомую мелодию, зазвучавшую из чащи леса, они начали танцевать. Их движения были похожи на шум волн, бьющихся о скалы, на языки пламени от костров, на кружащих в небе орлов, подчинивших себе стихию.

Через какое-то время присоединились и юноши. Все вместе они взялись за руки, а потом отпустили их и начали кружиться, парить, двигаться в такт ветру, а тот в свою очередь вместе с огнем фонарей стал окутывать танцующих.

Это было мистическое и загадочное зрелище, за которым внимательно наблюдали лишь двое — Ева и Луна.

Деревья постепенно успокаивались, и когда танец завершился, в лесу наступила мертвая тишина. Все положили фонари на землю, а сами вышли за пределы круга и встали по его

краям. Из темноты вышла еще одна девушка, неспешно заходя в центр. Она сильно отличалась от остальных — незнакомка была очень худой и высокой, ее белоснежные волосы спадали на плечи и грудь, а тело покрывало пепельного цвета платье в пол с множеством узоров и камней.

Она повернулась к одному человеку, что стоял к Еве спиной, протянула ему ладонь и проговорила: «Филипп, Вестник Темной Луны, это твоя ночь».

Мужчина взял ее руку, и пара поменялась местами. Теперь он стоял в центре круга, повернувшись лицом к дому. Остальные люди взялись за руки. Фонари неожиданно потухли, и Ева еле смогла разглядеть в этом человеке своего дядю. Как только в лесу стало непроглядно темно, и даже луна не освещала более пространство в нужной мере, произошло еще кое-что очень странное.

У присутствующих начали светиться вены на руках, поблескивая. Филипп поднял глаза в небо и запел, но слова не доходили до окна девочки. Это была нечеловеческая мелодия, словно ее исполнял другой человек, или же не человек вовсе.

Голос оборвался тогда, когда круг начал от краев и до ног мужчины покрываться льдом, и только в нем отразилась полная луна, тут же оттаял.

Все потухло. Обряд завершился в одно мгновение. Небесное светило скрылось за облаками, люди начали расходиться.

Ева аккуратно слезла с подоконника и хотела уже выйти, дабы записать и зарисовать все увиденное в свой дневник, но тут на втором этаже послышались шаги. Девочка замерла. Дверь в комнату открылась, и включился свет. Перед ней стоял парень. Он был одет также как те, что проводили необычный обряд в кругу. Его ярко-рыжие волосы падали на плечи и слегка вились. На вид ему было лет двадцать, хотя Ева плохо разбиралась в возрастах.

Он опустился перед ней на одно колено, чем немного напугал, и девочка отошла на один шаг.

— Здравствуй, — парень осторожно протянул руку, — ты Ева, да?

Она кивнула, но с места не сдвинулась.

— Я Марк, тебя не может найти мама, очень сильно переживает. Пойдем, я отведу тебя в твою комнату?

Ева постояла еще несколько секунд, но потом согласилась. Парень взял ее на руки и отнес в детскую, где на краю кровати сидела Лукерья. Как только она увидела свою дочь, сразу поднялась и забрала ее.

— Что ты делаешь? — женщина сердито посмотрела на Марка.

— Ты не могла ее найти, я помог.

— Ни тебе, ни кому-либо еще из вас нельзя соприкасаться с нами. Ты разговаривал с ней?

— Иначе бы она не согласилась идти с незнакомцем.

— И правильно, — Лукерья на мгновение задумалась, — спасибо, но вам всем уже пора уходить, а я уложу Еву спать.

— Ты же помнишь, что уходить нужно вам? Здесь теперь живет Вестник...

Женщина перебила его.

— Не сейчас.

Он кивнул, попрощавшись, и закрыл дверь. Ночник тускло освещал детскую и кровать, на которую положили Еву. Лукерья наклонилась и нежно поцеловала девочку в обе щеки, как у них было принято перед сном, и погладила по волосам.

— Засыпай, милая, завтра будет новый, замечательный день. Я люблю тебя.

После этих слов она тихо встала и подоткнула одеяло девочки, а затем вышла из комнаты. У двери послышался мужской шепот.

— Марк сказал мне, где нашел Еву.

— О чем ты?

— Она была в твоём кабинете и видела обряд. Он встретил ее, когда та уже собиралась выходить оттуда, и по его словам, окно было открыто. Ты сама знаешь, что из него виден круг.

— И что нам делать? Она этого не забудет.

— Мне придется поговорить с нашей Принцессой, она сможет надеть на Еву «пелену», скрыть воспоминание об обряде. Твоя дочь еще ребенок, я думаю, что сделать это возможно и просто.

Судя по голосу, доносящемуся из-за двери, это был Филипп.

— Поверь, я сам очень люблю нашу девочку, мою племянницу, и не хочу сделать ей хуже. Вам повезло, что эта участь коснулась меня и мою линию, а не вас. Я надеюсь, что ни Еву, ни ее детей Луна теперь не изберет. Из нас двоих, Лукерья, я стал Вестником, а значит, теперь вы в безопасности. Но вам нужно будет уехать, чтобы окончательно забыть обо всем этом и не вспоминать уже никогда. Мне очень жаль, но теперь вы не можете жить со мной в одном доме. Я бы мог оставить вам дом, если бы не этот проклятый круг прямо рядом с ним.

— Если вы отберете ее воспоминания об этом дне, она не поймет, почему мы вдруг уезжаем.

— Скажи ей, что вы поедете в Вильнюс, так как там большие возможности для твоей работы и ее образования. Что ты хочешь отвезти ее в лучшее место, где вы сможете развиваться и по-настоящему жить. Эта деревня не даст ей никаких перспектив, и это правда.

— Но она будет скучать по тебе, Филипп, и захочет видеться.

— Мария сделает так, чтобы в воспоминаниях Евы мы с тобой сильно поругались, тогда ей не будет так тоскливо, и она не станет возвращаться.

— Ты думаешь, ранить ее сердце — это хорошая затея? Она ведь любит тебя.

— Я знаю, сестренка, я все знаю.

После следовало молчание, и дальнейшего разговора Ева не услышала, так как погрузилась в долгий и крепкий сон.

Ева

Ева глубоко втянула в себя воздух. Солнце пробивалось сквозь занавески и играло ее с золотыми волосами. Она все так же стояла в этой комнате, но смотрела на нее теперь уже совсем по-другому.

Вернувшись к себе, девушка окинула взглядом пространство и осторожно присела на кровать. Голова слегка кружилась. Значит, Ева увидела обряд Филиппа, и из-за этого им пришлось уехать. А еще Марк уже был с ней знаком, правда, с совсем маленькой.

В голове все начало понемногу проясняться, но почему Марк был на обряде Филиппа, если он выглядит моложе его, она сказать себе так и не смогла.

Алиса

Алиса стояла на заднем дворе и разговаривала с Филиппом. Ветер играл с золотыми прядями, а лучи солнца пробивались сквозь ветви деревьев. Лес наблюдал за ними безучастно, но внимательно.

— Я не понимаю, если, по твоим словам, все идет как надо, зачем прибыла Мария? — девушка сжимала в правой руке угол своего кардигана.

— Алиса, я не имею понятия об этом.

— Ты не утешаешь. Не могла Принцесса приехать просто так.

— Мария ведь сама сказала, что она хочет проконтролировать, как мы подготовимся к обряду.

— У нее никогда не было ко мне никаких претензий. Я всегда все делаю безупречно.

— Мария приехала не к нам, — к паре неспешно подошел Марк, — с Евой все в порядке, она многого не понимает, но интересуется. Это абсолютно нормально.

— Тогда что ее привело сюда?

— Я полагаю — круг, — парень сказал последнее слово шепотом, ведь на заднем дворе показалась Мария.

Она не обратила внимания на Вестников, направляясь в сторону леса. Девушка прошла мимо них и встала перед деревьями, прикоснувшись ладонью к стволу одного из них. Едва уловимый шепот донесся до беседующих, после чего Принцесса ступила в заросли.

Алиса внимательно проследила за ней, а после снова посмотрела на мужчин.

— У меня плохое предчувствие.

Ева

Ева осторожно взяла в руки книгу и открыла на последней прочитанной странице. Ей не терпелось найти ответы на все интересующие вопросы.

«Триединая Богиня живет в каждом своем дитя.

Угасание. Перерождение. Пробуждение.

Вслед за жестокой зимой приходит весна. Всегда. Все, кто спал, отойдут ото сна.

Они почувствуют холодное дыхание вспыхнувшей внутри них Богини. Геката шепчет: «Умирай, возрождайся. Прорасти сквозь свое тело новую жизнь, исполни свое предназначение. Восхваляй Великую Луну, принося свою жертву, и вкуси ниспосланные тебе дары».

Вестники Темной Луны — посланники Гекаты на Земле.

Богиня провела незримую нить сквозь всех служителей Ее, дабы соединить их и сделать

единым целым. Они отдают ей свою жизнь, становясь подобными Ей.

Их главная задача — поддержание связи с луной — единственным спутником нашей планеты.

Они несут информацию о Богине, дабы культ развивался и продолжал жить на протяжении веков. Геката дает им знания, как проводить ритуалы, чтобы сохранять баланс.

Луна управляет приливами и отливами во всех океанах, освещает путь в безоблачные ночи, она — властительница тьмы и света, несущая порядок и созидание в наш мир.

Сильные приливы, отливы или стихийные бедствия означают, связь между Вестниками Темной Луны и Богиней была нарушена. Тогда необходимо свершать уже изученные ритуалы снова, чтобы вернуть гармонию.

Если каким-то образом люди узнают о них и пытаются помешать их деятельности, Вестники не могут исполнять свое предназначение, и происходят непредвиденные катастрофы. Они не успевают восстанавливать баланс, ибо люди встречаются, отвлекают от проведения обрядов.

Потому Вестники должны скрываться и избавляться от тех, кто узнаёт слишком много.

Им приходится держаться в тени, чтобы никто не мог отвлечь их, поскольку от них зависит судьба человечества. Они должны контролировать каждое свое слово и движение.

Таково их предназначение».

Алиса

Алиса провела на заднем дворе весь день. Она удобно расположилась на террасе и погрузилась в свои мысли, наслаждаясь тишиной и легким шелестом деревьев. Сегодняшняя ночь, как и завтрашний день, обещали быть спокойными и безоблачными, судя по ясному небу до самого горизонта.

Девушка стала думать о Еве. Эта новенькая не выходила у нее из головы. Столько вопросов в ее глазах, столько непонимания и надежды, что это все просто глупые шутки. С каждым днем Алиса становилась все более внимательной к ней, и тем самым начала замечать, насколько же она сама изменилась с момента первого появления в этом кругу.

Единственный, кого она здесь обрела, был Филипп. Два совершенно невозможных характера, две одиночки с похожей судьбой, ставшие друг для друга словно брат и сестра. Луна испачкала руки обоих в саже, и это их связало.

Девушка вспомнила первое знакомство с Марией. Оно произошло за несколько десятков лет до превращения Филиппа. Тогда Принцесса сказала, что Алиса ничем не отличается от остальных, чувствует то же и живет в тех же условиях, но в ней есть одна маленькая особенность — судьба ведет ее сильнее других, она всю жизнь ровно следует по своему начерченному пути, и не сходит с тропы, несмотря на свою мятежность.

Но Алиса так и не смогла до сих пор понять, для чего пришла в это место и стала той, кем никогда не хотела быть.

Вестница сидела на скамье и наслаждалась тем, как ласково с ее волосами играл ветер. Она видела, как Мария возвращалась из леса — загадочная, полная неизвестных раздумий и очень взволнованная. Ее глаза были полны слез, едва поблескивающих в ночи.

Луна освещала деревья так четко и ярко, что Алиса смогла заметить, как странное полупрозрачное существо блуждало между стволами и тянуло за собой легкий шлейф тумана. От него словно исходила неведомая мелодия, пугающая даже больше него самого, темная и траурная. Оно бесшумно плыло в направлении Принцессы, и исчезло из виду, стоило той зайти в дом.

Алиса поспешно поднялась и, игнорируя подступившую волну паники, тоже направилась к двери.

Внутри было намного уютнее, чем снаружи, несмотря на абсолютную тишину. Нигде не было слышно ни голосов, ни каких-либо еще посторонних звуков. Она направилась на кухню и заварилась себе чай, попутно размышляя о том, что могла встретить в лесу. «Никогда не видела ничего подобного», — пронеслось у нее в голове.

— Он слышит нас иногда, — Мария появилась словно из ниоткуда, бесшумно зайдя в комнату и плавно опустившись на ближайший стул.

Алиса вздрогнула от неожиданности и повернулась к ней, озадаченно спросив:

— Кто?

— Лес, разумеется, — Принцесса направила свой взгляд к окну.

Ночное светило пробивалось сквозь небольшие облака, неспешно плывущие по небу, и изредка проникало в темную кухню, озаряя ее.

— Он охраняет наш круг, оберегает обитель Филиппа и ритуальное место, защищает каждого из вас, — Мария говорила тихо, будто боялась нарушить царившее в доме

спокойствие.

— Но от кого? — девушка задавала вопросы нерешительно, боясь сказать лишнего или показаться навязчивой, но сейчас она разрешила себе проявить любопытство, — я видела кое-что в лесу, нечто, блуждающее меж деревьев. Оно появилось после того, как вы вернулись в дом. Что это было?

— Здесь всё хранит свои секреты, не так ли? — Принцесса улыбнулась уголками губ и поднялась со своего места, — доброй ночи, Алиса. Ни о чем не думай.

Ева

Золотая свеча, стоявшая на тумбочке рядом с кроватью Евы, уже догорала, но еще освещала комнату и приносила тепло. Девушка готовилась ко сну, когда в дверь спальни постучали.

— Да?

В комнату вошел Филипп, от чего выражение ее лица стало немного удивленным.

— Ты что-то хотел?

— Думаю, что это поможет тебе немного успокоиться.

Мужчина протянул Еве кружку с чаем и опустился на край кровати. Она взяла в руки напиток и, немного подув, сделала небольшой глоток. Легкая горечь осела на языке, от чего девушка слегка поморщилась. На вкус этот чай напоминал цветочные духи, и ей не слишком хотелось пробовать его еще раз, потому она осторожно поставила чашку на тумбу.

Краем глаза Ева заметила, что Филипп нахмурился, наблюдая за этим.

— Я тебя совсем не знаю, — он тяжело вздохнул и покачал головой, — и понятия не имею, чем могу помочь.

— Мне просто не нравится чай с жасмином, — она попыталась сделать свой голос мягче, — Филипп, я должна тебе кое-что сказать.

Мужчина на мгновение поднял на нее глаза, и в этот момент волнение практически захлестнуло девушку, перекрывая любые попытки успокоиться.

— Я все вспомнила.

— О чем ты?

— Мы с мамой переехали и перестали общаться с тобой потому, что ты стал Вестником?

— Ты совершенно права, — на лице Филиппа появилась короткая усмешка, — чары Марии все-таки развеялись. Когда ты прибыла сюда, я знал, что это случится.

— Так Вестники не могут общаться с простыми людьми?

— Нет, — мужчина встал и остановился около окна, — именно поэтому ты здесь, со мной, а не в Вильнюсе.

— Я здесь навсегда?

— В этом доме или в облике Вестницы?

— И то, и другое.

Филипп посмотрел на улицу сквозь пелену ночи и сделал глубокий вдох прежде, чем ответить.

— Хочешь узнать что-нибудь еще?

Девушка несколько минут молчала, пытаясь собраться с мыслями. Ей было неловко общаться с ним по душам, и, судя по закрытости мужчины, ему тоже. Они не виделись слишком долго, не имея при этом ни малейшей возможности поддерживать связь. Казалось, что они стали друг для друга совершенно посторонними людьми за прошедшие годы.

— Ты почти не изменился за эти десять лет.

Он коротко кивнул.

— Так и есть. Вестники застревают в том возрасте, в котором они были избраны, и остаются в нем до конца своего служения.

— А что с ними становится после? Насколько я поняла, в одном круге может быть не больше двенадцати «избранных».

— Никто точно не знает, но Мария когда-то говорила, что им дается новая жизнь. Хотя я в этом и очень сомневаюсь.

— Сколько лет Марку?

— Столько же, сколько и мне. Тридцать шесть.

— Я думала, что ты старше моей мамы.

— Наоборот, она старше меня.

— Хорошо... — Ева осмотрела уже потускневшую комнату и вдруг кое-что вспомнила.

— Я видела, что Марк был на твоём обряде. Как такое возможно, если вы одногодки?

Мужчина усмехнулся.

— Марк стал Вестником на восемь лет раньше меня. Когда нам обоим было восемнадцать, он уже начал служить Луне, а я только впервые наткнулся на круг за нашим домом. До этого я ничего не знал об этом культе и о Богине в целом.

Девушка затаила дыхание, внимательно слушая своего дядю и постепенно осознавая, как сильно тосковала по нему все эти годы.

— Как получилось так, что мы живем возле круга?

— Твоя бабушка была Вестницей, но до обряда она успела выйти замуж и родить двоих детей. Ее муж построил этот дом, чтобы она могла жить здесь вместе с нами.

— Но нам с мамой пришлось уехать, — Ева неосознанно сжала край одеяла, — ей разрешили растить детей здесь, а меня нет?

— Ты не моя дочь, — мужчина тяжело вздохнул и повернулся к ней.

— Где она сейчас?

Филипп ответил не сразу.

— Я не знаю. Она исчезла, когда мне было двадцать, и больше я ее не видел.

— Ладно.

— Тебе нужно поспать, — он отошел к двери, смотря на свою повзрослевшую племянницу, — у тебя будет еще много времени, чтобы все узнать, а для этого нужен отдых.

— Спокойной ночи, — тихо проговорила Ева.

— Спокойной ночи, — ответил мужчина, выходя из комнаты.

Рассвет Ева встречала без сна.

Она долго размышляла, листала «Луну» в поисках каких-то ответов. Книга была наполнена рукописными инструкциями проведения неизвестных ей праздников и ритуалов, и обрывалась на середине, словно была не закончена.

«Великий Йоль».

Языческий праздник зимнего солнцестояния.

Смерть и воскрешение. Закрывание старого года и открытие нового.

Священное время для Вестников Темной Луны, в которое все члены круга должны собраться вместе, чтобы очиститься для нового года, встретить солнце, восставшее из мрака, и узреть возрожденный мир.

Дословно Йоль переводится как «время жертвоприношений» или «темное время». Отмечается он двенадцать ночей, каждую ночь служители должны проводить ритуалы.

Первая ночь — Зимнее Солнцестояние, именуемая самой длинной ночью в году, когда Богиня Геката спускается на Землю и зажигается «костер Йоля».

Вторая ночь — одиннадцатая ночь — бесконечные пиры, сменяющиеся исполнениями обрядов.

Двенадцатая ночь — ночь последнего, завершающего год ритуала. В это время избранные недавно Вестники проходят обряд восшествия, становятся истинными служителями Богини, какой бы фазы в эту ночь не была луна».

Книга полетела на кровать, девушка села на подоконник своей комнаты и посадила Глаза на колени. В голове металась мириада мыслей, запутанных и противоречащих друг другу.

Солнце только планировало появляться над горизонтом, на улице было так тихо, что даже воздух словно застыл. Здесь, в этом практически безлюдном месте, на окраине и без того малочисленного города, ночь не окутывала дома и дороги сном, животные и насекомые не мирно засыпали, они умирали, а на утро, освещенные солнечными лучами, воскресали вновь. Серость и безликость окутывала Игналину сильнее, чем крупные мегаполисы, где, казалось бы, невозможно увидеть даже деревце, выросшее по собственной воле.

То ли наступающие холода так влияли на настроение, то ли внутри Евы пустила корни тоска, но темные мысли преследовали ее, медленно заставляя чувствовать себя покинутой и обреченной.

Алиса

Дикие птицы скрылись за верхушками хвойных деревьев. Ветерок, спокойный и легкий, блуждал вокруг дома. Луна уходила все ниже за горизонт, безвозвратно забирая с собой прошедший день. Ночь текла плавно, и лишь запах зимы отличал ее от предыдущих. Мария неподвижно стояла на ступеньках и смотрела куда-то вдаль. На ней было черное кружевное платье, закрывающее все тело.

— Крайне непривычно видеть вас в траурных одеждах, — Алиса вышла на улицу и закрыла за собой входную дверь.

— Я тоже была когда-то повенчана с этим кругом.

Девушке едва удалось скрыть удивление.

— Вы были приняты в этом круге?

— Да, и я тоже была Вестницей, очень-очень давно. Никто уже не помнит моего истинного облика, да и я с каждым днем все сильнее его забываю. Стать Принцессой Темной Луны для меня не значило стать выше, я полностью отреклась от себя ради всеобщего блага.

— Мы плененные здесь, разве вы сами не видите? Как в болоте тонем.

— Не говори так, Алиса. Ты не знаешь, какую судьбу для тебя уготовила Геката, прими неизбежное, ты все равно не можешь ничего изменить, — Мария старалась сохранять спокойствие, но нервозность собеседницы плавно передавалась и ей, — за все свое время служения я видела слишком много, чтобы обвинять богиню в чем-либо.

— Она оборвала мою судьбу.

Девушка хотела уйти обратно в дом, но Принцесса успела добавить ей вслед:

— Она даровала тебе новую, и я прошу, принимай ее достойно.

Алиса села на диван в гостиной и запустила пальцы себе в волосы, массируя голову и пытаясь переварить слова Марии, или же выкинуть их из памяти. Золотистые пряди закрыли лицо, по которому стекла одна-единственная слеза. Девушка смахнула ее рукой и убрала волосы назад, как вдруг увидела не спеша идущего к ней Филиппа с двумя кружками кофе в руках.

— Не спится?

— Скоро рассвет, — она взяла одну кружку и сделала несколько небольших глотков, прежде чем продолжить говорить, — когда приедут остальные?

— Нам нужно подготовиться к Йолю, а это не быстро.

— Думаешь, нам нужна помощь всех?

— Не знаю насчет всех, но трое должны прибыть со дня на день.

— Кто именно?

— Владимир с Георгом и прошлогодняя новенькая, Марго.

Алиса вздохнула, рассматривая что-то на стене.

— Ты сегодня сама не своя.

— Ничего не могу поделать.

— Я собираюсь съездить сегодня в центр и закупить кое-какие продукты Еве, пока ей еще нужно питаться.

Разговор прервала Мария, вошедшая внутрь и направившаяся к ним. Она была спокойна и сдержанна, словно ничего до этого не происходило.

— Филипп, надеюсь, ты готов расселить всех гостей в своем доме?

— Я готов, впрочем, как и всегда. Мы с Марком поселим некоторых в своих комнатах, остальных можно положить здесь, — мужчина погладил мягкий диван свободной рукой, и туда запрыгнул Глаз, свернувшись комочком.

— Замечательно, — она широко улыбнулась и оглядела гостиную.

— Как думаете, сколько времени займут приготовления?

— Точно не могу сказать, ведь в этом году нас ждет не только Йоль, но и обряд восшествия Евы. Надеюсь, что мы успеем к началу праздника.

Ева открыла форточку, и морозный воздух проник внутрь спальни. Он заставил девушку поморщиться, и напомнил своим присутствием, что наступила зима.

Она взглянула на часы, циферблат которых показывал четыре часа, а следом услышала еле заметный звук журчащей воды и вышла из комнаты.

Внизу раздавались тихие голоса, большая часть жителей дома уже проснулась. Девушка хотела спуститься, поздороваться со всеми и приготовить себе завтрак, но из ванной в одних джинсах вышел Марк, вытирая свои короткие волосы полотенцем.

Мужчина слегка опешил, увидев ее, ведь в мыслях он был далеко отсюда. Встретить Еву буквально у входа в ванную он никак не ожидал, тем более, когда на нем почти не было одежды. Помедлив с сушкой головы полотенцем, он замер, встречаясь с девушкой взглядом и замечая, как та внимательно смотрела на него.

Кажется, она тоже задумалась о чем-то, но остановилась, позабыв о своих делах. Время вокруг словно замерло, в ожидании первого шага со стороны любого из них.

Сперва Марк собирался нарушить неловкую паузу чем-то нейтральным, легким и отвлекающим, но почему-то продолжал хранить молчание. Он убрал от головы руку, сжимающую влажное полотенце, и сдвинулся со своего места, медленно сокращая дистанцию между ними, чем, кажется, вызвал волнение со стороны Евы. До этого момента она продолжала мягко изучать его, но с приближением Марка словно очнулась от наваждения и чуть отвела взгляд, неуверенно сложив перед собой руки.

— Вижу, ты тоже проснулась, это хорошо.

Ева сама не поняла, почему до сих пор тянущееся словно резина время прыгнуло так резко вперед. Еще секундой ранее между ними была пара метров, но вот она уже могла отчетливо ощущать запах его тела после душа, тепло, исходившее от него.

Удивление в мгновение переросло в смущение, и девушка вновь окинула его взглядом, находя глаза Марка практически перед собой. Почему-то именно сейчас, увидев ее в платье, что она не успела сменить после сна, переполненной утренним, естественным очарованием, прежняя осторожность отошла на второй план.

Первое же место в эмоциональном состоянии Марка занимало одно невинное на его взгляд, но очень важное для них обоим желание. Он не был готов сейчас отложить его осуществление на другой, лучший случай, не желал упустить тот момент, что, возможно, больше не появится. Столько лет знать ее, помнить еще совсем маленькой, но вот, видеть рядом совсем другой. Мужчина не мог позволить Еве чувствовать здесь себя неудобно, желать сбежать из клетки. Круг должен стать ее домом. И Марк. Они оба ждали ее слишком долго.

— Ты так красива.

Три коротких слова. Он вложил в них все чувства, которые невозможно было больше скрывать. Марк знал, что она смутится, возможно, испугается, а потому старался быть крайне аккуратным и нежным, не напирал, но брал инициативу в этом важном шаге в свои руки.

Его мягкая ладонь коснулась ее нежной шеи сразу же после того, как губы соприкоснулись с мягкими губами Евы. Наклонившись к ней, мужчина сократил дистанцию до этого едва ли позволительного минимума, вдруг особо ярко ощутив ее запах, ее вкус,

почувствовав, каким мягким был этот поцелуй. Он лишь осторожно прикоснулся к ней, но не отпускал, ведь Ева могла в порыве первых эмоций тут же отстраниться.

Большой палец его руки коснулся девичьего подбородка, поглаживая.

Сначала глаза Ева были раскрыты, она не ожидала такого внезапного поворота событий. Касаться Марка губами было ей совсем непривычно, а когда мужская рука легла ей на шею, коснулась лица — внутри все задрожало.

Медленно, глаза Евы прикрылись, ее дыхание перехватило, рука сама легла Марку на плечо, а пальцы ощутили, каким же приятным было его тело. Он пах горячим, очень крепким кофе.

Ответив на его поцелуй, она подалась к нему чуточку ближе, пробуя на вкус, но очень скоро оторвалась от его губ, тяжело вздохнула, еще пару мгновений глядя прямо в его глаза. Щеки залились краской, она опустила взгляд вниз, куда-то на пол, панически пытаюсь собрать мысли воедино.

Словно читая ее замешательство и потерянность, Марк вдруг взял ее за руки и все так же уверенно, но уже более ласково, тепло возвращая ей чувство реальности.

— Я не оставлю тебя здесь одну.

Марго

Туман покрывал эту часть Игналины, будто желая скрыть прибытие Вестников к кругу. Морозный ветер пробивался в приоткрытые окна машины, которую вел малознакомый ей мужчина — Георг. Рядом с ним сидел еще один, Владимир, но если первый всю дорогу пытался шутить и узнать что-то новое про девушку, то второй молчал, лишь изредка поглядывая в боковое стекло.

Марго наблюдала за уснувшими, почти недвижимыми деревьями, за тем, как их оголившиеся ветви будто замерли, ожидая, когда упавшие с них же листья сгниют, позволяя вырасти новым. Здесь все было особенно мрачным, окутанным тайной, безлюдным, словно сама природа помогала Луне скрывать своих детей. Рыжие пряди всех троих показывали их причастность к предстоящим обрядам, ко всей этой таинственной секте, называемой в некоторых краях культом.

— Я видел тебя в прошлом году, ты почти новенькая, — Георг улыбнулся в зеркало заднего вида, смотря то на собеседницу, то на дорогу.

— Да, я была в кругу всего один раз.

— Повезло, что за это время ты не понадобилась Гекате, хотя, с другой стороны, упустила как минимум вкусную выпивку.

— Что это значит? — девушка изогнула одну бровь, явно не понимая, как это связано между собой.

— Филипп после каждого ритуала угощает нас частью своей коллекции. У него есть много всего интересного.

Девушка не знала, что на это ответить, а потому лишь снова стала рассматривать мелькающие за окном пейзажи. Домов становилось все меньше, а солнце изредка и тускло пробивалось сквозь пелену громоздких туч, но Георг не унимался.

— Ты альбинос, да?

— Да, — она сделала глубокий вдох.

— А у тебя были проблемы со зрением до того, как ты стала Вестницей?

— Нет, Георг, у меня не было проблем со зрением.

— Ты забавно выглядишь с рыжими волосами.

Марго ничего не ответила, так как машина подъехала к нужному месту.

Все трое вышли из машины и поприветствовали Алису, которая ждала их на пороге, но внутрь заходить не стала.

В гостиной Марго увидела Марию и некоторых служителей, чьи имена были стерты из памяти временем. Все стояли молча, и тишину прервала Принцесса, с улыбкой представляя новенькую.

— Вестница Темной Луны Ева, — девушка легко погладила ее по плечу, — познакомьтесь с ней.

Марго продолжала стоять неподвижно, направив свой взгляд на точку в стене, чем привлекла внимание Евы.

Ее нельзя было назвать красивой, но все, из чего она состояла, нечеловечески притягивало. Кожа, ресницы, губы — все было абсолютно белоснежным, и только волосы горели ярко-рыжим пламенем, что делало ее еще более необычной. В ней сочеталось несочетаемое — инопланетная внешность и вьющиеся огненные локоны.

— Я — Георг, — сказал молодой парень, протягивая Еве руку, — а это — Владимир.

— Он неразговорчив, — Марк подошел к ним, невесомо коснувшись талии девушки, — поболтаем на заднем дворе? Подышим свежим воздухом.

Георг одобрительно кивнул, вслед за ним это же сделал Владимир, и небольшая компания скрылась за дверью.

Марго встретилась глазами с Филиппом, оставшимся в гостиной вместе с Марией. Он внимательно изучал ее, скользил взглядом по телу, остановившись на растрепанных, вьющихся волосах, которые девушка начала торопливо убирать в хвост.

— Я уже и забыла, что вы одного роста, — слова Марии заставили обоих словно очнуться. Марго подняла на маму отрешенные глаза, когда та ласково ее обняла, — Филипп, я так рада, что вы снова встретились с моей дочерью.

— Я тоже очень этому рад, — он улыбнулся, — как и тому, что она стала частью этого круга.

— Хорошо. Что-ж, не буду мешать, — Принцесса спешно ушла на задний двор к остальным.

Филипп протянул девушке руку.

— Я покажу тебе твою спальню, если ты не возражаешь?

Девушка молча кивнула.

Алиса

Алиса почувствовала снежинки на своих ресницах, стоило ей подойти к границе леса. Снег не спеша устилал землю, умертвляя ее до следующей весны. Взяв из кармана своего бордового кардигана сигарету, а из джинсов зажигалку, девушка закурила. Умиротворение и тишина наполнили пространство. Вестница посмотрела на небо, на летающие белые хлопья, и вспомнила события прошлой ночи.

Странное чувство колело в груди, уже начало казаться, что она сама накручивает себя, пока со стороны круга не подул сильный ветер, и бледное тело не покрылось мурашками. Давно ей не было так страшно без всяких на то причин.

Девушка поспешила в круг, обходя дом со стороны дороги. Вихрь немного приутих и, когда та добралась до нужного места, стало совсем спокойно и безумно красиво.

Очертания круга едва проглядывались сквозь накрывшую землю белую пелену, но Алиса знала, что прибыла куда надо. Девушка выбросила окурок, и он, соприкоснувшись с мокрым холодным покрывалом, зашумел и задымился, а после исчез из виду. Казалось, ни единая живая душа не нарушала этой картины, пока она не заметила странное движение в одном из заснеженных кустарников.

Девушка замерла, внимательно вглядываясь меж ветвей, которые активно шелестели от чьего-то вмешательства. Сначала она заметила темные, маленькие уши, выделяющиеся на фоне светлого полотна, а после туловище и передние лапки, откапывающие что-то в земле.

— Заяц, — практически про себя проговорила Алиса, продолжая стоять на месте.

Он быстро копал влажную от снега почву, то и дело оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху. Спустя небольшой промежуток времени заяц достал большой желтый лист и, подняв голову, заметил наблюдающую за ним Вестницу.

— Привет, маленький, — прошептала девушка, медленно и осторожно протягивая к животному ладонь, но тот сорвался с места и рванул в чащу, сжимая добытую листву в зубах.

Алиса рассмеялась, рыжие пряди заметались в воздухе, она направила свой взор к небу, а после, сделав пару глотков свежего воздуха, достала из кармана куртки пакетик с песком и солью и маленькую записку.

«Двенадцать ночей возрождения Солнца».

В этот лес оно никогда не проникало, лишь блеклый диск, освещающий, но не приносящий тепла. Ветви закрывали от него землю, будто пряча все, кроме круга, в котором никогда не выросло ни травинки, будто он был мертвым, выкачивал силы из самой почвы.

Ева

Снега было почти не видно из-за тумана, что создавало иллюзию тепла.

— Как тебе здесь? — Георг был на голову выше Евы, с темными глазами и неровными зубами, которые, похоже, ничуть его не смущали, ведь он постоянно улыбался, — я так рад, что нашу мрачную атмосферу разбавила такая милая девушка.

— Держи себя в руках, — Марк, стоящий рядом с ними, легко стукнул Вестника в плечо, на что тот лишь рассмеялся.

Еву забавляло поведение мужчин, она изредка хихикала и краснела, но менялась, когда переводила взгляд на Владимира. Он пугал ее своим молчанием, серьезным выражением лица и направленным на нее внимательным взглядом в течение всего разговора.

Вибрации, исходящие от него, сложно было игнорировать, но, когда Марк заметил это, крепко сжал руку девушки, пробуждая приятные воспоминания. То, что произошло между ними на втором этаже, не могло не оставить след, Ева то и дело смотрела на мужчину, а он улыбался ей в ответ и поглаживал ладонь большим пальцем.

— Очень странно себя чувствую, я ведь родилась здесь, а теперь, спустя десять лет, вернулась снова, но будто в совершенно другое место.

— Уже привыкла к тому, кем становишься?

— Я пытаюсь смириться с этим, ведь бессмысленно бежать от неминуемого, не так ли? — ей хотелось получить поддержку своих слов, но все молчали, погружившись в собственные мысли.

— А еще я перестала чувствовать холод, — Ева крепче сжала руку Марка и посмотрела ему в глаза.

— Это абсолютно нормально, уже очень скоро ты станешь одной из нас, — он улыбнулся ей, — Вестники не испытывают нужды в питании и теплых одеждах, а также в дыхании. Нам необходимо только спать, чтобы восполнять энергию, во всем остальном...

— Мы как фарфоровые куколки, — закончил Георг, — пьем, конечно, иногда, но только ради удовольствия, и дышим, чтобы говорить.

Девушка поначалу не знала, что ответить, она отвела взгляд на лес, постепенно укрывающийся снежным полотном, как вдруг ее сбил с ног болезненный спазм, окутавший все тело. Она упала на колени и хотела закричать, но ее пронзил неразборчивый шепот, заполняя собой все пространство вокруг. Он звучал отовсюду и одновременно исходил из глубин собственного разума, вгрызался в сознание. Боль душила ее, а таинственных голосов становилось все больше, они превращались в колыбельную, следом — в гул, оглушивший Еву.

Дышать становилось все сложнее, грудную клетку сжимало так сильно, что из глаз брызнули слезы. Марк подхватил ее на руки, говоря что-то, но эти слова растворились в шелесте множества других. Глаза были распахнуты и направлены в небо, но вместо белоснежных облаков Вестница видела луну.

— Я не могу... — все, что удалось прошептать перед тем, как девушка начала задыхаться.

Кашель раздирал горло, но эта боль была незаметна на фоне всего остального. Ева стала различать сквозь голоса свой собственный крик, она прижалась к мужчине и закрыла глаза в надежде, что наваждение отступит, но на смену одному видению приходило другое. Она больше не могла поглощать в себя воздух, будто пелена внутри перекрыла доступ к кислороду, сознание покидало девушку. Последнее, что ей удалось увидеть — силуэт Богини в ночном заснеженном лесу.

Марго

Она жаждала любви и никогда бы не призналась себе в этом, если бы не Филипп. Марго всегда притягивал этот Вестник.

Филипп смотрел на ее выпирающие сквозь платье ключицы. Он видел в ней не просто молчаливую дочь Принцессы, наделенную привилегиями, как считали иные, а ту, чье сердце было множество раз разбито, и которая раз и навсегда решила, что хочет быть вольной птичкой. Она не раз говорила ему об этом, уверяла, заставляла поверить, но сейчас покорно стояла к нему лицом, опустив голову вниз, в темном коридоре, делая иногда рваные вдохи, словно боясь лишиться самообладания.

Ей и правда было не по себе. Впервые в жизни неприятно оттого, что она не может ощутить, как ее щеки наливаются краской, нехорошо от чувства собственного страха. Она боялась того, что не может услышать стука собственного сердца, крови, пульсирующей по венам.

Ни один человек из всех, кого она встречала до обряда восшествия, не был похож на него. В нем была сталь, облаченная мехом, и рядом с ней Филипп показывал себя спокойным и мягким, в отличие от своего внешнего облика. Среди Вестников он вел себя расслабленно, был раскрепощен и весел, располагал к себе практически любого, и именно поэтому его дом, помимо близкого расположения к кругу, служил для совместных мероприятий и сборов перед обрядами.

Наедине с Марго же Филипп становился иным — серьезность и внимательность по отношению к девушке выходили на первый план. Он позволял себе шутить и с ней, но ее натура не располагала ни к юмору, ни к его пониманию.

И, все же, только с ним она чувствовала себя спокойно. Он был ее опорой и защитой, дарил тепло среди кромешной тьмы, окутывающей Вестников.

Девушка медленно и осторожно подняла голову. Взгляд мужчины перешел на ее большие глаза — они сверкали, сияли, в них блистала жизнь и едва различимая надежда. Легкая, еле заметная улыбка проявилась на бледных губах, когда Филипп подошел к ней ближе, дотрагиваясь до щеки тыльной стороной ладони.

Марго сидела на краю кровати в комнате Филиппа. Мужчина стоял у открытого окна и курил, чтобы до девушки не доходил запах табака.

Они ни о чем не говорили, не обмолвились ни словом с тех пор, как остались наедине. Молчание являлось лучшим, что оба могли подарить друг другу сейчас. Тишина была громче звуков, громче мыслей и слов. Воспоминания прошлого года нахлынули на них потоком, который уже нельзя было остановить.

При первой их встрече мужчина казался суровым, даже диким. Необузданный зверь, напоминающий льва — с отросшей бородой и длинными рыжими волосами. Высокий, крупный. Он каждый раз отводил взгляд, когда она смотрела на него, почти не общался, избегал, но вскоре сдался. Через несколько дней девушка заметила его в гостиной, черная футболка облегла тело, и было видно каждую выпирающую мышцу.

— Ты тренируешься здесь? — не удержавшись, поинтересовалась Марго.

— В основном на улице. Каждый день, если получается.

Больше Филипп ничего не сказал.

Их скомканное общение, состоящее из коротких диалогов, продолжалось с неделю, пока, наконец, не произошел обряд восшествия Марго. После этого он начал проявлять к ней больше внимания, а она не отказывала ему. Забота об этой юной Вестнице не препятствовала хорошему отношению с Марией, Принцесса понимала и была рада, что есть человек, который готов на все ради ее дочери.

Девушке по наследству от матери перешел дар, о котором не должны были знать другие. Марго слышала Луну, но не могла общаться с ней также, как мама. Богиня появлялась в ее голове только тогда, когда сама того хотела или же когда это было необходимо. Только Мария знала об особенностях своей дочери. Луна сообщила им обоим про то, когда именно она примет Марго в круг и рассказала новенькой, как это будет проходить, поддерживала ее морально.

Самым сложным периодом оказался отъезд Марго в свой новый дом. Филипп убеждал остаться жить с ним, но девушка отказалась. Она хотела побыть наедине с собой и с Гекатой, разобраться с «новым» телом, а уже потом думать о чем-то другом.

Она должна была оставить его, и молила, чтобы он не пытался ее остановить.

— Прошу, отпусти меня.

Он пристально смотрел на нее и молчал, но в его глазах Вестница видела смятение, смешанное с тоской. Вся их темнота, глубина были пропитаны этими чувствами. И пусть мужчина ничего не говорил, его взгляд показывал все. И это было то, чем он не мог управлять и что не контролировал. Единственный путь к его истинным мыслям и эмоциям в такие моменты.

Он был подавлен. Готов был сам уехать с ней, но просто стоял, смотря на Марго, на ее волосы, лицо, руки, шею, которая сейчас была открыта из-за высокой прически. Девушка отказывалась идти за ним, к нему, бежала, испарялась на глазах, словно Русалочка, превращающаяся в пену.

Филипп дождался. Весь этот год он не думал ни о чем, кроме своих собственных забот и забот круга. Держался, отвлекался, курил. Пил, ведь знал, что его телу ничего не будет, хоть рассудок и страдал от этого.

И сейчас перед ним сидела худая, бледная, с ресницами, на которых словно застыл снег, с губами, столь несуразными, сколь и походка, но делающими ее той, кем она является. Высокая, будто рожденная не от Марии, а от самой Луны. Застывшая мраморная статуя, смотрящая на мужчину все же живым, притягательным взглядом.

Шелковое платье нежно касалось кожи, слегка вьющиеся волосы упали на грудь, спину и плечи, а на шее висела тонкая цепочка с серебряным кулоном в виде маленькой веточки.

Мужчина подошел к ней, дотронулся до лица, и Марго вздрогнула, будто пробуждаясь ото сна. Она посмотрела на него, ощущая тепло, исходящее от тела. Невозможное, другое. То, что было скрыто в прошлом, по ту сторону от облика Вестника. Тепло самого его естества.

Ева

Все самое ужасное, что происходит в мире — следствие душевной пустоты.

Когда Ева была маленькой, ей было очень тяжело просыпаться рано. Она любила поваляться в теплой постели, не слушая слов мамы о красоте восходящего над туманным городом солнца. Лишь однажды, один-единственный раз Лукерья все же разбудила ее очень рано и показала, как пробуждается это безлюдное, прекрасное место.

Мир за окном постепенно освещали лучи восходящей звезды, становилось все светлее, и в месте с тем туман, опустившийся на землю, казался еще более темным и тягучим. Ей тогда казалось, что, дотронувшись до него руками, можно почувствовать его дыхание, внутреннюю пульсацию, словно он был *живым*.

Девушка распахнула глаза, и ей стало по-настоящему страшно. В горле застрял ком, на теле выступил холодный пот. От того, что не получалось сделать глубокий вдох, она сжала пальцами простынь, а после попыталась встать, но тут же почувствовала головокружение.

Марк приблизился к ней, помогая, и Вестница опустила взгляд, осматривая собственные руки.

Она потеряла себя. Чувствовала всем своим нутром, что больше не принадлежит самой себе. Голоса ушедших Вестников гудели в голове, не давая до конца очнуться. В глазах мелькали леса и не живые, словно миражи, деревья, что даже не качались от холодного ветра. Появилось острое ощущение, что девушка уже видела это где-то, что места ей знакомы, но в то же время ничего не могла точно вспомнить.

То, что мужчина зовет ее, Ева осознала лишь через какое-то время, когда он провел ладонью по бледной щеке, убирая скатывающиеся слезы и заставляя посмотреть на него.

— Ева, Ева, очнись... — шепот, от которого мурашки пробежали по коже.

Темнота заполнила все вокруг. Только застывшие озера, незнакомые, почти безликие люди, блуждающие босиком по устланной туманом земле, с сухими ветвями, вплетенными в волосы. Луна возвышалась над ними, отражаясь от замерзшей воды. Так четко, словно наяву.

— Ева, — Марк встряхнул ее, говоря уже более громко, но она не слышала его.

Сознание наполнялось неизвестными ранее образами, голосами тех, кто был похоронен в этом кругу.

Девушка чувствовала Ее присутствие. Она снова попыталась сделать глубокий вдох, но сразу же закашляла. Ей нужен был воздух, нужно было выйти на улицу, нужно было выйти...

Ева попыталась отойти, но ощутила на себе крепкую мужскую хватку, все также ничего толком не видя. Смятение, замешательство, полный переполох в голове. Легкие забились чем-то густым, грудь болела, словно душа была закована внутри нее, а глаза еще сильнее наполнились слезами.

— Дай мне выйти. Мне нужен воздух... — Вестница дернулась к двери, но в ответ услышала лишь неразборчивый гул и снова почувствовала руки, крепко держащие ее, — дай мне выйти!

Не хватает воздуха. Тело дрожит. С ней сделали что-то. Что-то, изменившее все.

— Я не могу, я не могу здесь находиться! — голос девушки срывался на крик, — мне нечем дышать...

Ее будто схватили за горло, сжимали ребра, уничтожали прежнюю Бросковски. Полным отчаяния взглядом Ева посмотрела на Марка, который пытался что-то сказать, и начала вырываться еще сильнее.

— Что вы со мной сделали? Я хочу выйти! Почему я не могу выйти?

В памяти вспыхнула мама, подруги, прогулки по парку по выходным, безмятежная жизнь в неведении. Ощущение свободы утекало в пол, просачивалось сквозь него и скрывалось в недрах, откуда его уже невозможно было достать. Девушку охватывала паника, хотелось убежать, уехать, скрыться, забыть обо всем, выбросить из головы этот шум.

Кто-то сильнее схватил Еву, поворачивая к себе и пытаясь встряхнуть, но она не видела из-за слез.

— Ева! — это был Филипп.

Его голос невозможно было не узнать, но девушка упорно продолжала биться, крича о свободе, о притеснении, о маме. Только острая боль на щеке от удара ладонью заставила прийти в себя. Вестница посмотрела на дядю, чуть шипя и прислоняя собственную руку к горящему месту, отчетливо видя только лишь темноту вокруг.

Марк выглядел взволнованным, и нельзя было сказать точно, из-за поведения Евы или удара, что та получила от Филиппа, но при этом не вмешивался.

— Что происходит, Ева?

Мужчина стоял почти вплотную к покрывшейся холодным потом девушке, чьи ноги предательски дрожали. Он прожигал ее суровым взглядом.

В дверном проеме появилась Марго, которая следила за происходящим, молча, тихо, безучастно, но явно не без интереса. Когда их взгляды с Филиппом встретились, Вестница тут же скрылась в тени коридора.

— Что ты здесь устроила? Что с тобой? — Филипп внимательно смотрел на племянницу.

— Ее обращение. Оно закончилось, — Марк вступил в разговор резко, чуть обняв Вестницу за талию и плечи, — ей нужно время, чтобы прийти в себя.

— Мне нужно уйти отсюда... — все мысли о принятии неизбежного, о смирении, о спокойствии рухнули ровно в тот момент, когда голоса культа всех времен прошли сквозь хрупкое тело, проникая в каждую еще живую клеточку, пропитывая сознание.

— Оставьте нас.

Мария вошла в комнату, окинув взглядом мужчин и одним своим присутствием заставив их отойти. Странная вибрация, исходившая от Принцессы, передавалась и Еве. Она медленно и неосознанно опустилась на край кровати.

Вестники вышли, закрыв за собой дверь, а Мария присела рядом.

— Ты ведь и сама понимаешь, что не можешь уже уйти отсюда. Как не могла и с того самого дня, когда впервые почувствовала присутствие Луны внутри себя. Ты уже тогда, где-то в глубине души, знала о своей судьбе, — женщина сделала вдох, прежде чем продолжить, словно подбирая нужные слова, — Сложно понять неразвитому уму всю серьезность и ответственность нашего служения Богине. Только что подошло к концу твое телесное посвящение, в последнюю ночь Великого Йоля мы проведем духовное. В этом нет ничего страшного, отвратительного или пугающего. Это твое предназначение.

Ева слушала ее, не смея перебивать, и чувствовала, что все понемногу затихало, голоса переставали бить по перепонкам, затмевая собственные мысли, а образы рассеивались, от чего в помещении становилось все светлее.

— Представь, если земля вдруг решит, что она не будет плодородной, или солнце не захочет больше освещать планеты. Все погибнет. Погибнут люди. Наше предназначение не менее значимо, чем у почвы и звезд, — Мария взяла руки Евы в свои, мягко улыбнувшись ей, и встала, — ты должна знать, что твое сердце остановилось, а легкие более не нуждаются в воздухе так, как раньше. Мы поможем тебе справиться с новым образом жизни. Это не сложно, каждый здесь прошел то же, что и ты.

На этом разговор был закончен, и Принцесса покинула комнату. Девушка поднялась с постели и подошла к окну, вытирая слезы с глаз. Снег стелился на бесцветную, покрытую туманом местность, и было так тихо, словно все омертвело.

Алиса

Во время празднования Йоля в древности часто приносили в жертвы людей и животных. Спустя столько лет, в мире, который все ныне живущие зовут «гуманным», ничего не изменилось. Еву Бросковски, дочь Лукерьи Бросковски и племянницу Филиппа Гринюс, принесут в жертву в ночь с первого на второе января. В этом самом кругу ее отдадут Гекате на несколько столетий.

Приготовление к празднику заключались в различных ритуалах, защищающих лес от неожиданных гостей. Нужно было не только скрыть круг от любопытных людских глаз, но и отогнать злых духов, что пробуждаются и бродят по земле в то время, когда нить между ушедшим и наступающим годом утончается.

Алиса ходила по территории вокруг священного места, то посыпая землю высушенной травой, то сжигая бумагу, исписанную текстами на неизвестных языках. Шепот, исходящий из уст Вестницы, разносился на ветру, но никто не мог его услышать, кроме Богини, следящей за происходящим с безоблачного неба.

Говорят, что одиночество — самое худшее испытание для человека, настолько невыносимое, что тот готов умереть, только бы перестать разрушать себя изнутри, пожираемый собственными мыслями. Но в действительности самое ужасное — это непрерывный, нескончаемый контроль.

Сколько Алиса не жила по правилам Гекаты, она так до сих пор и не смогла ответить на вопрос — кто они такие? Почему их существование призрачно, лишено жизни, но при этом они так важны, несут в себе благополучие планеты?

Трагичная, мрачная, но фантастическая судьба.

Девушка направилась к дороге. Дом Филиппа находился на окраине городка. Здесь мало кто проезжал, в основном только для того, чтобы выехать в другой населенный пункт. Идеальное место для жизни таких, как они. Поблизости на улице стояли еще дома, но одна их часть продавалась, а в другой жили пожилые пары, которые свой век мечтали дожить наедине с природой. Алиса обычно приезжала в Игналину за месяц до прибытия новеньких и жила в доме Филиппа вплоть до окончания обряда восшествия. Раньше всех, но почему-то именно ей поручили приготовление ритуала, который Вестница иногда сама про себя называла «Блот⁴».

Вдалеке появилось две машины. Девушка не ждала их так рано. Мрак, что окружил эту улицу и лес позади, был не случайным. Люди — жители и проезжие не должны были ничего заподозрить. Царила неясность и таинственность, и даже Алиса чувствовала напряжение, словно вся Земля ожидала этого праздника с нетерпением. Не было ни ветра, ни снега. Только туман.

Машины подъехали к двухэтажному зданию, и из них вышло пять служителей, которые один за другим направились к Алисе. Первыми подошли Ярлина и Феликс — самые взрослые Вестники Темной Луны этого круга и супруги.

Ярлина была рождена рыжеволосой — ее предки по маминой линии были ирландцами, что иммигрировали в Прибалтику, а потому никаких изменений во внешности после обряда восшествия особенно не произошло. Кроме того, у этой девушки были яркие веснушки. Они,

словно утренняя роса рассыпались по ее лицу и плечам, что делало Ярлину совсем юной на вид, хоть и сейчас часть из них скрывали выбившиеся из аккуратного каре пряди.

Феликс же выделялся темными, даже слегка бордовыми коротко стриженными волосами и высоким ростом, примерно таким же, как и у Филиппа. Он аккуратно придерживал жену за талию, когда они шли по устеленной снегом земле, а позади остались стоять три девушки. Чистокровные литовки Ветта, Злата и Ханна, — тройняшки и наследницы служителей Луны.

На лицо и телосложение они были похожи, но каждая из них выделалась уникальным цветом глаз. У Ветты они были сине-сиреневыми, у Ханны — болотно-зелеными, а у Златы глаза блестели янтарем.

— Приветствую вас! — Алиса поочередно обняла каждого новоприбывшего, — как добрались?

— На самом деле, очень тяжело, — сказал Феликс и рассмеялся.

— Но оно того стоило, ведь нам не терпится познакомиться с новенькой, — добавила Ярлина, лучезарно улыбнувшись.

— Обязательно, — девушка смахнула с лица несколько прядей, — угостить вас чаем?

— Не часто увидишь тебя, настолько располагающей к членам круга, — мужчина направился в дом.

Алиса проигнорировала его слова и обратилась к Ярлине, что последовала за своим мужем.

— К нам прибыла Мария, — Вестница чуть сжала ее локоть, останавливая на пороге, — и я хочу уточнить, не знаешь ли ты, по какой причине.

— Филипп позвонил и сообщил нам об этом, — она поморщила нос и выбралась из хватки, отходя на пару шагов, — что с тобой? Ты так напряжена.

— Он сказал вам, почему?

— Чтобы проконтролировать все. Не каждый раз обряд восшествия проходит в столь великий праздник, — девушка обошла Алису, чтобы зайти внутрь, — тебе следует успокоиться, ладно?

— Не нужно мне указывать, ладно? — взгляд служительницы вспыхнул, но голос прозвучал холодно.

— Я и не пыталась, — Ярлина вдруг улыбнулась, тепло и ласково, и веснушки заиграли на бледном лице. Она больше ничего не сказала, направившись в дом, и Алиса последовала за ней.

Гостиная была полна людей, беседующих друг с другом. Тройняшки удобно расположились на диване, переговариваясь с Георгом, рядом с ними стоял Владимир, внимательно, судя по выражению его лица, вникая в разговор. Чуть поодаль, возле двери, ведущей на кухню, стояли Ева с Марком, к ним подошел Феликс и позже Ярлина.

Кто-то тронул Алису за плечо, заставляя вздрогнуть и обернуться.

— Давно здесь не было таклюдно, — Филипп оглядел пространство и покачал головой.

— Год назад, — усмешку на ее лице невозможно было скрыть, — я смотрю, Еве уже лучше.

— Она приходит в себя.

— Я хотела узнать, — девушка внимательно посмотрела на мужчину, — ты звонил Ярлине насчет Принцессы?

Он отвел взгляд, проведя ладонью по волосам, лицо мгновенно исказилось от мыслей, наполняющих и без того забитую голову. Наконец, он ответил:

— Я не смог бы этого не сделать, — честно ответил Филипп, — они не должны беспокоиться, и тебе я советую оставаться в стороне. Ты не должна вмешиваться в дела Луны и ее главной советницы, ради собственного блага.

— Очень постараюсь, — добавила она почти шепотом и отошла к остальным.

Евы уже не было рядом с Марком, когда Вестница приблизилась к нему.

— Ты вовремя, — он усмехнулся.

— Где все?

— Ева ушла, как она сказала, поближе изучить круг, а Феликс с Ярлиной заваривают себе чай на кухне.

— Видимо, моя дружелюбность ограничилась одними лишь словами, — пробурчала девушка себе под нос, — вы подружились с новенькой, не так ли?

— Мягко сказано, — Марк растерянно развел руками, — как подготовка к Йолю?

— Все под контролем, можешь не переживать.

Ева

Девушка вышла на задний двор, накинув на себя болотного цвета свитер, хоть холода она и не чувствовала, и направилась в сторону леса.

Понемногу получалось прийти в себя, привыкнуть к новому, абсолютно иному существованию. Повезло, что Ева жила у дяди сейчас, это помогало избавиться от чувства, что все вокруг — чужое.

Стоило только ступить на сухую траву, как деревья тихо заколыхались, словно приветствуя свою. Ева не была здесь раньше, в детстве гулять за границей заднего двора ей не разрешали, а в последнее время не предоставлялось возможности, но сегодня, войдя в лес, она почувствовала, как внутри него тянулись по воздуху незримые нити между культурами всех времен и земель, сплетались и протекали в крови, от чего волосы загорелись ярким огненным пламенем. Ощущение присутствия всех обитающих здесь века назад перестало пугать с того самого момента, как кожи коснулся ветерок.

Чем дальше заходила девушка, тем выше и гуще росли ели и сосны, словно пряча любые тропинки, что могли вести к средоточию силы служителей Луны. Не было ни одного места, ни даже намек на что-либо, скрытое здесь. Иногда встречались отмершие деревья, отколотые части которых лежали на земле и были покрыты мхом, а кое-где просто заросшие участки. Кроме того, все было устлано тонким слоем снега.

Под ногами что-то негромко замурчало, и Ева с улыбкой взглянула на Глаза, который несколько минут терся о ноги хозяйки, а потом пошел куда-то, беззвучно прося следовать за ним.

Из-за высокой травы было сложно следить за всеми передвижениями кота, потому Вестница иногда останавливалась, пока снова не замечала его серую шерстку, и продолжала идти. Казавшаяся спящей земля будто оживала под ногами, умеренно качались ветви над головой.

Наконец, они дошли до голой поляны. Та была практически вся покрыта снегом, за исключением идеально вычерченного и вычищенного круга, посыпанного чем-то по краям.

Ева осторожно обошла его, а после ступила внутрь.

Было пасмурно, но очень светло, и снег слегка поблескивал вокруг. Птицы стаями танцевали в небе над землей, так низко, что почти касались верхушек деревьев, а Ева танцевала вместе с ними.

В памяти, будто чужой, рождались неизвестные ранее мелодии, появлялись образы: обряды и ритуалы, костры, мелькающие огни и босые рыжеволосые создания, что кружились внутри этого пробуждающегося под их ногами места.

Вестница закрыла глаза, чувствуя так явственно, как никогда раньше — она дома.

1 ночь Июля.

Ева лежала под одеялом со своим котом, собираясь спать, но после того, что произошло в лесу, она снова взяла в руки «Луну».

Помимо описания различных обрядов, необходимых для гармоничного воздействия луны на приливы, отливы, изменение климата и избежания природных катастроф, в книге находилось бесчисленное множество рукописей, написанные отдельными отрывками и

просто сложенные в книгу.

Одним из них являлся очерк: «Мы холодны, но в нас горит пламя, и именно оно рождает наше бессмертие. Луна — наш повелитель. Мы не живы, вместе с тем в нас есть частичка огня, что потухла, но в любой момент может зажечься вновь, дабы поддерживать нас. Наше тело и нашу душу».

Сны отправляли ее далеко от этих краев, в совершенно другие места, жизни, пока ближе к полночи девушку не разбудила Алиса.

— Проснись. В Йоль не спят ночью.

Воздух был наполнен запахом огня и имбиря, разносилась мелодия гитары и нежное женское пение. Снег, словно неуверенный в том, стоит ли ему опускаться на землю в эту ночь, несмело кружился на ветру и таял еще в воздухе.

Десять Вестников сидели вокруг костра, который слегка потрескивал и уносил искры в небо, прямо к Луне, что следила за всем происходящим, на удивление, с почти безоблачного неба.

Новенькая подошла ко всем, одетая в хлопковое платье, с распущенными волосами. Она была зачарована песней, исходящей из уст Ветты, и не решалась ступить ближе.

Ночь больше не казалась бесцветной, лишенной красот — она сверкала, была наполнена жизнью и теплом. И пусть Ева еще не знала о том, каким на самом деле важным и таинственным являлся этот праздник, ей он помогал расслабиться, забыться, и позволял просто наслаждаться.

Марк притянул девушку к себе, усаживая рядом и протягивая ей имбирный чай. Рядом сидели Злата и Ханна, что иногда подпевали сестре, но все остальное время либо просто слушали, либо очень тихо разговаривали между собой. Марго находилась рядом с Филиппом, смотря на Геогра, который играл на гитаре. Феликс с Ярлиной пили глинтвейн, укутавшись в плед для большего уюта, стараясь не думать ни о чем, хотя это было сложно.

— Сколько тебе еще осталось служить? — Ярлина обратилась к своему мужу почти шепотом, но тот услышал ее.

— Я не знаю, милая. Около пяти или десяти лет.

Она задумалась и вздохнула, местами отвлекаясь на музыку, чтобы не заплакать.

— Что мы будем делать потом?

Феликс обнял свою Вестницу крепче и нежно поцеловал ее в лоб, ничего не отвечая.

Алиса стояла неподалеку от всех, делая глотки успокаивающего напитка и периодически наблюдая за Владимиром, который также стоял, притом на некотором расстоянии.

Принцесса же не спеша прогуливалась вдоль линии, где начинался лес, вглядываясь во тьму, словно пытаясь что-то в ней разглядеть. Поведение Марии, беспричинный контроль над всем не переставал беспокоить Алису, но, благо, здравый рассудок побеждал над любопытством, и девушка, хоть и очень хотела, не лезла в это.

Неожиданно Марго почувствовала чье-то прикосновение на своем запястье, Ханна потянула ее танцевать. После недолгих уговоров, она согласилась, к ним присоединились Злата и Ярлина, а затем и Ева. Вскоре они разошлись, оставив обувь мужчинам.

Звуки проникали через ткань, сквозь кожу, растворялись в крови, растекались улыбками на девичьих лицах, которые кружились босиком, смеялись, танцуя, то друг с другом, то поодиночке.

Вестники забывали о сне, о Богине, созерцавшей все, о том, как близка гибель еще одной молодой девушки, обреченной на рабство среди деревьев и озер. Их поглотили искры пламени обжигающих волос и костра.

4 ночь Йоля.

До обряда восшествия оставалось все меньше и меньше. В эту ночь метель решила разбушеваться, ветер громко завывал, проникая в дом и пробуждая его жителей.

Ева стояла перед зеркалом в своей комнате, поправляя черное платье-комбинацию и разглаживая волосы, делая пробор и аккуратно укладывая пряди на плечи. По прошествии первой ночи, посвященной открытию Великого Йоля и Зимнему Солнцестоянию, следовал период безвременья, который Вестники решили посвятить своему прошлому, а именно рассказать Еве историю каждого из них.

В гостиной было тихо, кто-то разговаривал почти шепотом, кто-то изучал книги, стоящие в небольшом шкафу, другие украшали стены венками из веток с рябиной. Среди всех присутствующих не было Филиппа и Феликса, а также Марка, но тот задержался на втором этаже.

Часы показывали без двадцати минут одиннадцать, когда Марго с Ярлиной побежали открывать дверь, ведущую на задний двор, чтобы мужчины могли занести ель. Настоящую, живую ель, причем настолько большую, что та чуть не уперлась в потолок. Ева приоткрыла рот в изумлении, когда увидела дерево. Его поставили в центре гостиной, после чего Филипп повесил свой топор на стену.

— На нем гравировка? — девушка нерешительно подошла, осматривая топориче с выжженной буквой «Г», словно это был трофей, или же подарок.

Вестник повернулся к племяннице и провел рукой по своей густо отросшей щетине.

— Да. Его подарили отцу, твоему дедушке в честь моего рождения, а теперь он мой.

Ева опустила глаза и кивнула, снова вспомнив о маме. Женщине, пережившей потерю сначала брата, а теперь и единственной дочери.

— Не унывай, — мужчина хлопнул ее по плечу и улыбнулся.

На столе стояли кружки с горячим кофе и чаем, в комнате было темно, за исключением горящих кое-где свечей, что иногда дрожали от сквозняка. Часы тикали, не умолкая.

Ярлина решила начать первой и с легкой улыбкой на лице повернулась ко всем, кто уже слышал ее историю, и кто еще нет.

— Я была рождена в семье язычников. Меня с детства учили поклоняться богам, я знала о Колесе года⁵, о праздниках, обычаях и людских ритуалах. Когда моя мама стала Вестницей и покинула нас, я знала, что она отправилась служить богине Гекате. Большого мне не говорили, да я и не спрашивала, а когда узнала, что сама стала избранной, чувствовала себе самым нужным человеком в мире.

— Поменяла свое мнение? — не сдержав любопытства, поинтересовалась Алиса.

Она сидела, растянувшись в кресле и закинув ногу на ногу. В руке был стакан, но его содержимое оставалось загадкой даже для хозяина этого дома. Лицо озарила лукавая улыбка.

— Сложный вопрос. Я не привыкла бежать от своей судьбы, — девушка пожалала плечами и взяла себе чашку с чаем.

— Наверное, не многие знают, но Георг раньше был блондином, — с ноткой игривости в голосе проговорила Ханна.

— И мне очень шло, между прочим, — мужчина скрестил руки на груди.

— Не может быть, — Ветта вступила в разговор, внимательно рассматривая ныне рыжеволосого Вестника, — я не представляю тебя светловолосым.

— Ты просто не видела меня, я был красавцем, — служитель показательно провел рукой по слегка отросшим волосам, чем вызвал смех сразу нескольких девушек.

Марго сидела вместе с Филиппом на диване, молча наблюдая за шутливыми беседами. Периодически она рассматривала ель, твердо стоящую на полу, и ее посещали мысли о том, как дерево можно красиво украсить.

— Знаешь, где сейчас Мария? — неожиданный мужской шепот вернул девушку в реальность.

— Скорее всего, готовится к последующим обрядам, — Вестница неопределенно повела плечами, — почему ты спросил?

Вместо ответа мужчина крепко взял ее за руку и повел к лестнице, ведущей на второй этаж. Марк, Ева, а следом и все остальные проследили за ними, но ничего не сказали.

Марго

Воспоминания всегда мучительны.

Этот дом был подобен своему хозяину — вечные ветра окружали его, прогнившие половицы скрипели под тяжестью тел, застывшая во времени мебель была пропитана множеством событий и хранила секреты тех, кто обитал здесь. Непоколебимый, внушительный, он стоял на своем месте уже век. Казалось, что его оледенелые стены никогда не прогреваются до конца, но стоило холодам снаружи отступить, и истинный жар, скрытый глубоко внутри, прорывался сквозь туманную пелену.

Тихой поступью Марго вошла в спальню Филиппа, привыкая к темноте. Комната казалась пустой, за исключением одиноко стоящего ветхого шкафа, зеркала, отражающего падающий снег в приоткрытом окне, и старой кровати. Мужчина закрыл за собой дверь, и щелчок замка заставил девушку обернуться.

Холодные руки притянули ее к себе, наполняя легкие ароматом меда и дыма, пальцы заскользили по вьющимся волосам дочери Луны. Он посмотрел в глаза Марго, и одного взгляда было достаточно, чтобы впитать все ее эмоции и мысли.

Она же ощущала исходящую от Филиппа мужскую силу, видела в нем ярость, за которой скрывалась тоска.

Она спасала его от одиночества и заполняла пожирающую пустоту. Здесь, в доме, вокруг которого царил и возвышался лес, покрытый снежной, безжизненной пеленой, она была горящим камином, согревающим сердце пострадавшего от времени, но крепкого здания.

Марго опьяняли губы мужчины, грубые ладони крепко сжимали талию, сминали платье. Одежда служила сокрытием девичьего тела, но не спасала от обнажения души, ведь Филиппу была открыта каждая ее тайна, даже самая мрачная, что раньше хранилась под сенью увядающих деревьев.

Он сел на край кровати и посадил Вестницу себе на колени, рассматривая знакомые черты. Между ними ничего не изменилось, кроме пылающего жаром взгляда. Мужчина лишь поцеловал ее снова, но этого хватило, чтобы окончательно разгореться.

Никто не проронил ни слова, — изгибы тела, пальцы, блуждающе там, где не следовало и дрожь во всем теле были ярче и значимей. Марго не замечала, как избавлялась от ткани, не чувствовала уколов морозного воздуха, однако ощутила прикосновение кожи Филиппа к собственной.

Он пленил ее тело, одурманил душу, а она околдовала его, и не было пути назад, кроме всепоглощающей пропасти. Зов ветра — бегущего и задыхающегося, ледяного и пробирающего до костей любого, кто оказался в его объятиях, — не заглушал тяжелого дыхания пары, как и отголосков ритуальных песен, доносящихся с первого этажа.

Силуэт мужчины тонул в ночи, порой ей казалось, что он был ее видением, но стоило ему провести руками по опаленной коже, а губами коснуться особо чувствительных участков, и Вестница искренне поверила в реальность происходящего. Темнота вокруг них становилась особенной, будто материальной, она увлекала пару за собой, в то время как холодный ветер, сочащийся из окон, окутывал нагие тела.

Марго ощутила под собой мягкую хлопковую простыню, и на мгновение открыла глаза,

встретив его взгляд — два обсидиана, смотрящие на девушку, как хищник смотрит на свою добычу. Он ждал ее слишком долго. Она была его воспоминанием, мучительным и тягучим, он грезил о ней, хранил в своей памяти ее запахи, желал вернуться в тот день, когда она покинула его, был не способен забыть, надеялся ощутить их вновь.

И вот, она лежала под ним, обнаженная, с глазами, полными вожделения, дрожала от переизбытка чувств и прижималась к крепкому телу, словно боясь замерзнуть или же отпустить. Филипп хотел запечатлеть ее такой.

Ностальгия причиняет лишь боль, но в этом воспоминании он был готов остаться навсегда.

Рассудок мутнел с каждой секундой все сильнее. Мужчина бродил руками по коже девушки смелее, губами изучал каждую клеточку тела, оставляя влажный след и акцентируя свое внимание на особенных точках. Марго терялась в чувствах, ее душа играла мелодии старой музыкальной шкатулки, что долгое время пробыла на чердаке, но вот ее завели вновь. Золотые пряди беспорядочно разметались на простыни, которую Вестница сжимала кончиками пальцев.

Порой она почти не дышала, замирала, стараясь запомнить моменты, сводящие ее с ума, но это было невозможно. В этом состоянии уже не удавалось контролировать себя, голова кружилась от переизбытка эмоций. Она ощущала внутри грозовые тучи и проливные дожди, вкус горькой полыни на губах, видела в отражении зеркала луну, наблюдающую за ними сквозь расступившиеся облака.

Протяжный стон вырвался из уст девушки и заставил Филиппа отвлечься. Подушечками пальцев он сжал ее бедра и наклонился над ухом, шепча:

— Тише.

Мурашки пробежали по коже, Марго ничего не ответила, лишь кивнула, и прикоснулась к нему своими губами. Ночь опьяняла, будоражила, пронизывала насквозь легкие, мешая дышать. Страсть граничила с сумасшествием, огонь пылал в замерзших сердцах двоих, что готовы были слиться друг с другом в эту беззвездную, наполненную запахом Йоля и шумом вьюги ночь, принадлежавшую им одним.

Его рука потянулась выше, останавливаясь там, где желание смешивалось с безумием, уничтожая последние крупинцы рассудительности. Он очерчивал губами узоры на шее, оставлял следы от зубов, плотно прижимал к себе, пока, наконец, не заполнил ее.

По телу прошла волна электрического тока, сбивая дыхание окончательно, вынуждая девушку изогнуться и плотнее сжать губы, дабы не заскулить от удовольствия. Гортанный рык вырвался из мужской груди, сливаясь с непрерывным скрипом металлической кровати.

Чувства сплетались, как нити в клубок, кожа плавилась под грубыми пальцами, ищущими пристанище на аккуратной груди. Филипп смотрел на нее взглядом голодного зверя, ловил каждый ее рваный вдох, а она терялась в его глазах, в нескончаемой черной бездне.

Движения как искры от горящего костра отзывались в теле приятной судорогой, эмоции волнами захлестывали разум, не позволяя очнуться, выбраться из омута, куда мужчина погружал ее все глубже.

Жар сбившегося дыхания сплетался с пламенем мужских рук, призрачные мягкие стоны разливались по комнате, приглушенные влажными поцелуями. Они эхом отзывались в сознании Вестника, он сжимал ее ребра, ласкал горячим шепотом, а она, опьяненная сладостью губ, задыхалась от собственных ощущений.

Он произнес ее имя, готовый растерзать за то, что доводила его до сумасшествия, но вместо этого еще крепче прижался к девичьему телу и перевернул, удерживая на себе. Марго замерла, впила в свою нижнюю губу зубами, дабы заглушить слишком громкий выдох. Она коснулась кончиками пальцев груди Филиппа и поймала его изучающий взгляд.

Ее волосы — освещенные солнцем колосья пшеницы, — беспорядочно упали на выпрямившуюся точеную спину, такую влажную, словно на нее внезапно обрушился осенний ливень. Свод узких ребер, которые Вестник крепко держал ладонями, обнажила съехавшая простыня, вновь открывая доступ к бледной, покрытой множеством мурашек коже.

Ее тихие вздохи звучали в унисон с нарастающими движениями, разжигая в застывших сердцах огонь. Нервы были натянуты, как струны, талия зажата мужскими пальцами, что несдержанно толкали тело вниз, сковывая сознание окончательно. В его глазах — откровенное сладострастие, едва не вырывающееся наружу животным ревом. Она схватилась за его руки, сжав ладони так крепко, что жесткие, огрубевшие пальцы почти вросли в кости, но не причиняли заметной боли.

Будучи на грани, они терялись в прожигающих насквозь ощущениях, пока те не вырвались наружу одним сплошным потоком, захлестывая разум. Все полутона страсти смешались в один, окунули в бездну так глубоко, что реальность растворилась в ней. Легкие заныли от сбитого пылкового дыхания, но объятия крепких ладоней оставались прочными.

Она чувствовала горечь на опухших губах, что текла по венам, обжигая изнутри. Мужчина коснулся ее коленей, провел ладонями вверх по дрожащим ногам и мягко приподнял, следом опуская рядом с собой на постель. Взгляд черных глаз в мгновение стал безмятежным, словно не он несколько минут назад терял власть над собственным телом.

Вестник неспешно поднялся и подошел к подоконнику, отдаленно наблюдая, как город растворялся в снегах. Пламя от спички прошло по сигарете, что он придерживал уголком губ, на мгновение осветив тусклую комнату.

— Можно мне тоже? — голос Марго вывел его из задумчивости, вновь привлекая внимание к притягательным чертам, линиям подбородка, шеи и ключиц, на которых застыли следы укусов.

— Нет, — отрезал Филипп, выдыхая дым, — это плохая привычка.

— Я только что пережила нападение зверя, мне уже ничего не страшно.

Он хрипло засмеялся, и все же отрицательно покачал головой.

— Тем не менее, нет.

Девушка посмотрела на него с едва ощутимым недовольством, но сдалась.

Ева

5 ночь Июля. Ночь Тьмы, принадлежащая Гекате.

После вчерашней вьюги, что смела последние сухие листья с деревьев и окутала их ровной белоснежной пеленой, окончательно наступила зима. Уже невозможно стало даже представить ласково сияющее солнце за окном, цветущие зеленые луга. Но снег, укрывший траву, блестящий и шуршащий под ногами, был не менее прекрасным, чем раскаты весеннего грома, несущие за собой запах утреннего дождя, что пробивался бы в форточку и колыхал занавески.

С первого этажа доносился шум и голоса, все готовились к очередному обряду, Ева же потеряла в них счет. Она лежала в своей кровати, глядя в потолок и не желая отходить ото сна, забыть видевшуюся ей деревню с маленькими одноэтажными домами, в комнаты которых проникали летние солнечные лучи. Это был неведомый ей мир, где царило спокойствие и тепло, пахло яблоками и лавандой, а также книжной пылью.

Девушка привела себя в порядок и спустилась. В нос ударил запах хвои и ароматических масел, смешивающийся с морозным воздухом, просачивающимся сквозь раскрытое окно. Одна-единственная свеча, дрожа, освещала лица Вестников, что сидели на полу в погруженной во мрак гостиной. Ева осторожно опустилась рядом с Марком, только сейчас замечая лежащее посередине зеркало. Она оглядела присутствующих, и беспокойно коснулась мужского плеча.

— Где Филипп? — шепот разнесся по комнате, и ответ последовал от Ярлины.

— Они вместе с Феликсом на охоте.

— Что? — глаза расширились от удивления, — охоте на кого?

— Ты все скоро узнаешь, — Марк мягко взял ее руку, больше ничего не говоря.

Спустя какое-то время дверь, ведущая на задний двор, распахнулась, и в дом проникла Мария вместе с мужчинами, что несли в руках небольшой шевелящийся мешок, из которого сразу же достали живого зайца. Феликс поднес его к зеркалу и положил на него, удерживая лапы вместе с Марго, в то время как Филипп взял свой топор.

— Жертвоприношение, — вырвалось из губ Евы. Она сильнее сжала ладонь Марка и хотела отвернуться, но наполненные ужасом глаза животного смотрели прямо на нее. К горлу подступила тошнота.

— Я — Принцесса Темной Луны, — Мария встала над зеркалом по другую сторону от Филиппа, — взываю к Богине ночи, нашей матери — Луне.

— Мы взываем к тебе, дети твои, возлюбленные твои, Вестники Темной Луны, благоволи принять наш скромный дар во Имя твое, Троединая Геката, — голоса всех сплелись в единое целое и стали напоминать ту таинственную колыбельную, звучащую часто внутри сознания Евы.

— Ave, Εκάτη⁶, — на этих словах Филипп вознес топор над собой и, замахнувшись, ударил им. Осколки стекла разлетелись в стороны вместе с кровью, звонкий треск смешался с криком Евы, что едва не подскочила со своего места.

Слезы брызнули из глаз, она отвернулась, не могла смотреть на то, как умершего зайца Принцесса завернула в темную ткань и понесла на улицу, до тех пор, пока Марк не начал поднимать ее с пола.

— Я никуда не пойду, — девушка попыталась оттолкнуть мужчину, в ответ он лишь крепче прижал ее к себе.

— Ты должна выйти вместе со всеми, — его грубый тон вызвал новую волну всхлипов, но Ева поддалась.

Все вышли во двор, освещенный ярким лунным светом, в застывшие легкие ударил ледяной воздух, немного приводя в себя, хоть ноги почти не слушались. Отовсюду слышался неразборчивый шепот Вестников, окруживших Марию, что вознесла окровавленное полотно к небу, вновь и вновь повторяя: «Ave, Eκάτη».

Слезы катились по щекам, обжигали холодную кожу, размывая лица стоящих и наблюдающих за ритуалом смерти. Ее собственный крик звучал внутри, напуганные глаза бегали от Марка к Луне, восседающей в небе, принуждающей своих «детей» убивать ради нее. Ева чувствовала, как руки мужчины ослабевают, он медленно отпускал ее, и это позволило в одно мгновение вырваться из объятий и побежать в сторону леса.

Она не замечала ничего вокруг себя, не видела дороги, все вокруг мелькало, смешивалось в одно неясное черное пятно. Дом, а следом и круг уходили все дальше и дальше, голоса тонули в шуме листвы, девушка бежала, пока цвета вокруг полностью не растворились в черной краске, и мир не стал непроглядно темным.

Ева упала, ранив колени о гниющие ветки и впиваясь подушечками пальцев в мокрую от снега землю. Она закричала, еще громче и пронзительней, чем когда увидела глаза напуганного от приближающейся смерти зайца. Девушка была обязана служить, умереть для всего мира, ведь через несколько ночей с ней должны были сделать то же, что с животным сегодня — предать юное, некогда живое и теплое тело богине вечной ночи.

Осознание происходящего нахлынуло одним большим потоком, выбивая из непослушных более легких последний воздух.

Боль прожигала оледеневшее сердце. Дрожащие ветви высоких деревьев скрывали новую служительницу Луны от своей «хозяйки». Мистическая песнь ветра разносилась в тишине, будто утешая плачущую в зарослях обреченную. Хлопья снега оседали на ее плечи, нежно целовали мокрые от слез щеки, едва различимый шепот слился с общим гулом, когда Вестница поняла, что слова сходят из ее губ.

«Мы обречены».

Кромешная тьма поначалу не позволяла разглядеть собственных рук, но чем сильнее Ева вглядывалась в нее, чем дольше наблюдала, тем яснее могла различить бродящую меж кронами призрачную тень, словно сотканную из неосязаемых нитей, соединяющих этот лес и обитающую в нем легенду, тайну Вестников и их круг. Ее движения были плавными, неестественными, бесформенное тело тонуло в ночном тумане, укрывшем землю до горизонта. Девушка не могла пошевелиться или отвести взгляд, она продолжала наблюдать за неизвестным, и ощущала, как медленно мутнел рассудок. Она следила за движущимся в ночи духом, ее окутывала безумная тяга последовать за ним в чащу, но ноги не слушались, не позволяли подняться.

Ее нашли через несколько часов, а может, дней. Невозможно было понять, наступал ли уже рассвет, или бесконечная ночь окутала Еву, лежащую на прелой, безжизненной, как и она сама, земле. Девушка слышала чьи-то шаги и прикрыла глаза, которые уже болели от выплаканных слез. Она не шевелилась, старалась выбросить из головы мысли о том, что вот-вот ляжет под топор.

Марк осторожно подошел к лежащей на снегу Еве, наклонился над ней и невесомо

провел ладонью по растрепанным волосам.

— Ты погасла, — он внимательно смотрел на нее, — облик бессмертного создания должен был пойти тебе к лицу.

Она подняла на него глаза, первые несколько минут ничего не отвечая. Мужчина выглядел отстраненным, запущенным, его стеклянный взгляд не выражал ничего, кроме изнеможения.

— Я потеряла все, что у меня было, думала, что обрела уникальную судьбу, отреклась от своей прошлой жизни, попрощалась с матерью, будущим, которое могло у меня быть, — она сделала паузу, подавив накатившие к горлу слезы, — я сделала все это, чтобы принадлежать богине тьмы.

Мужчина долгое время оставался неподвижным. Он смотрел в глубину леса, туда, где пробуждалось солнце, пробивалось сквозь облака, освещая заснеженные просторы. Спустя какое-то время он поднялся с земли и отряхнулся, подавая девушке руку.

— Мой собственный дядя позволил обречь меня на смерть, — она отвернулась, прикрыла глаза и стала прислушиваться к звукам земли, на которой лежала, стараясь отвлечься.

— Ты думаешь, он хотел, чтобы так получилось? Думаешь, он сам желал стать Вестником? Это его судьба, и твоя тоже, — Марк, не дожидаясь ответа от Евы, поднял ее на руки и понес в сторону дома.

— Я — пленница своей судьбы? — в середине пути спросила девушка, не в силах даже открыть глаза из-за накопившейся усталости.

— Все не настолько плохо, как ты считаешь, — он взглянул на нее и мягко поцеловал в холодный, мокрый от растаявшего снега нос, — у тебя есть я.

— Не оставляй меня, даже если весь мир окунется во мрак.

— Я обещал.

Алиса

Ветер кружил рыжие локоны девушки, пока она стояла, смотря на плавно, но так стремительно покрывающиеся снежным полотном деревья. Время шло предательски медленно. Никто не пытался остановить Еву в эту ночь, Мария приказала продолжать ритуал, и лишь когда все завершилось в предрассветный час, и служители ушли отдыхать, Марк ушел вглубь леса на поиски, а Алиса ждала его на ступеньках.

«На нее возложили слишком много и дали слишком мало времени», — пронеслось в голове. Она прикрыла на мгновение глаза, чтобы привести в порядок мысли и успокоиться.

Мужчина нес Еву на руках, неосязаемые духи словно тянулись за его следами, они ощущались в запахе ледяного ветра, шепот доносился до сознания, но как только пара полностью покинула лес, все стихло. Алиса мысленно поблагодарила их за то, что оберегали служительницу Луны, и направилась вместе с Вестниками в дом.

Мария стояла в коридоре, спокойная и сдержанная, и только крепко сплетенные между собой пальцы, подрагивая, выдавали ее истинные эмоции. Девушка кивнула Принцессе и стала подниматься на второй этаж, Марк поприветствовал ее и пошел следом. Он уложил уснувшую Еву в постель и присел рядом, пока Алиса искала что-то в шкафу.

— Что еще случилось?

— Я заберу у нее книгу, ей больше ни к чему читать это. Наша девочка и так уже слишком много пережила, — руки дрожали, пока она перебирала вещи в поисках нужного тома.

— «Наша»? — Марк слегка приподнял бровь.

— Мы все несем за нее ответственность, — огрызнулась Алиса, поворачиваясь к мужчине, — нам нужно оберегать Еву, как и всех остальных.

— Что ты имеешь ввиду? — Марк встал и взял девушку за руку, выводя ее за пределы комнаты и прикрывая дверь.

— Я чувствую, — она пожала плечами и вздохнула, — за несколько ночей до Йоля в лесу что-то блуждало, неосязаемое, словно предвестник чего-то неизвестного, но явно нехорошего.

— Мне кажется, ты накручиваешь себя, — он покачал головой.

— Я не... — Алиса запнулась, словно была не уверена в том, что должна продолжать.

— Сейчас мы нужны ей, и в этом ты права, но не нервничай так сильно. Еву впечатлил обряд, ей просто нужно привыкнуть.

— Я побуду с ней, — Вестница отпустила руку Марка и, не став дожидаться его одобрения, вернулась в спальню.

Она сидела с Евой до того момента, пока девушка, мокрая и дрожащая, не вскочила, испугано оглядываясь по сторонам и сжимая одеяло.

— Тише, — Алиса обняла ее и нежно погладила по волосам.

— Алиса? — неуверенно произнесла Ева и стала вытирать щеки от слез.

— Это я, — та грустно улыбнулась, — прости нас.

— За что? — девушка покачала головой, словно все еще пыталась отойти ото сна.

— За то, что не пошли за тобой сразу, что не помогли раньше, что не смогли подготовить тебя ко всему.

— Мы все обречены быть здесь? — Ева внимательно посмотрела на Вестницу, но та долгое время не отвечала.

— Да.

Алиса вновь сделала паузу, подбирая слова. Она поднялась и подошла к окну, чтобы плотно его закрыть.

— Ты многое знаешь о Марии?

Новенькая отрицательно покачала головой, даже не моргая.

— Она служит уже очень долго. Обычно Вестников избирают на век или чуть больше того, Принцесс и Принцев, возможно, на два-три, но Мария так понравилась Луне, что находится в ее власти уже больше четырехсот лет. Наша Принцесса — необычное создание, светловолосой ее сделала Геката, чтобы выделить среди остальных, ее рост, походка, цвет глаз и голос — все это дары Богини. От прежней Марии, как мне однажды сказала она сама, ничего не осталось, ее превратили в настоящее подобие луны, окончательно лишив черт прошлой жизни.

Алиса вернулась к кровати и опустилась на нее, чтобы взять Еву за руку.

— Мы говорим о ней и Принце, как о получивших высший дар, но на деле они, как и мы все, заточены в своем теле и безвластны, вынуждены выполнять поручения своей хозяйки. Наши души хоронят и оставляют лишь измененное тело. Здесь никому не нужно твое прошлое, и это еще одна из причин того, почему нам нельзя общаться с людьми. Для них мы перестаем существовать, умираем по-настоящему.

— Мне кажется, ты должна была утешить меня, после всего произошедшего, — Ева не сдержала улыбки, — а сама только сильнее пугаешь.

— Не нужно долго наблюдать, чтобы понять, что тебе нужны ответы, а не утешение.

— Я больше никогда не увижу свою мать, самого близкого для меня человека.

— Ты приехала к дяде, живешь в доме, в котором выросла, есть люди, которым ты нужна. Ты не одна в этом мире.

— Как и ты.

Алиса мягко улыбнулась. Влажный зимний ветер продолжал просачиваться сквозь деревянную раму и ощущался на оголенных участках кожи.

— Не хочешь принять ванну? Ты лежала в заснеженном лесу, — она старалась придать своему голосу нежности, но все же заставила Еву поежиться, вспоминая события прошлой ночи.

Получив положительный ответ, Вестница стала помогать ей избавиться от мокрой и грязной одежды, аккуратно расчесала запутавшиеся волосы, переливающиеся бронзой, и ласково стерла с лица капли слез.

Чем больше времени они проводили вместе, тем сильнее юная служительница напоминала Алисе саму себя — напуганного белого кролика, которого поймали и посадили в клетку, но вместо того, чтобы встретить погибель, он обратился в янтарную лису.

Она смотрела на Еву в отражении зеркала в ванной, пока горячая вода обжигала керамику: яркие волосы опадали на бледную кожу, большие оливковые глаза контрастировали с почерневшими глазницами, все ее тело — танец холода, окутывающего дымкой холмы и безжизненные поля с жаром пламени.

Алиса взяла ее за руки, помогая забраться в ванну.

Намыленные подушечки пальцев скользили по рукам и шее Вестницы, стирая следы влажной почвы, смывали растаявший снег с ладоней. Все время, пока девушка очищала кожу

и волосы Евы от сна на голой земле, та неотрывно наблюдала за ней. Запах цитрусового шампуня распространился по комнате, заполняя легкие.

— Раньше на заднем дворе росли апельсины, — изучающий взгляд перешел к потолку, куда струйками тянулся пар, — но Филипп спилил их, когда мы стали уезжать, потому что не умел за ними ухаживать.

— Не удивительно, — Алиса намылила длинные девичьи волосы, — никогда не видела его за подобной работой.

— Думаешь, я видела? Все мое детство он только ворчал о бессмысленности всех расставленных по дому цветов.

— Вряд ли его, живущего на окраине леса, можно было бы убедить в пользе комнатных растений.

— Это красиво, — Ева усмехнулась и прикрыла глаза, а после самостоятельно смыла с себя все средства для ухода и выбралась из ванны.

— Пообещай мне больше не убегать вот так, — девушка протянула ей полотенце.

— Хорошо.

— Давай скорее пойдем в комнату, а то здесь слишком жарко, — Алиса стала заворачивать Еву в махровое полотенце и заметила ее недоуменный взгляд, — я шучу.

Ева

8 ночь Июля.

Дом Филиппа все сильнее преображался в красочную, зимнюю хижину, украшенную свечами, фруктами и различными композициями из хвойных веток и шишек, что Ярлина с Веттой собирали возле круга.

Кухня тонула в аромате кофейных зерен. Возле плиты, погруженная в свои мысли, стояла Алиса. Огонь бесшумно нагревал турку, пока девушка возилась с букетом из сухоцветов. В композицию из физалиса и бессмертников она добавила гипсофилу, чтобы придать ей больший объем.

— Не хватает синеголовника, — Злата вошла в комнату с пустой кружкой в руках, и сразу же потянулась к шкафчику, доставая оттуда листовой чай.

— Он не растет в этих землях, — ответила Алиса, снимая готовый кофе с печи и гася пламя.

Вестница вошла в гостиную с чашкой свежесваренного кофе и попутно поставила возле дивана букет, что несколько не сочетался с большой зеленой елью в углу. Она опустилась в мягкое кресло, делая глотки обжигающего напитка, и не сразу заметила стоящую неподалеку Еву, задумчиво рассматривающую вид из окна, где тускло светилась луна.

— Не против отвлекься?

Девушка не сразу поняла, что обращаются к ней, а потому еще какое-то время наблюдала за угасающим в ночи лесом, заросшими травой и кустарниками тропинками, деревьями с их мягко покачивающимися ветвями. Ее белесое лицо освещали лучи ночного солнца, делая еще более омертвелым.

Наконец, Ева присела на диван, придерживая в руках кружку с горячим шоколадом. Глаз лег рядом, прижимаясь к меховому покрывалу. Ладони должны были гореть от обжигающего фарфора, но она ничего не чувствовала и обратила все свое внимание на собеседницу.

— Что-то случилось?

— Вовсе нет, — Алиса окинула взглядом гостиную, — просто хотела спросить, как ты себя чувствуешь.

Долгое время Ева молчала. Пар, исходящий от напитка, стремился к потолку, и служительница внимательно следила за ним, подбирая слова, искала именно то, что было нужно.

— Я согласна потерять прошлые года во имя нового, — она могла поклясться, что почувствовала, как ее сердце пропустило удар. Голос дрогнул и стал тише обычного, — я готова принять себя и свою судьбу.

Девушка взяла ее за руку и слегка сжала, взглянув в глаза, — в них не оставалось прежнего огня, пламя догорало, оставляя за собой тлеющие огоньки, что стремительно гасли, обращаясь в тоску.

— Где твой свет, Ева? — Алиса коснулась бледной щеки свободной ладонью, обеспокоенно смотря на Вестницу.

— Ты говорила, что мы теряем себя и свою жизнь, но я в это не верю.

— И не верь, забудь все то, что я говорила тебе, ты должна как раньше сиять, и еще

ярче, — она покачала головой, — ты должна оставаться нашим солнцем.

— Он навечно во мне.

Ева хотела обнять подругу, но заметила Марка, стоящего поодаль. Он держал руки над огнем камина, пальцы едва заметно дрожали, ощущая легкое покалывание. Ей казалось, что мужская грудь вздымалась по мере того, как размеренно хрустели дрова. Она вновь обратилась к Алисе перед тем, как встать.

— Мы сами решаем, быть нам счастливыми или нет. Мы должны бороться за право оставаться самими собой, даже если наши тела принадлежат Гекате, — Ева поднялась со своего места и поставила кружку на столик, — продолжать жить, даже если наши сердца больше не бьются.

Марк ощутил прикосновение нежной щеки к своему плечу и мягко приобнял девушку, вдыхая запах шоколада вперемешку с дымом от пламени. Ее душа горела рядом с ним, и он знал это, она также воспламеняла его. Годами он экономил чувства будто для этой встречи, не позволял себе развязывать узлы на шее, пока Ева не сняла их и не сожгла в этом самом камине.

— Я, наконец, дома, — ее шепот вернул его к реальности.

Вестник направил взгляд голубых глаз на Вестницу и оставил поцелуй на ладони, после чего коснулся губами ее губ, руки скользнули к шее и затылку, в порыве притягивая еще ближе к себе. Она прижалась к его телу, прячась в объятиях, и прикрыла глаза, чувствуя, как мужчина перебирал рыжие пряди, спутывая их. Он не ощущал своих пальцев, которые сомкнулись на девичьей шее, перехватил ее соскальзывающую ладонь и прислонил к своей груди, что была укрыта вязаной кофтой. Ему не хотелось отпускать Еву, но приглушенные голоса, все более отчетливо звучащие со второго этажа, заставили Марка отстраниться.

— Это ведь совсем не сложно, — Ярлина спускалась по лестнице, беседуя с Феликсом и настойчиво убеждая его в чем-то.

Ева отошла от камина на пару шагов, расправила волосы и вновь потянулась за горячим шоколадом, игнорируя заинтригованный взгляд Алисы, направленный прямо на нее.

— У нас ничего для этого нет, — вступил в разговор Филипп, следуя за парой.

— О чем идет речь? — Ветта выглянула из кухни с двумя стаканами, наполненными неизвестной жидкостью, и подошла к мужчинам, чтобы протянуть их им.

— Спасибо, — отозвался Филипп, отпивая немного, — пусть лучше Ярлина расскажет, чего она хочет.

Все присутствующие повернулись к ней.

— Я хочу украсить елку. Йоль должен быть особенным во всем, мы никогда не делали этого, почему не начать?

— Это не в наших правилах, — Марго направлялась к собравшимся, попутно завязывая пояс на платье, — мы не должны делать то, что не делаем обычно.

— Наряженные ели — невероятная красота, — продолжала Ярлина, — все украшают их, и особенно те, кто празднует Йоль.

— Но не Вестники, — Марго тяжело вздохнула, — все же вам стоит спросить разрешения у Марии.

— Ты не знаешь, где она? — поинтересовался Феликс, — я пару дней не видел ее.

— Она готовит круг к обряду восшествия, но вы можете подойти к ней, — служительница неопределенно пожала плечами, — скорее всего.

Ярлина покачала головой и направилась к двери, ведущей на задний двор, за ней же

последовал и Феликс. Ева опустилась на диван, рассматривая зеленое дерево внушительного размера, к ней присел Марк.

— Декабрьские вьюги сильные в этом году, приходится расчищать круг постоянно, — пояснила Марго, следом добавляя, — Злата, Ханна и Владимир с Георгом помогают Принцессе по ее же просьбе вот уже четвертую ночь. Кроме всего прочего, они также что-то делают с почвой, раскладывают талисманы и... — она запнулась, — тому подобное.

Вернулась пара не сразу, но как только они вошли в дом, сразу же вновь обратили на себя всеобщее внимание. В их руках были две деревянные коробки, доверху наполненные украшениями и шишками.

— Нам разрешили, — Ярлина озарила всех лучезарной улыбкой и стала сразу же доставать все содержимое, как только освободила руки.

Первой ей помогать решилась Ева, она изучала каждую елочную игрушку, подмечая непривычные материалы, из которых те были сделаны.

— Откуда вы их принесли? — поинтересовалась следом Алиса, попутно вешая на ель абсолютно прозрачный стеклянный шар.

— Купили у дедушки по соседству. Он столяр и стекольщик, — ответил Феликс после того, как взял в руки другое украшение — маленькую елочку, вырезанную из дерева.

— Нам показалось, что самодельные безделушки — как раз то, что нужно, — добавила Ярлина, — жаль, что мы, вероятнее всего, последние его покупатели.

— Почему? — спросила Ева, рассматривая шишку, на верхушке которой было проделано специальное отверстие для лески.

— Этот человек уже очень пожилой, — пояснила служительница и сразу же отвела взгляд.

Марго держалась поодаль ото всех, внимательно наблюдая за происходящим. Пока время тянулось, ее взгляд блуждал от одного Вестника к другому, что увешивали игрушками ель, периодически шутили и смеялись друг над другом.

— Если бы тогда ты не был так пьян, возможно, помнил бы все, — Ярлина легонько толкнула Феликса в плечо, в ответ на это он заключил в объятия свою жену и усмехнулся.

— Если бы я тогда не был пьян, не приставал бы к тебе с такой пылкостью, — он поцеловал ее в шею, чем вызвал бурную реакцию Алисы и Евы.

— Ну хватит вам, голубки, мы поняли, как вы хорошо развлекались в молодости, — Марк подошел к паре и похлопал мужчину по плечу.

Руки Марго были прижаты к груди до тех пор, пока до локтя не дотронулась крепкая ладонь Филиппа и не скользнула дальше к запястьям, остро отзываясь в сознании Вестницы. Кисти непроизвольно опустились вниз, глаза все так же бегали по комнате, но девушка перестала что-либо видеть перед собой.

Его плеч коснулись ее вьющиеся непослушные локоны, пахнувшие морозным ветром. Он погладил ее пальцы, а она едва сдержала улыбку, но все же сохранила отстраненное выражение лица.

— О чем ты думаешь? — голос, отдающий хрипотцой, прозвучал неестественно грубо после пары стаканов выпитого алкоголя. Третий коктейль Филипп сейчас держал в свободной руке, периодически покручивая.

— С тобой я чувствую себя свободной, — приглушенно проговорила служительница, так, чтобы ее слышал только мужчина.

Сложно было не заметить ухмылку, появившуюся на его лице. Пальцы вновь коснулись

угловатого локтя, повели дорожку к лопаткам, очерчивая их, и, наконец, застыли на талии. Марго расслаблялась от его касаний, незаметно сжимая подол платья.

Эта ночь протекала медленнее, чем обычно, никто не спешил поскорее закончить, наоборот, все старались растянуть моменты, наполненные столь уютной и домашней атмосферой. Ни один из них не обращал внимания на необъяснимое *ощущение*, блуждающее по округе и проникающее в дом Вестников с заходом солнца.

Ева

12 ночь Йоля.

Обряд восшествия у девушек раньше называли «венчанием с тьмой».

Ева неподвижно стояла в своей комнате перед зеркалом, рассматривая платье, что было надето для последней, и самой важной ночи Великого Йоля. Черное, украшенное кружевом и тяжелыми драгоценными камнями, оно покрывало тело Вестницы полностью, оставляя открытыми лишь запястья и шею.

Яркие волосы и сияющие зеленые глаза были скрыты под длинной полупрозрачной фатой темного цвета, которая держалась на голове за счет большой, украшенной золотом короны с двумя острыми длинными рогами, напоминающими полумесяц.

Взгляд девушки был настолько растерянным, что любой незнакомец несомненно бы подумал — бедняжка выходит замуж за самого Гадеса.

— Не бойся, — мягкий голос Алисы и нежное прикосновение к руке помогли Еве немного расслабиться.

Было непривычно видеть себя в столь мрачном, но величественном облики, грудь болезненно сжималась от волнения и, казалось, она в любой момент потеряет сознание, если не успокоится.

— Эта ночь завершит твоё перерождение, — Вестница протянула ей букет алых роз, — мы будем рядом с тобой.

Ева осторожно поднесла их к лицу и вдохнула аромат. Они были прекрасны — воплощение болезненной красоты, причиняющие страдания каждому прикоснувшемуся к ним, но дарующее восхищение смотрящим со стороны.

В небе сияли давно умершие звезды, среди которых разгоралась новая — подобная ночи, она блуждала по сокрытым тропам в лесу, слышала зов ветра, что повторял ее имя и вел сквозь непроглядный густой туман. Босыми ногами Ева ступала на заснеженную почву, испачканный подол цеплялся за обнаженные ветви навечно уснувших кустарников. В сжимающейся от волнения груди не билось сердце, тело ощущало, как его пленяли вместе с разумом и душой.

Остывшая почва была пропитана незримой трагедией, девушка оставляла на ней свои прощальные прикосновения, будто торопясь неизбежно погибнуть. Ведомая мистическим шепотом, она вновь и вновь ощущала присутствие Богини внутри себя, застилавшее глаза и оседающее в легких запахом дыма.

Тени блуждали вокруг новой служительницы Гекаты, вели ее, опьяняя рассудок, в беспросветную тьму, которая была словно осязаемой — чувствовалась шелковыми лентами, щекочущими оголенные участки кожи. Ладони больно царапала кора деревьев, розы рассыпались по земле, она наступала на ткань платья, но продолжала идти в неизвестность, пока не увидела свет огней.

Их было двенадцать.

Вестники босиком стояли за границей круга, в белых одеждах и с венками, вплетенными в волосы, в руках они держали зажженные факелы. В памяти Евы невольно всплыл обряд Филиппа, который она видела когда-то, но наблюдать со стороны — одно, а

принимать участие — совсем другое.

Мурашки пробежали по телу, ветер, что привел ее сюда, то стихал, то снова завывал, словно напевая неизвестную, столь же древнюю, сколь и этот Култ, мелодию.

Каждая из Вестниц поочередно ступала в круг, поднимая факел над головой. Когда мистические звуки снова разнеслись между деревьями, они начали танцевать. Каждое их движение было наполнено магией, огонь смешивался с зимним воздухом и светом луны, унося прошлое далеко за границу мира, переплетая его с настоящим и будущим. Ева стояла в тени, среди ветвей, закрывающих небо, и наблюдала, как через время к ним присоединились мужчины.

Движения странно пленили, хотелось слиться с пламенем факелов, закрыть глаза, а после утонуть во всеобъемлющей ночи. Присутствие Богини ощущалось все сильнее с каждой минутой.

Когда танец закончился, служители взяли за руки и вновь вышли за пределы круга, потушив огни. Темнота окутала все вокруг, но лишь на мгновение — вены вспыхнули желтоватым свечением у каждого из присутствующих, в том числе и у Евы.

Мария, одетая в белоснежное, украшенное камнями платье, вышла в центр. Пара минут молчания, которое не смел нарушить даже ветер, и Принцесса повернулась к Еве, протягивая ей руку.

— Юная Вестница Темной Луны, это твоя ночь.

Ева медленно вышла в центр, в то время как Мария встала рядом с остальными. Воцарилась неземная тишина, девушка не знала, что должно было произойти дальше, она смотрела куда-то вдаль, осознавая, как медленно исчезала с лица земли, растворялась, переставала быть частью одного мира, но становилась частью другого.

Дуновением ветра в сознание вонзились голоса, они смешивались друг с другом, звучали из разных времен, терялись в веках, прожигали насквозь до тех пор, пока из груди самой Евы не вырвался ее собственный. Он казался чужим, но в то же время исходил словно из неизведанных ранее глубин души. Слова, которых она не знала, перерастали в манящее пение, звуки смешивались с ледяными порывами, что едва не сорвали с девушки фату. Казалось, ее касались чьи-то руки, обнимали со спины, завязывали узлы невидимыми нитями на запястьях.

Запахи мокрой почвы и горящих некогда факелов обволакивали служительницу, звезды в бесконечном ночном небе светились ярко, но еще ярче сияла Луна. Мелодия оборвалась резко, оставляя после себя ощущение опустошенности.

Взгляды всех устремились к кругу, что от краев начал покрываться льдом, словно это была замерзшая река, и стоило только покрову прикоснуться к нагим стопам девушки, все растаяло.

Внезапно в глазах Евы потемнело, она почувствовала жар во всем теле, ощутила, как еще одна нить обвязала ее шею, сдавливая, от чего к горлу подступила тошнота и потемнело в глазах.

Всепоглощающая слабость накрыла девушку, ноги подкосились, и она упала на землю.

Третья часть

Поиск истины

Глава 26

Ева

Северный ветер неистово бушевал, колыхал занавески, нарушая беспокойный сон девушки. Пронизывающий холод закрадывался под тонкое одеяло, сквозь одежду, проникал в легкие вместе с запахом мокрой хвои и гниющей листвы. Нарастающее беспокойство внутри терзало, заставляя ворочаться и вскоре распахнуть глаза.

Ее била крупная дрожь от кошмаров, заполонивших разум, прожигающих насквозь, от ужасающих ликов созданий, что смотрели в глубины неизвестных вод, словно в пропасть. Они походили на зверей, но черты были неясные, отдаленно напоминающие человеческие, а взгляды их выражали вселенскую скорбь при виде собственных отражений. Отчаянные и наполненные болью крики, вырывающиеся из их тел, отзывались в пробудившейся девушке словно удары тока, вынуждая сесть.

В предрассветных сумерках не сразу получилось рассмотреть незнакомую спальню, которую полностью поглотила тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом ветра. Голова неистово гудела, мешая мыслям собраться.

Комната словно вырисовывалась перед глазами, постепенно привыкающими к темноте — в углу появился невысокий шкаф для одежды, напротив — туалетный столик с газовой лампой и кувшином на нем. Приставленная к стене кровать, на которой сидела Ева, скрипела от мельчайших движений, постель была горячей и влажной, и она бы не обратила на это внимание, если бы кровь в венах не забурлила жидким огнем. Паника вновь охватила ее, Вестница поднялась, и холод сковал ее сильнее прежнего.

Девушка подошла к окну, надеясь встретить знакомый пейзаж, но увидела небо, что полностью заполонили тучи и покрытую туманом бесснежную землю, неведомую ей, простирающуюся до самого горизонта, за которым едва виднелся еще более бесконечный лес. Он выглядел будто нарисованным, причем лишь наполовину — местами прозрачный, абсолютно недвижимый, не имеющий четких контуров.

«Что?»

Ева отошла, положила голову на ладони и судорожно втянула воздух. Легкие непривычно болели при каждом вдохе, танцующий на улице ветер, пронизывающий комнату, не позволил сразу уловить аромат свежих тюльпанов. Они стояли на подоконнике, спрятанные за занавеской. Их длинные ножки были опущены в белую вазу, а бледно-желтые бутоны смотрели в небо, туда, где восходящее солнце пряталось за плотными облаками.

Рядом с цветами лежал смятый клочок бумаги, на котором небрежным почерком было написано всего три слова:

«Мы вернёмся.

М.»

Ева еще раз оглядела пустынную равнину, что вдалеке сменялась бескрайним лесом, вглядывалась внимательно, пока не стала замечать едва уловимые тропы, разбросанные хаотично, словно не люди ступали по ним, а ветер силой прижимал низкую траву к земле, склоняя ее до тех пор, пока она не застыла в таком положении.

Девушка продолжала бродить взглядом по бесцветным просторам, но остановилась,

увидев возле полуразрушенного фонтана Марию. Принцесса посмотрела в ее сторону, встретилась с ней взглядами, от чего по коже вновь прошла волна жара. Пальцы скользнули по шелковой ткани, сжимая, и Вестница резко задвинула шторы, погружая спальню в непроглядную тьму.

Румянец горел на щеках, несмотря на озноб, сложно было заставить себя пошевелиться, но глаза не могли привыкнуть к темноте, вынуждая найти источник искусственного света. Она подошла к тумбе и попыталась нащупать лампу, но наткнулась на графин с водой, что качнулся от неосторожного движения руки и упал, с грохотом разбившись о пол. Осколки стекла разлетелись по комнате, звуки слились с испуганным вскриком Евы, что молниеносно выскочила в коридор.

Резкий запах хвои, ночи и ветра ударил в легкие сильнее прежнего, сбивая с ног. Голова закружилась от переизбытка кислорода, служительница облокотилась о дверной проем и прикрыла глаза прежде, чем позволила себе осмотреться.

Неожиданное прикосновение чужой ладони к оголенному плечу заставило ее дернуться. Перед девушкой стояла Алиса, одетая непривычно тепло, и обеспокоенно оглядывала Еву, касалась поочередно ее рук, шеи, а следом накинув на нее плед.

— Ты не ранена?

— А должна быть? — она поймала испуганный взгляд подруги и укуталась в покрывало, пытаясь согреться.

— Я слышала звон стекла.

Вестница не знала, что сказать. Все ее внимание сейчас привлекал длинный коридор с поросшими пылью окнами, сквозь которые сочился утренний свет вместе с влажным воздухом. Единственный пейзаж, видимый отовсюду — бескрайний недвижимый лес.

— Где мы?

— Я не могу сказать, — Алиса тяжело вздохнула, — я пришла проверить, что ты цела, и передать, что Принцесса ждет тебя на улице.

— Здесь только мы?

— Нет, — девушка улыбнулась и незамедлительно скрылась.

Рассвет был серым и неприветливым. Всепоглощающая тишина окутала ветхий, неизвестный ей дом. Он казался бесконечным. Пока Ева шла по коридору, она дергала за ручку каждую дверь. Некоторые были закрыты, остальные выглядели идентичными друг другу — заброшенные бесцветные спальни с минимальным количеством мебели.

«Функциональные», — подумала Вестница, рассматривая их.

Витиеватая лестница находилась в тупике, утопая в темноте, и невозможно было рассмотреть, на сколько этажей она тянулась. Не сдержав своего любопытства, девушка понялась наверх и попала в большую, усыпанную стеллажами, библиотеку.

Она была хорошо освещена из-за располагающихся на двух противоположных стенах панорамных окон, что открывали вид на бескрайние пустынные земли, казалось, несуществующего мира, на еле видимый лес вдалеке.

Несмотря на пробирающий до костей холод от сквозняка, это место выглядело прекрасно. Ева прошла вдоль книжных полок, внимательно изучая корешки томов, пока не наткнулась на лестницу, ведущую еще выше.

Этот этаж оказался последним, и был продолжением библиотеки вниз. В отличие от освещенной комнаты с аккуратно расставленной мебелью, здесь царил настоящий хаос. Не меньше полсотни произведений лежали стопками друг на друге на поросшем пылью ковре,

рядом с ними располагалось несколько диванов и кресел, а также напольные светильники с горящими свечами. Из-за отсутствия окон Ева сделала вывод, что раньше это был чердак, но для книг внизу перестало хватать места, и его переделали.

Девушка уже хотела спуститься обратно, но ее внимание привлек портрет, висящий в самом центре стены. Это была тень женщины, стоящей в профиль. Ее заостренный нос, тонкие губы и высоко приподнятый подбородок были четко вырисованы черной краской. Внизу располагалась подпись: «Геката. Богиня Темной Луны».

У Евы перехватило дыхание. Она поймала себя на мысли, что никогда не думала о Луне как о той, кто мог иметь человеческое тело, никогда не представляла, как Богиня могла бы выглядеть. Портрет не давал четкого образа, пробуждая в Еве множество вопросов, на которые ей не удавалось найти ответы.

Вестница поспешно спустилась на первый этаж и, немного поблуждав по запутанным коридорам, нашла холл, ведущий на улицу.

От количества свежего воздуха закружилась голова. В нем смешивались запахи мокрой травы и гнилой листвы. Девушка дрожала, ступая по влажной оголенной земле, волосы развевались на сильном ветру, а ноги подкашивались от холода.

В этом до сих пор неизвестном ей месте не было птиц, животных или даже насекомых. Пустота окутывала дом и всю территорию вокруг него, смешиваясь с туманом. Она оглядела масштабное здание высотой в пять этажей, похожее на заброшенный особняк посреди безлюдной равнины.

Чем ближе Ева подходила к Принцессе, тем отчетливее она слышала чарующую и таинственную мелодию, которую та исполняла, глядя на «призрачный» лес. Это был кулинг⁷ — он притягивал, гипнотизировал и одновременно немного пугал.

Мария выглядела так, словно мысли ее были в совершенно другом месте, далеко отсюда. Песня постепенно становилась все тише, а когда прекратилась совсем, женщина еще некоторое продолжала стоять неподвижно, и лишь потом обратила внимание на Вестницу.

— Здравствуй, Ева.

Ева дрогнула от неожиданного обращения к себе и отошла на несколько шагов, перебирая ногами, чтобы справиться с холодом.

— Где мы?

— Как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке, только... — девушка запнулась, — я дышу и, кажется, мое сердце снова начало биться.

— Как и мое, — Мария проговорила это достаточно холодно, — Мне нужно, чтобы ты вернулась в дом и осталась ждать меня вместе с остальными.

— Вы все мне расскажете? — спросила она перед тем, как направиться обратно.

— Я расскажу то, что вам нужно знать.

Алиса

Дом Луны.

Алиса слышала о нем лишь однажды, больше пятнадцати лет назад, когда в одном из домов, где обитал круг, случился пожар. Это едва не сломало невидимую стену между Вестниками и обществом, едва не разоблачило их. Тогда Мария всерьез задумывалась о том, чтобы спрятать всех в некоей крепости — искусственно созданном кусочке мира, спрятанном от Гекаты и людей.

У него не было адреса, и никто точно не знал, кто и когда создал это, но в том, что оно безопасно, Принцесса не сомневалась.

Неожиданно холодный укол ветра заставил Алису вздрогнуть. Было неприятно и непривычно чувствовать озноб на своей коже, сухость рук и лица, но это одновременно помогало отвлечься от мыслей о прошедшем обряде восшествия. Девушка чувствовала перед собой обязанность помочь Марии как-то справиться со случившимся, пусть она сама и не до конца понимала, что именно произошло.

Она медленно подошла к фонтану и коснулась кончиками пальцев холодной воды. Отражающееся в нем ночное небо, укрытое густыми тучами, пошло рябью, рассыпалось на множество неразличимых черных пятен.

«Только бы облака не рассеялись», — Алиса подняла глаза и глубоко вздохнула, настолько, что закружилась голова.

Внутри дома было еще холоднее, чем снаружи — ветер пробирался сквозь закрытые двери и окна, бродил по этажам как призрак, и словно касался рук девушки, обхватывал запястья, безмолвно говоря о своем присутствии. Дощатый пол скрипел под тяжестью шагов, будто никто живой очень давно не ступал по этим коридорам. Весь первый этаж тонул в непроглядной темноте, и только небольшая гостиная освещалась несколькими канделябрами.

Приглушенные голоса, доносившиеся оттуда, привлекли внимание девушки.

Тени кружили на стенах. Подрагивая, они приобретали достаточно причудливые формы, которые следом сменялись простыми контурами находящихся в комнате предметов. Неясные фигуры Вестников, несмотря на пламя свечей, казались едва различимыми.

На диване сидела Ярлина, крепко держа руку Феликса. Она вырисовывала на его ладони неизвестные символы и слова, когда подняла взгляд на вошедшую в комнату Алису. Ее губы дрогнули в подобии улыбки, но глаза не выражали ничего.

— Не мог бы ты...

— Конечно, — Феликс поднялся, не дослушав просьбу до конца, и подошел к камину, растапливая его.

Голос Ярлины резко оборвался, она спрятала кончики пальцев в плед, что покрывал все тело, и кивнула.

— Где все остальные? — Алиса неспешно приблизилась к паре и опустилась в кресло.

— Спят, — девушка внимательно осмотрела комнату, — не стоит никого беспокоить. Мария попросила собрать всех здесь после рассвета.

— Я знаю, — покачав головой, Вестница вздохнула. Грудь болела от необходимости дышать, сжималась всякий раз, когда сердце пропускало удар, — но почему вы здесь?

— Мы пытаемся согреться, и я хочу есть, — призналась Ярлина и ткнула носом в свои колени.

— Я взял кое-что с собой, — Феликс подошел к дивану, достал из тканевой сумки сверток и протянул ей.

Она развернула его и взглянула на несколько веточек спелой рябины и кусочков пшеничного хлеба.

— Когда ты успел собрать их? — Ярлина изумленно покрутила алую ягоду в руках, будто пытаясь удостовериться, что та настоящая.

Мужчина лишь пожал плечами и с улыбкой обнял жену за талию, притягивая ее ближе к себе.

— Что у тебя еще есть в этой сумке? — Алиса усмехнулась, наблюдая за тем, как девушка разламывает булочку еще на несколько частей.

— Спички, теплые носки, свечи и домашнее вино.

— Ты будто специально готовился к тому, что скоро снова начнешь чувствовать холод.

— Мы не первый день служим Гекате, кое-что знаем, — Ярлина подмигнула собеседнице, продолжая есть.

— И зачем же вам вино, мои опытные служители?

— Чтобы справиться с бессонными ночами, — Феликс пожал плечами.

— Вроде этой, — подытожила Ярлина и повернула голову в сторону сумки, — предлагаю открыть сейчас, все равно нужно занять себя чем-то.

В знак согласия мужчина достал стеклянную бутылку и разлил содержимое в три фужера, найденных в шкафу среди сервиза.

— Алиса? — он протянул один девушке.

— Спасибо, — кивнула Вестница и взяла бокал.

Терпкий вкус вина растекся по горлу, и она сделала еще один глоток прежде, чем откинуться на спинку кресла и закинуть ногу на ногу.

Капли дождя застучали по стеклам, нарушая тишину, воцарившуюся в гостиной. Приглушенное и размеренное сердцебиение растворялось среди разбушевавшейся за окном стихии, позволяя на время забыть, где сейчас находилась Алиса.

Прикрыв глаза, она прислушалась к непрерывному шуму дождя, пока не забылась сном.

Внезапный звон, раздавшийся в комнате, заставил ее резко проснуться и оглядеться. Канделябр лежал на полу, свечи в нем догорели, оставив после себя лишь оплавленные фитили. Вестница была в гостиной одна, а потому аккуратно поднялась, слегка поморщившись от боли в шее, и подошла к подсвечнику, чтобы вернуть его на место, но едва не наступила на выскочившего из-под дивана кота.

— Глаз, зачем так пугать! — зашипела Алиса и отошла на несколько шагов, прежде чем поднять его на руки, — мы и тебя взяли с собой, а ты сомневался?

— Заботливый Филипп даже взял несколько пакетов корма для тебя, — девушка тихо рассмеялась, поглаживая мягкую шерстку и пушистые щеки британца.

Шепот ветра пробивался сквозь плотные шторы, привлекая к себе внимание. Мягкими, бесшумными движениями она подошла к окну и, осторожно отодвинув занавеску, выглянула. Беззвездная ночь застилала собой весь несуществующий мир, укрывала Дом и прятала покрытый туманом спящий лес. Холод пола врезался в ступни, влажный ветер играл с растрепанными волосами служительницы, пока та задумчиво рассматривала пустынную долину. Место вечного ноября.

Кот мирно покоился на ее руках, не обращая внимания на дрожь пальцев. Густой туман становился все более заметным с наступлением сумерек, и все сильнее завораживал Алису. Эти земли были надежно скрыты нескончаемым лесом, расстилающимся на горизонте, облака защищали их от того, что никому не было известно. Она провела пальцами по стеклу, оставляя отпечатки на прозрачной поверхности, и, не задумываясь, стерла их краем рукава.

— Алиса.

Неожиданный резкий запах распространился по комнате вслед за скрипом распахнувшейся двери — терпкий аромат сухой древесины, мускатного ореха и серебра. Мария неспешно прошла вдоль стены, касаясь шершавой поверхности обоев, стук каблучков по паркету разнесся эхом по просторной гостиной.

— Я хочу видеть Еву, когда она проснется, — она встретилась глазами с Алисой и несколько раз постучала ногтями по обивке дивана. Выражение ее бледного лица было абсолютно безучастным, но глаза выражали эмоцию, которую девушка не могла разобрать. Принцесса перевела взгляд на мягкую мебель, впиалась в нее, сжала до побеления костяшек и отпустила, продолжая рассматривать замысловатый орнамент.

— Я буду ждать ее на заднем дворе, — голос стал приглушенным, едва слышным перед тем, как женщина развернулась и вышла, не сказав больше ничего.

Алиса какое-то время стояла неподвижно, пытаясь собраться с мыслями. Озноб перестал ощущаться так сильно, но тело по-прежнему трясло. Девушка опустила кота на пол и взяла из шкафчика еще один теплый плед, прежде чем подняться в комнату Евы.

Ева

В воздухе висело напряжение. Ева ощутила его каждой клеточкой тела, впитала вместе с теплом от горящего камина, как только вошла в гостиную.

Десять Вестников ожидали прибытия Марии, практически ничем не занимаясь. В комнате были распахнуты шторы, впуская дневной свет и холодный воздух, оставляющий на губах вкус дубовой листвы, растерянности и печали. Девушка нерешительно подошла к Алисе, что сидела на диване, внимательно следя за стрелкой часов над камином. Заметив ее, она мягко, но сдержанно улыбнулась.

— Что от тебя хотела Мария? — спросила Алиса полусшепотом.

— Поинтересовалась, как мое самочувствие, — Ева пожала плечами и стала осматривать всех присутствующих.

Феликс вместе с Ярлиной сидели у самого камина, тройняшки стояли в углу и шептались между собой, Георг, Марго и Филипп смотрели в окно и, похоже, тоже что-то обсуждали, но более оживленно, чем остальные. Владимир находился рядом со шкафом и читал какую-то книгу.

— Где Марк? — неожиданно спросила Вестница, вновь поворачиваясь к собеседнице.

— Он остался в Игналине, — голос был спокойным, но глаза внимательно изучали реакцию Евы.

— Почему?

— Мария должна все рассказать нам, — она отвернулась от девушки, не давая ей возможности продолжить разговор, и стала прислушиваться к размеренному тиканью часов.

Ева считала вдохи и выдохи, в надежде спрятать поглубже зародившееся внутри чувство тревоги, успокоить дрожь в теле. Время ожидания тянулось бесконечно, мучительно долго, казалось, что прошло уже несколько часов, но на деле минутная стрелка сдвинулась с места лишь двадцать два раза перед тем, как в комнату вошла Мария.

В ее белоснежных глазах мелькали беспокойные мысли, скрытые внешней холодностью. Она выглядела измученной и смотрела куда-то в стену, словно находилась в полном одиночестве и была погружена глубоко в собственное сознание.

— Служители Луны, — начала Принцесса, обращаясь ко всем, — мои далекие предшественники имели более сильную связь с Гекатой, нежели я. Несмотря на это, по неизвестным мне причинам, они создали убежище для Вестников, куда не могут проникнуть боги и люди, и назвали его Домом Луны. В нем мы с вами сейчас находимся. Здание, как и все вокруг него — дело рук древнейших Принца и Принцессы, тех, кто был наделен властью намного более безграничной, чем мы с Ароном.

Мария помедлила, переведя внимательный взгляд на Вестников. Никто не произнес ни звука.

— В настоящее время мы гости здесь, и можем лишь использовать это место, но никак его не контролируем. Тучи, устилающие небо — это своего рода купол, накрывающий пустынные земли от взора Луны. Они никогда не рассеиваются, ровно также, как вы никогда не сможете ступить в окутанный туманом лес. Он погружен в сон и защищает Дом от воздействия извне, — женщина облокотилась рукой о край камина и прикрыла глаза, но продолжила говорить, — правда, у любого творения есть изъян — чем дольше Вестники

пребывают здесь, тем быстрее они принимают обратно свой человеческий облик по причине того, что теряют связь с Гекатой.

Принцесса хотела добавить еще что-то, но ноги подкосились, и она опустилась на колени, практически теряя сознание. Стрелки на часах сместились, когда Мария почувствовала соленый привкус на своих губах, и чьи-то руки на талии. Филипп осторожно уложил ее на диван, а Марго склонилась над ней, убирая пряди волос от лица и нащупывая на шее пульсацию.

— Ей нужно что-нибудь съесть, — девушка осматривала маму, аккуратно расстегивая верхние пуговицы рубашки, чтобы облегчить дыхание.

— У нас ничего нет из еды, — неуверенно произнесла Ханна.

— Здесь есть подземная оранжерея, насколько я знаю, — Алиса посмотрела в сторону двери.

— Я слышала об этом, но не верю, что это правда, — сказала Ярлина и покачала головой, — невозможно объяснить, кому могло удаться создать в подвале огромного дома целый сад с искусственным солнечным светом, и как в нем столько лет поддерживается жизнь.

— Он здесь есть, — Марго посмотрела на Ярлину и махнула рукой в сторону двери, — под лестницей дверь в подвал, ключ должен быть где-то в холле.

Она кивнула и вышла из гостиной, вслед за ней пошла и Ханна.

— Что с ней? — Ева подошла к Марии и растерянно оглядела ее бледное тело. Губы были сухими и обветренными, кончики пальцев вздрагивали, а выражение лица больше не скрывалось под маской — оно было измученным и уставшим.

— Из-за того, что она дольше всех нас провела в облике Принцессы Темной Луны, сейчас ей тяжелее, чем остальным. Ее тело стремительно ослабевает.

Время близилось к полудню, но Вестники все также оставались рядом с Марго.

— Может, ей отправиться обратно? — Ева взволнованно взглянула на Алису, которая прикладывала ко лбу Марии мокрое полотенце.

— Нет, иначе мы не сможем быть здесь, — пояснила Марго.

— Вестники не могут находиться в Доме Луны без Принца или Принцессы?

— Нет.

Девушка вздохнула, пытаясь собрать все мысли воедино. Она взглянула в окно, словно искала кого-то за стенами этого дома, кого-то, ожидающего в холодной пустоши среди бушующих ветров. Кто мог согреть, избавить от нескончаемого холода. Чьего взгляда Ева не помнила, но отчетливо представляла его глаза, смотрящие на нее, пока руки касались кожи сквозь ткань льняного сарафана. Губы сперва неспешно изучали ее, а после горячо прижимали к себе, в то время как ладони исписывали талию искусными рисунками, льющимися из самой души.

Марк.

— Я не понимаю, — Ева неожиданно вернулась в реальность, ощущая, как грудь неприятно сдавило. Она сжала ладонь так сильно, что почувствовала под пальцами биение пульса, — зачем Мария отправила нас сюда?

Марго озадаченно посмотрела на нее и покрутила в пальцах влажное полотенце.

— Я не уверена, — призналась она, — мама сказала, что боится. На твоём обряде что-то пошло не так, и ей пришлось спрятать нас здесь, — Вестница сделала небольшую паузу, чтобы обдумать свои слова, — это все, что я знаю.

— Один раз Мария делала то же самое, — Филипп, до этого просто наблюдавший за происходящим, вступил в разговор, чем привлек внимание Евы.

— О чем ты? — она покачала головой и посмотрела на Алису, но та стояла к ней спиной, делая вид, что не слушает.

— Выйдем в коридор?

— Ладно.

Филипп скрестил руки на груди и серьезно посмотрел на девушку. Из кухни доносились голоса, поэтому он говорил тихо.

— По слухам, однажды Мария уже скрывала Вестников в этом доме по причине того, что чуть не погубила целый круг. Над новой избранной провели обряд восшествия, и сразу после этого она подожгла дом, в котором все собрались. Никто не пострадал, но Геката едва не стерла их с лица земли, чтобы сохранить тайну, поэтому Принцесса скрыла членов круга здесь, пока жители того города не забыли обо всем.

— Богиня оставила их в живых?

— Я не знаю, — Филипп вздохнул и отвел взгляд, — опять же, это всего лишь слухи.

— Но я ничего подобного не совершала... — Ева опустила глаза и сделала вид, что рассматривает деревянный пол.

— Я понятия не имею, зачем на самом деле Мария спрятала нас здесь, но она отправила Марка в Скандинавию к Детям Севера за их голосом. Вестники в том круге — единственные способны общаться с Богиней помимо самих Принцессы и Принца. Говорят, это было даровано им лично, — он пожал плечами и облокотился спиной к стене, стуча зубами и размышляя над собственными словами.

— Мы могли бы попросить Принца помочь, — заключила девушка и подняла настороженный взгляд на дядю.

— Арон не появлялся на континенте уже несколько лет, никто не знает, где он, а на то, чтобы его искать, не было времени.

— К чему такая срочность, если ничего не произошло?

— Насколько я понял, Мария не знает, что случилось с тобой в ночь обряда, но утверждает, что «что-то пошло не так». В итоге она посчитала, что лучше переждать бурю здесь, чем пострадать там.

— Геката не хотела, чтобы я становилось Вестницей...? — предположила Евы, от чего у нее перехватило дыхание.

Филипп обнял ее за плечи и погладил по волосам, целуя в макушку. Он был непривычно горячим, от чего по коже пробежали мурашки.

— Как бы там ни было, здесь мы в безопасности.

— Но Принцессе совсем нехорошо, кто будет следить за всем? — она покачала головой и уткнулась в плечо мужчине.

— Есть одна рыжая чертовка, в которой я даже не сомневаюсь, — Вестник усмехнулся, прижимая племянницу крепче к себе.

— Алиса?

— Именно она.

Ева искренне засмеялась и прикрыла глаза, чувствуя под своей щекой размеренное сердцебиение. Оно успокаивало, позволяло расслабиться и забыть на время обо всем — об этом холодном, пугающем своими масштабами доме с его множеством бесконечных коридоров и извилистых лестниц, утопающих в черной бездне, о зародившемся тягостном

чувстве внутри своего вновь ожившего сердца, о боли в своей душе.

Она чувствовала, как все меньше может сопротивляться влечению темной Богини, зову невидимых голосов, неугасающих и медленно поглощающих ее рассудок. Руки крепче сжали края его футболки, в то время как мысли блуждали в темной чаше воспоминаний, которые никогда ей не принадлежали. Леса, подобные тем, которые, как казалось, она видела раньше, но не могла понять, когда именно, мгновения, что словно напоминали о том, как долга вечность.

Дикий порыв ветра заставил Еву сжаться и сделать глубокий вдох свежего воздуха, чтобы избавиться от наваждения. Зов культа растворился в тишине.

— Я вижу их всех.

— Кого?

— Ушедших Вестников. Тех, кто когда-то был здесь, так же, как и мы сейчас.

Филипп ничего не отвечал, но девушка чувствовала беспокойство, отразившееся на его напряженных мышцах. По коже будто пробежало электричество.

— Ты видишь их?

— Их воспоминания, как свои собственные, но размытые, неясные, слышу их тихое пение и голоса.

— Такое случалось раньше? — мужчина немного отстранился от нее и сузил глаза.

— Да, когда я была в Вильнюсе, после чего мама и отправила меня к тебе, — Ева облизнула губы, — у тебя дома они звучали громче, а чем ближе я была к кругу — тем отчетливее видела луну перед своими глазами и незнакомых мне Вестников, совершающих ритуалы снова и снова.

Она видела, как играли мышцы на его лице, заметная обеспокоенность сменилась задумчивостью.

— Я знаю, что возле кругов новые избранные чувствуют особенную связь с Гекатой, но не думал, что в этом месте влияние будет столь же сильным.

Вестница не знала, что сказать. Мучительная тоска зародилась у нее в груди, и пусть видение прошло, в теле оставалась незажившая рана от острого ощущения внутри себя всех тех жизней, которыми она никогда не жила.

Ева

Отдаленные раскаты грома за окном заставляли вжиматься в постель, укутываясь в одеяло с головой. Эта ночь была еще холоднее, чем обычно. Спальня наполнилась гулом от сильного ветра на улице, пугая даже сильнее грозы.

Ева осторожно села на краю кровати, протерла глаза и зажгла лампочку, чтобы найти в шкафу полотенце и теплую одежду. Он был забит ее вещами, что вызвало у девушки искреннее удивление.

Она взяла все необходимое и направилась в ванную, в надежде, что вода поможет согреться и расслабиться. В коридоре было так темно, что приходилось касаться кончиками пальцев шершавых обоев, дабы не сбиться с пути. Ева замечала, как быстро угасал день в этом несуществующем мире, какими долгими были вечера, сумерки тянулись вместе с густыми облаками на небе, а ночи казались бесконечными.

Этот дом был действительно очень старым, его архитектура напоминала ирландские маноры XVI века — масштабное каменное строение с большими окнами, длинными широкими коридорами и тесными, извечно продуваемыми комнатами. Весь интерьер здания был выполнен в синих, голубых и древесных тонах. Каменные своды и стены контрастировали с мягкой, обшитой кожей и бархатом мебелью, неброских оттенков в спальнях и кабинетах, и глубоких темных тонов в библиотеке и зале-гостиной.

Шум горячей воды заглушил посторонние звуки. Вестница опустилась в нее и почувствовала, как по коже распространяется приятное тепло, сопровождающееся легким покалыванием. Она прикрыла глаза, стараясь ни о чем не думать, но невольно вспомнила свой последний день пребывания в Вильнюсе.

Ева отогнала от себя эти мысли, провела ладонью по предплечью, покрытому мурашками, и заметила, что по ее плечам и груди с кончиков волос стекает бронзового цвета вода. Девушка дотронулась до одной пряди, внимательно рассмотрела ту и поняла, что к ней медленно возвращается натуральный цвет, а рыжий просто смывается, словно дешевая краска.

Вестница вылезла, оделась, укутав волосы в полотенце, и спустилась на первый этаж, в гостиную. Марию отнесли в отдельную спальню, в комнате сейчас находилась только Марго, которая искала какие-то книги на пыльном стеллаже, заполненным помимо литературы еще множеством пустых склянок.

— Привет, — Ева подошла к дивану и присела, глядя на девушку.

Марго обернулась и слабо улыбнулась.

— Здравствуй, — она продолжала рассматривать обложку за обложкой, пока наконец не нашла, по всей видимости, нужную, — почему не спишь?

— Не могу уснуть во время грозы. А ты?

— Ищу кое-что для мамы.

— Можно задать тебе один вопрос? — Ева сложила ноги на диван, рядом с собой, и укрылась пледом.

— Конечно, — Марго подошла к девушке и присела рядом.

— Почему ты попала именно в этот круг?

— То есть?

— Ты ведь дочь Принцессы — могла быть где угодно.

— Это было решение Богини. Она сказала, что мне нужно быть с Вестниками именно этого круга.

Ева кивнула, на мгновение задумавшись.

— Как там Мария?

Марго сжала в ладонях толстую книгу и покачала головой.

— Плохо. То, что она прячет нас всех здесь, сильно истощает ее.

— Мне жаль, — девушка опустила взгляд в пол.

— Это не твоя вина.

— Моя.

— Нет, Ева, не твоя. И скоро все вернется в прежнее русло.

— Мне не нравится это место.

— Не зря, — Марго усмехнулась и хотела добавить что-то еще, но замолчала, вставая с дивана, — прости, мне пора идти.

— Конечно, — Ева кивнула и, как только закрылась дверь, полноценно расположилась на диване.

Вестница лежала на спине с открытыми глазами, размышляя. Гроза стихла, но сон все равно не шел. Комната впитала в себя запахи старинных книг, привлекая внимание девушки. Она встала и направилась к стеллажам.

Ночью здесь, как и в доме Филиппа, разрасталось гнетущее ощущение, будто рядом все время блуждали незримые тени. Их присутствие было почти незаметным, но заставляло конечности подрагивать.

Ева старалась отвлечь себя, стоя возле стеллажа с книгами и внимательно рассматривая каждую, к которой прикасалась Марго. Взяв одну из них в руки, девушка вдохнула аромат старой бумаги и красок, что смешались с мыслями ушедшего автора и давно забытых чувств его героев. Читать подобное — все равно что ощущать внутри себя присутствие давно усопших писателей.

Название было едва видно из-за пыли и потертостей, но, заглянув внутрь, она обнаружила сборник стихов. Между некоторых страниц, вместо закладок, аккуратно располагались сухие цветы и пожелтевшие листья. Спустя несколько лет, а может, и десятилетий, том превратился в небольшой гербарий.

Мокрое полотенце сушилось возле камина, в то время как его хозяйка, удобно расположившись в кресле, начала читать.

Я принадлежу своим стихам. Они — мои мысли, мои чувства. И пусть наши тела тленны, моя душа останется бессмертной, ведь ты, мой дорогой читатель, прикоснулся к ней, едва осязаемой тени, когда-то являющейся человеком, и возродил навечно печальных призраков всех тех дней, что мне удалось воззреть.

Каждое слово, произнесенное Евой в пустоту, сопровождалось ударом дождя по стеклу, словно вслед за ее тихим голосом природа исполняла свою мелодию, столь же мягкую, но неповторимую.

Несколько страниц оказались нечитаемыми из-за влаги, девушка пропустила их, и открыла стихотворение, напечатанное где-то в середине. Рядом с ним вместо закладки лежала засушенная яблоневая ветка. Она начала читать его вслух, пробуя на вкус каждое слово.

«В пылающем огне»

Старинный дом съедает пламя,

Его терзает дух огня

И гаснут в нем воспоминанья

— И вместе с ними таю я.

Ева вздрогнула от неожиданности и подняла взгляд.

Георг бесшумно вошел в комнату и опустился в соседнее кресло. Он казался безэмоциональным и больше ничего не говорил. Она повернула голову к камину, где мирно потрескивали обуглившиеся поленья, но почти сразу же снова посмотрела на мужчину. Впервые со дня их знакомства у нее появился шанс внимательнее рассмотреть его внешность.

Пусть выбившиеся пряди отросших волос и закрывали часть его лица, спадая до кончиков ушей, а свет от огня не был достаточно ярким, невозможно было не обратить внимание на выразительные карие глаза, контрастирующие с тонкими губами и прямым, «греческим» носом.

Заметив на себе изучающий взгляд, Вестник улыбнулся, чем вызвал на девичьих щеках легкий, но все же заметный румянец.

— Я хочу, чтобы самые сильные чувства прожигали ваши сердца, — продолжил он, и Ева вновь посмотрела в книгу, встречая в самом конце страницы примечание.

Я хочу, чтобы самые сильные чувства прожигали ваши сердца, ведь подобные раны единственные, благодаря которым мы способны оставаться живыми.

— Ты знаешь это стихотворение?

— Лучше, чем кто-либо другой.

— Кто автор? — она повернула к себе обложку, на которой когда-то можно было прочесть имя поэта и название сборника, но сейчас все это необратимо исчезло.

— Я.

Девушка сделала шумный вдох, вместе с воздухом пропуская в легкие аромат горящих досок. Жар на мгновение окутал ее тело, а время будто остановилось, не давая возможности осознать происходящее.

Георг выглядел непривычно серьезным. Он откинулся на спинку кресла и подложил руку под голову, позволяя рассмотреть необычную нашивку на рукаве его черной водолазки в виде розы ветров.

— Ты пошутил? — это было бы на него похоже, но вместо ответа мужчина лишь покачал головой.

— Это мой первый и последний изданный сборник.

— Но, — Ева запнулась, подбирая нужные слова, — откуда он здесь, в Доме Луны?

Вестник улыбнулся, явно удовлетворенный заданным вопросом. Возникло ощущение, что он изучал ее, но в то же время оставался абсолютно спокойным.

— Я напечатал его еще тогда, когда не был служителем, и теперь везде беру с собой. Как видишь, книга уже едва не протерлась до дыр, пару раз я разливал на нее чай, но от этого она не потеряла свою значимость для меня.

— Звучит одновременно прекрасно и немного трагично, — девушка провела ладонью по корешку, где кое-где виднелось остатки золотого тиснения.

— Почему? — Георг приподнял одну бровь и свободной рукой смахнул с лица непослушные пряди.

— Ты больше не можешь издаваться, — пояснила Ева, — ведь так?

Его губы вновь дрогнули в полуулыбке, но уже не столь правдоподобной. Глаза отражали пламя камина и легкую, порой совсем незаметную горечь, которую мужчина умело маскировал каждый раз, когда общался с кем-либо.

— Жизнь кажется проще, когда ничего не делаешь, но иногда становится невыносимо просто стоять на месте и притворяться, что тебя не существует. По правде говоря, — Георг взмахнул рукой, — я уже смирился с невозможностью писать стихи, поэтому вожу с собой эту единственную книжку как напоминание о том, что мне когда-то приносило удовольствие.

Она оставалась неподвижной, внимательно слушая собеседника и изредка поднимая глаза на часы, стрелки которых медленно тянулись к трем. Дождь за окном не стихал, порой только сильнее стучал по стеклам, напоминая бодрствующим о позднем часе.

— Ты писал прекрасные стихи.

— И я не жалею, что стал Вестником, — словно пожалев о своих словах, он подался вперед, протягивая Еве ладонь, — я рад, что у меня появился шанс прожить несколько жизней за одну.

— Тебе не нужно оправдываться, — девушка взяла его холодное запястье, — здесь каждый мог стать кем-то другим.

— А тебе не нужно меня утешать, — усмехнулся Георг, — я не смог бы стать известным поэтом, даже будучи обычным человеком. У моей семьи не было денег дать мне стоящее образование, я рос среди четырех братьев, будучи самым младшим. У нас на всех было три комнаты и огромное хозяйство, после ухода за которым не оставалось сил даже нагреть воды для того, чтобы умыться. Я писал эти стихи, пока сидел на пастбище с козами, примерно раз в неделю, на протяжении десяти лет, пока богиня не избрала меня для служения. Перед этим я за собственные деньги напечатал экземпляр, который ты сейчас держишь в руках.

Ева опустила взгляд на книгу и убрала руку, вновь касаясь ее ветхих страниц.

— Твоя семья считает, что ты умер?

— Для них я пропал без вести. Круг появился в моей жизни внезапно, и я добровольно стал Вестником, согласился, сам не зная на что, считая, что у меня был выбор. Мне это казалось шансом, выпадающим раз в жизни, возможностью все изменить. Я был увлечен изучением обрядов, внутреннего устройства культа, даже несмотря на то, что некоторые ритуалы отпечатались на сознании и до сих пор мелькают у меня в кошмарах. Но, знаешь, как это часто бывает, — все идет не так, как мы хотим. Я уже давно не разделяю взглядов Вестников и кругов, но пути назад нет.

Он замолчал и отстранился, нервно ведя плечом. Видимо, Георг сказал больше, чем изначально планировал. Немного поразмыслив, он потянулся к карману брюк.

— Я хочу дать тебе кое-что.

Ева с интересом проследила за тем, как он достал оттуда полупрозрачный камешек и протянул ей.

— Что это? — она повертела в руках необработанный минерал.

— Розовый кварц, — пояснил мужчина, — Марк просил передать его тебе.

— Спасибо, — девушка улыбнулась, ощущая под пальцами холод кристалла, — почему ты не спал?

— Меня мучает бессонница с тех пор, как мы прибыли в этот странный дом.

Вестница понимающе кивнула и опустила глаза, чтобы лучше рассмотреть подарок.

— Проводить тебя до спальни?

— Я, — она замаялась, — я планировала ночевать сегодня здесь.

— Тебя рано разбудят шумы на кухне.

— Ничего, — заверила Ева.

Георг лишь кивнул и спустя какое-то время скрылся за дверью.

Глава 30

Алиса

Алиса вошла на кухню, и в нос сразу же ударил аромат свежего осеннего воздуха, сочащегося из окна, вперемешку с дымом.

— Что здесь случилось? — она приподняла одну бровь, остановившись в дверном проеме и встретившись лицом к лицу с Веттой, что до этого крутилась вокруг печки.

— Поверить не могу, — девушка раздраженно вздохнула и отвернулась, — я совершенно не могу вспомнить, как варить все это.

— Кое-кто чуть не устроил пожар, пытаясь приготовить кукурузную кашу, — Филипп демонстративно покашлял от едкого запаха, распространившегося по комнате.

— Серьезно? — Алиса скрестила руки на груди и подошла к кастрюле, содержимое которой было безнадежно испорчено, — у нас не бесконечный запас крупы здесь.

Ветта отошла к стене, игнорируя ее слова. Морозный ветер царапал кожу щек, но девушка распахнула оконные ставни, окончательно лишая кухню оставшихся крупиц тепла.

— Иначе здесь можно задохнуться, — убедила она сама себя и вернулась к плите.

Алиса сильнее закуталась в ранее просто брошенный на плечи плед, пряча в нем нос и кисти рук. Сзади послышался глухой кашель, сопровождающийся тяжелыми шагами. Феликс, в зубах которого была зажата трубка, с интересом осматривал собравшихся.

— Что произошло?

— Мы пытаемся что-нибудь приготовить, — Ветта разочарованно показала предыдущую попытку.

— Может быть, рис получится сварить удачнее? — предложение Алисы явно пришлось Вестнице по душе, ее лицо на мгновение озарила улыбка.

— Ты умеешь?

Девушка неоднозначно усмехнулась.

— Раньше я всегда пользовалась одним рецептом — найти того, кто умеет готовить и попросить его.

— Гениально, — Филипп хрипло рассмеялся, от дрожи в его голосе Алиса стала чувствовать холод еще ярче.

— Я думаю, мы разберемся, — фыркнула Ветта и легонько толкнула мужчину в сторону выхода.

— Даже не сомневаюсь в вас, — Вестник кивнул им и, сдавшись, вышел.

Дни постепенно сменялись неделями. Время текло неторопливо, словно желая растянуть пребывание Вестников в этом странном, пропитанном необъяснимой атмосферой доме.

Длительное нахождение в Доме Луны начало настораживать Алису, в груди зародилось всепоглощающее чувство волнения. С наступлением каждого нового утра она все меньше понимала, для чего они здесь находятся и как долго еще будут находиться.

Мария все реже выходила из своей комнаты, пока вовсе не перестала. Дочь ухаживала за ней, и каждый раз в ответ на вопрос — когда они смогут вернуться обратно, говорила только

одно: «Принцессе не становится лучше».

Тревога неторопливо, но заметно поглощала здание — каждая трещина в стене казалась свежей, краски на картинах, созданных в далеком прошлом, местами стирались. Дом словно впитывал особенно острые эмоции своих жителей, они оседали на нем в виде шероховатостей, надломов, что скапливались как ценные воспоминания. Казалось, если соберется еще немного, он обратится в руины.

Алиса привыкла чувствовать холод. Касаясь кончиками пальцев своего тела, осознавать, что оно напоминает ей промерзшую реку, недвижимую, застывшую во время бесконечной зимы. Внутри нее никогда не было места для тепла, что теперь, в этом искусственном мире, заполнило ее. Руки, прижатые к размеренно бьющемуся в груди сердцу, источали жар. Это пугало и восхищало одновременно.

Было нечто трогательное в том, что Дом Луны пробудил всех служителей, даруя им возможность по-настоящему существовать, но не получалось избавиться от потаенного ощущения страха перед собственной беспомощностью в таком положении.

Ноющая боль пронизывала виски девушки, не позволяя ей полноценно мыслить. Она спустилась на первый этаж, попутно поправляя ворот свитера и ладонью расчесывая волосы. От прохлады по коже бегали мурашки, запястья слегка сводило, но Алиса не обращала на это внимания.

Она замерла посередине длинного коридора, внимательно вглядываясь в портрет, висевший среди множества иных. Бесстрастное мужское лицо практически не выделялось на фоне остальных безликих картин. Замыленный, полустертый пейзаж позади словно специально казался незначительным, выделяя черты человека, изображенного в центре.

Половину его лица закрывала тень, но можно было рассмотреть светло-карие глаза, направленные куда-то в сторону, тяжелый подбородок, густые брови, того же цвета, что и слегка растрепанные, коротко стриженные волосы.

Она прислонила руку к полотну, нежно коснулась мазков в месте, где художник изобразил старомодный, по нынешним меркам, твидовый пиджак, и провела по нему подушечкой пальца, после чего вновь подняла глаза. Холодное безразличие на застывшем лице пробуждало в Алисе чувство глубокой тоски и одиночества.

Воздух, что медленно проникал в организм, был едким и пропитанным краской и, казалось, отравлял девушку, но она продолжала вдыхать его, приближаясь к портрету все ближе, пока не коснулась лбом.

Сквозь полуоткрытые веки она увидела, как кто-то приблизился к ней, опустив руку на плечо. Крепкие пальцы сжали кожу под одеждой, а исходящий от чужого тела жар согревал ее. Алиса мягко отстранилась от стены и внимательно посмотрела на стоящего рядом Филиппа, но в то же время сквозь него.

— Это он изображен на картине, — Вестница вновь дотронулась до полотна, изучая каждую шероховатость, и закрыла глаза.

— Кто изображен? — мужчина отошел на пару шагов, чтобы лучше рассмотреть рисунок.

— Яр. Я оставила его, — ее рука дрогнула, а слова давались с трудом, — очень давно, бросила на холодном зимнем ветру и отдалась тьме.

— Алиса, о чем ты говоришь? — Филипп повернул девушку к себе.

— В том мире, — тело забило мелкой дрожью, но она продолжала говорить, — в том мире нет для нас места. Яр жил в Белостоке⁸, мы были земляками, и это все, что нас

связывало. Мы познакомились в какой-то кофейне, банально просто завели разговор, он говорил о своих любимых книгах, а я... а я ненавижу читать.

Алиса покачала головой, не замечая, как тяжелые ладони вновь легли на руки девушки. Он старался не перебивать ее, но и не позволял полностью погрузиться в воспоминания, потерять связь с реальностью.

— Я и не думала, что все закрутится так быстро. Он не отходил от меня ни на шаг в течение года. Я ни на секунду не задумывалась о том, чтобы ценить это время, пока у меня его не осталось. Мы хотели отметить ту дату по-особенному, потому устроили романтический вечер. Было так хорошо, что я боялась, как бы не стало очень плохо.

— Я не думаю...

— Нет. Ты ведь знаешь, что люди разбиваются вдребезги каждый раз после того, как искренне наслаждаются жизнью? Мне пришлось заплатить за мое человеческое счастье этим, — Алиса посмотрела на свое дрожащее тело и замерла, — один год взамен на век заточения.

— Алиса, — голос Филиппа стал тверже прежнего, но девушка продолжала говорить, будто не слыша его.

— Я закопала эти воспоминания глубоко в своем сердце, но теперь они снова рвут меня на куски. В последний раз я видела его той ночью, перед тем как мне пришлось уехать. А потом... потом меня забрала Луна. Я была вынуждена покинуть его, но я никогда, никогда бы не сделала этого добровольно. Я не могла оставить Яра там, я обещала ему, что вернусь, что наши чертовы кости будут лежать рядом друг с другом, погребенные во влажную землю кладбища.

Она бы опустилась на пол, если бы руки мужчины не удержали ее. Его хватка казалась грубой, Вестник прижал Алису к своей груди, не давая упасть.

— Геката заковала нас в вечные льды, но прежде, Филипп, заставила истечь кровью, пока внутри не осталось ничего, кроме всепоглощающего холода. Я так привыкла чувствовать его, что, мне кажется, не могу уже ощущать себя живой.

— Я любила его, Филипп, — тихо произнесла девушка спустя минуту молчания, пустым взглядом смотря в глубину темного коридора.

Мужчина ничего не ответил, но она почувствовала, как пальцы коснулись спутанных волос.

— На наши плечи обрушилась война. Я должна была уехать из Польши в Литву, на время, а он, если бы смог избежать службы, отправился бы за мной. Но он не смог, а когда его отпустили, я уже была повязана с Гекатой.

Филипп оставался недвижимым, оставляя лишь невесомые поглаживания на волосах девушки, стараясь не причинить ей еще больше боли.

— Я видела, как он умирал. Его убили через год после того, как он пытался и не смог меня найти. Он ушел слишком рано, я знаю, что не виновата, но я сломала его. Он думал, что я умерла, думал, что потерял меня, а я не могла подать ему никакого знака, — она сделала паузу, едва сдерживая накатившие эмоции, и старалась говорить тихо, — я была в месте, где его похоронили. Тот Яр, к которому я отчаянно жаждала вернуться, погрузился в забвение, рассыпавшись в прах.

Слова, исходящие из ее же уст, расплосовали едва зажившие шрамы, выворачивали наизнанку душу, внутри которой тщательно прятались все переживания, мечты и страдания. Зашитая некогда рана в груди вновь болезненно кровоточила, окутывая сознание мглой.

— Он знал, что я любила розы. Они росли возле его могилы, целый куст темно-алых цветов. Я должна была быть там, рядом с ним на кладбище, я обещала ему, — она сделала паузу и подняла глаза на картину, — почему он здесь?

— Алиса, — Филипп напрягся, она заметила это, но не пошевелилась, — я не думаю, что это правда он.

— Что?

— Это не он, — девушка постаралась выбраться из хватки, но он только крепче сжал руки вокруг ее плеч.

— Мне больно, — Алиса оттолкнула его и прислонилась спиной к стене, — что ты такое говоришь?

— На этой картине не... Яр, — мужчине едва удавалось оставаться спокойным, он сжал кулаки, выдавая внутренние эмоции.

— Не говори со мной как с полоумной.

Конечности слегка трясло, Вестница убрала руки за спину, вновь оглядев портрет и подавляя в себе желание сжечь его. Она присмотрелась к изгибам скул, старательно прорисованным кончикам волос, освещенной половине лица, на которой виднелась легкая щетина. Мужчина смотрел вдаль, явно не стараясь что-либо разглядеть, но задумчиво и отстраненно.

Это был не он.

— Этот дом... — Алиса отошла на несколько шагов и осмотрелась. Длинный пустой коридор был заполнен людьми на стенах в покрытых толстым слоем пыли рамах, забытых, а, возможно, вовсе никогда и не существовавших.

— Он пугает меня.

Ноющая, нестерпимая боль в груди понемногу утихала, выдвигая на первый план непреодолимую усталость. Девушке хотелось лечь прямо там, где она стояла, закрыть глаза и ни о чем больше не думать. Филипп потянул ее на себя и снова заключил в объятия.

Это больше не было попыткой утешения — его плечо, в которое она уткнулась, и руки, накрывающие тело, — он ощущался как тот, кто позволял ей быть собой. Не той раздражительной, высокомерной, немного грубой Алисой Мазур, а женщиной, испытывающей боль, что спрятана глубоко внутри, но изредка прорывается и затапливает собой весь организм.

Тепло, исходящее от него, волнами растекалось под кожей, согревая. Она подавила в себе желание закричать, разрушить окружающую их тишину, вместо этого только произнесла:

— Мне кажется, рассказав тебе это все, я потеряла очень важную часть себя, — голос дрожал, но уже не так заметно.

— А я думаю, что ты ее обрела.

Ева

Просторная столовая наполнилась ароматами приготовленной еды, свежих фруктов и пьянящих напитков. На длинном деревянном столе в центре комнаты стояли разнообразные блюда из круп и овощей, нарезанные дольками яблоки и лимоны, а также алкоголь.

Безликие тени Вестников, рожденные множеством напольных светильников, плавно двигались вслед за своими хозяевами, а голоса эхом отражались от высоких стен. Ханна аккуратно расставляла посуду, вслух рассуждая о лучшей сервировке.

Она была на голову ниже своих сестер, ровно, как и остальных членов круга, и немного полнее. Высокая прическа выделяла мягкие черты ее лица, а темная, свободная одежда заметно контрастировала со светлой кожей. Девушка вела себя привычно спокойно, пока общалась со Златой и Веттой, что стояли рядом и подавали ей приборы. Они казались ее точной копией, за исключением роста и цвета глаз.

Рука Евы потянулась к спинке кресла, на котором сидела Ярлина, тем самым привлекая внимание Вестницы.

— Рада, что мы решили устроить этот вечер? — спросила она, покручивая в руке красное яблоко.

— Я счастлива, что все согласились. Даже Марго обещала оставить на время Марию и прийти к нам, — Ева расслабленно вздохнула и оглядела собравшихся.

Владимир находился недалеко от них и смотрел в окно, но, стоило ему заметить на себе изучающий взгляд, ушел в другой конец комнаты.

— Почему Владимир никогда не разговаривает? — девушка приблизилась к Ярлине почти вплотную, чтобы никто другой не мог ее услышать, и почувствовала сладкий запах глинтвейна.

— Он обречен на вечное молчание. Геката лишила его возможности говорить, — ее взгляд, направленный куда-то в стену, потемнел, — Они с Георгом в один день прибыли к нам из другого круга, мы не много о них знаем, понятия не имеем, как долго они служат и почему появились именно в ИгнаLINE.

— Не думаю, что он стал немым просто так... — Ева провела рукой по своей одежде, остро ощущая исходящее от собеседницы напряжение.

— Здесь у каждого есть свои тайны, — Ярлина поднялась со своего места и, проведив Вестницу многозначительным взглядом, вышла в центр.

— Спасибо, что поддержали идею провести совместный ужин, я очень надеюсь, что мы сможем хотя бы на время отвлечься от своих проблем и просто насладиться вкусной едой, раз уж нам выпала такая возможность.

Свечи задрожали, стоило служителям подойти к столу и не успокоились даже тогда, когда все сели. Тени словно жили своей жизнью — приближались друг к другу, двигаясь в своеобразном, нелепом танце, смешивались между собой и все в один момент растворились, стоило двери распахнуться. Комната погрузилась во мрак, заполнившись легким дымом погаснувших фитилей.

Марго, вошедшая в столовую, привлекла внимание собравшихся. Она сжала кончиками пальцев рукав длинного вязаного платья, и кивнула всем, прежде чем опуститься на свободный стул.

— Я все еще не считаю, что проводить этот вечер было хорошей затеей, — слова непривычным эхом отражались от стен, когда девушка обратилась с сидящей напротив Ярлине.

Она выдержала недолгую паузу, прежде чем ответить, и глубоко вздохнула.

— Твое право. Мы ждем, когда уже хоть что-нибудь произойдет, и устали просто сидеть без дела и цели.

— Мы не понимаем, зачем находимся здесь, — Ева тихо вступила в разговор, чем привлекла внимание сидящего неподалеку Георга. До этого он пребывал в собственных раздумьях, но теперь с интересом вслушивался в разговор.

— Я не могу дать вам ответ, — Марго старалась говорить ровно.

— Это из-за Евы? — Злата облокотилась на спинку стула и стала накручивать на палец локон волос, наблюдая за реакцией Вестницы.

— Что? — Ева раскрыла рот и изумленно посмотрела на нее, — причем здесь я?

— Мария говорила нам, что на твоём обряде что-то пошло не так.

— Эту информацию передала вам я, — голос Марго стал громче и задрожал, — я не хочу, чтобы вы продолжали говорить об этом. Нам просто нужно подождать немного, пока Марк не свяжется с Детьми Севера.

— Мы уже достаточно ждали, — Ханна попыталась встать со своего места, но остановилась, когда в столовую вошли Филипп с Алисой.

Девушка выглядела бледной и, опустившись рядом с Евой, поймала ее встревоженный взгляд.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила она шепотом.

Алиса посмотрела на нее с долей непонимания и растерянности.

— Что?

— У тебя жар, — пояснила Ева, прикоснувшись тыльной стороной ладони к ее горячему лбу, — ты заболела?

Она отмахнулась, отворачиваясь от девушки.

— Вообще нет. Я в порядке.

Ева покачала головой, но спорить не стала. Вместо этого она заметила Марго, на лице которой застыла необъяснимая сухая горечь. Ее глаза блуждали по коже Алисы, словно прожигали насквозь, а руки задрожали от загоревшегося внутри пожара.

— Забери их, пожалуйста, — своими словами Алиса вывела Вестников из задумчивого состояния, хоть никто по-прежнему ничего не говорил. Она протянула пачку сигарет Филиппу, который кивнул и сунул их в карман, — не хочу пользоваться ими, когда мое тело способно от этого пострадать.

Марго с громким скрипом отодвинула от себя стул и вышла из комнаты. Дверь с силой ударилась о стену и осталась открытой, позволяя наблюдать, как ее тень скрылась среди коридоров. Филипп поднялся и двинулся за ней, сопровождаемый удивленными взглядами застывших на своих местах служителей.

Алиса мучительно усмехнулась.

Марго

Она блуждала в темноте, не видя дороги перед собой. Слезы текли по щекам неконтролируемым потоком, впитываясь в ворот платья. Ноги не разбирали пути, цепляясь за множество пыльных ковров, а плечи ударялись об острые углы стен. Быстрый шаг вскоре сменился скитанием по бесконечным коридорам, тонущим в ночной тиши.

Внутри нее бушевали ветра, уши закладывало, а внезапная печаль становилось все более ощутимой, заполняя разум.

Она зашла в одну из комнат, и ей показалось, что кто-то позвал ее. Замочная скважина щелкнула за спиной, перед глазами потемнело, когда чьи-то руки схватили девушку за плечи и прижали к холодной стене.

— Отдышись, — тихий голос Филиппа растекся под кожей, Марго не пошевелилась и отвела взгляд в сторону.

От головокружения к горлу подступила тошнота, с которой едва удавалось справиться.

— Я хочу пить, — она не слышала собственного шепота за гулом пульсирующих внутри вен, но все же пыталась говорить.

Мужчина отошел от нее и взял с тумбочки кувшин. Наполнив водой стоящий рядом стакан, протянул Марго. Она коснулась его руки, ощутив непривычную волну жара, и отдернула ладонь.

Стекло легко и быстро коснулось пола между ними, рассыпаясь на миллионы крупниц. Филипп не пошевелился, он неустанно смотрел в ее глаза, старался уловить каждую мелькающую в них мысль, заметить тот короткий момент, когда она посмотрит на него в ответ.

Он осторожно провел пальцем по влажной щеке, собрал соленые слезы и коснулся их губами. Марго повернула голову, сквозь приоткрытые губы вырвались едва уловимые слова.

— Что вы делали вместе с Алисой?

— Разговаривали, — Мужчина напрягся и облокотился на стену позади девушки, отчего по коже побежали мурашки.

— О чем?

— Я не могу сказать.

— Почему? — она взглянула на него уже внимательнее, мысли перестали заполнять все свободное пространство, звуки дождя за окном врезались в сознание вместе с уколами холодного воздуха, от которого ее спасало крепкое тело, наклонившееся над ней.

— Это личное и касается не только меня.

Марго молчала, прислонившись к стене. Она не пыталась сбежать или отстраниться, вместо этого продолжала смотреть на Филиппа. Глаза болели от слез, а щеки едва уловимо жгло от холода, но все эти ощущения блекли за пеленой неугасающей досады.

— У вас с ней что-то было? — наконец, произнесла девушка.

— Нет, — его глаза потемнели, глядя на нее.

Грубой хваткой он притянул ее к себе, сжал запястья, заводя их на назад и поворачивая Марго спиной. Темнота поглотила ее, треск стекла под ногами слился с горячим дыханием Вестника, что склонялся над ней.

Он прожигал ее насквозь загоревшимся внутри огнем, она чувствовала исходящий от него жар. Выверенные, сильные пальцы касались шеи, изучая каждую пульсирующую жилку, в то время как воздух вокруг оставался таким же холодным.

Филипп возвышался над ней, словно многовековой дуб, закрывающий своими ветвями беззвездное небо. Всепоглощающий, он пробуждал внутри нее неотвратимую страсть, врезался в ладони жесткими касаниями, вместе с тем свободной рукой изучал покрытую мурашками кожу плеч.

Мужчина блуждал пальцами по краю платья до тех пор, пока девушка не услышала звон ударяющихся одеревянный пол пуговиц. Прикосновения обжигающих рук прекратились в

одно мгновение, ткань плавно спустилась к ее ногам. Марго ощутила на коже пронзительный холод, словно стая ветров в один момент набросилась на тело, что превратилось в единую болевую точку, не имеющую ни начала, ни конца.

Марго

Пряди золотых волос, прежде убранных в прическу, беспорядочно прилипли к влажной, дрожащей спине. Девушка затаила дыхание и замерла, чувствуя на себе внимательный взгляд. Ей нестерпимо хотелось, чтобы он вновь коснулся ее кожи, окутал горячим дыханием, но вместо этого мужчина молча смотрел на нее, и этот момент, казалось, длился вечно.

— Скажи мне, что происходит в этом чертовом доме?

Сердце бешено колотилось, разрывая грудь изнутри, узоры на обоях поплыли перед глазами, стоило Марго провести по ним пальцами. Она покачала головой, поджав губы, и развернулась к Филиппу лицом. Колющее желание пронзало ее, глаза горели от жажды, в одно мгновение она оказалась в его объятиях, вновь скованная между мужским телом и твердой стеной, что больше не приносила дискомфорта, врезаясь в точеные лопатки.

Его огонь забирался под кожу вместе с пальцами, сжимающими острые изгибы бедер и нашедшими пристанище на мягкой, тяжело вздымающейся груди. Он топил ее в обжигающем поцелуе вкуса пьянящего виски и кипящей крови, а она забывала о необходимости дышать, вздрагивая при малейшем движении его рук.

Покрасневшая кожа горела под грубыми пальцами, мужчина изучал каждое слабое место, блуждал взглядом голодного волка, касался зубами тонкой кожи ключиц, упиваясь биением пульса. Его жадные, полудикие прикосновения оставляли следы и выбивали последний воздух из легких.

Она таяла в его руках, подобно снегу, пронизывая саму глубину мужского тела, заполняла каждую клетку, вынуждая избавиться от одежды. Холодный сквозняк гулял между ними, но не был способен остудить раскаленные тела. Филипп спустился ладонью по ярко выраженной лестнице ребер вниз, миновал дрожащий живот и остановился на тех линиях и тайных изгибах, что были подвластны только ему.

Сдавленный стон вырвался из груди, Марго выгнулась, когда мужчина сжал рукой ее волосы, позволяя себе играть с ними, запутывать, вдыхать их запах. Вторая ладонь соскользнула с внутренней части бедра, касаясь пульсирующих губ, ведя по ним с легким нажимом, тем самым позволяя ощутить на языке влажный привкус.

Ее вымученный взгляд встретил его, прежде чем он вновь вовлек девушку в поцелуй и поднял, отрывая от земли. Он обжигал кожу горячим дыханием, что отзывалось жжением внизу живота.

— Ты — мой, — практически неразборчиво прошептала девушка, обвивая замерзшими ногами бедра Филиппа.

Его стальные глаза на время застыли на покрывшихся румянцем участках шеи, руки больно сжали талию, когда он опустил Марго на жесткий матрас. Острый взгляд скользил по ней словно лезвие ножа, проникал в самую суть, прожигая каждую часть тела по отдельности.

Он развел ее колени в стороны и сжал ладонью пылающую кожу бедра, наслаждаясь исходящим от девушки жаром. Пальцы вьедались в нее, вызывая дрожь, свободной рукой мужчина завел ее запястья за голову и вошел одним несдержанным толчком. Короткий скрип разорвал тишину, — он отозвался в пульсирующих висках ударом, смешиваясь с тяжелым дыханием пары.

Его движения были мучительно медленными, тягучими, будто оплавленный воск или же патока, растекающаяся по ногам и проникающая в вены вместе с огнем. Поцелуи впивались в кровь, он сминал ее губы почти яростно, блуждал вдоль скул и груди, оставляя алые следы.

Она едва сдержалась, чтобы не качнуться ему навстречу, но Филипп приковал девушку к кровати под тяжестью своего тела и ускорился, опьяняя Марго окончательно. Каждая крупинка тела — оголенный нерв, к которому мужчина прикасался своим дыханием, ощущения — острые осколки разбившегося стекла.

Внутри все бурлило, сбивалось, мешая сделать желанный глоток воздуха. Вокруг не было ничего — оставались только чувства, обжигающие поцелуи в смешении с ненасытными толчками. Он посмотрел на нее раскаленным взглядом, проливая на кожу ртуть, сжимал запястья, снова и снова пронизывая тело.

Она могла лишь гореть, сходить с ума от бурлящей в венах крови, будто та жаждала вырваться наружу, разесть плоть кипящем огнем и одновременно заставить чувствовать жизнь в каждой клетке тела. Искусанные губы отдавали сладостью, рука Филиппа обвилась вокруг шеи, напоминая о необходимости дышать — снова и снова, — ледяная дрожь от студеного воздуха, пробегающая по позвоночнику, вынуждала еще плотнее прижиматься к раскаленному мужчине.

Он посмотрел на нее взглядом, граничащим с безумием, и выпрямился. Ладонь скользнула по шее вниз, минуя рвано вздымающуюся грудь. Вестник нахмурился, осматривая в полумраке сине-сиреневые созвездия на ребрах, оставленные грубыми пальцами.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но Марго вновь притянула его к себе и поцеловала. Его рука двинулась ниже, распаяя девушку еще сильнее, доводя до иступления, пока мир вокруг не перестал существовать. Тяжелое дыхание с примесью тихих, низких стонов заполнило комнату, Филипп вновь прижался к ней всем телом прежде, чем отстраниться, и снова взглянул ей в глаза.

Выражение ее лица стало еще более измученным, но легкая улыбка окрасила его. Мужчина коснулся бледной кожи щеки, поглаживая подушечками пальцев, прошелся по скуле к губам и остановился. Его долгий взгляд словно искал что-то в глубине серых глаз девушки.

— А ты моя, — хриплый шепот растекся по постели, возвращая к реальности.

Марго коротко кивнула и посмотрела в окно, где темнота постепенно заполняла все пространство, лишая возможности что-то разглядеть. Комната медленно тонула в ночи, приобретая все более непривлекательный вид. Она погладила мятую простынь и глубоко вздохнула, по-прежнему ощущая на губах вкус Филиппа.

— Мне нужно вернуться к Марии, — девушка села на кровати, стараясь унять дрожь в теле и жар, до сих пор поглощающий ее.

Он смотрел на нее какое-то время, после молча поднялся и зажег настольную лампу. Помещение приобрело медовый оттенок, скрывая от неприветливой погоды на улице. Осколки стакана были разбросаны по полу возле двери, а платье, безнадежно испорченное, лежало рядом. Вестница провела руками по своим волосам, осторожно разбирая пряди, когда обратила внимание на заинтересованный взгляд мужчины.

— Белоснежные, — он произнес это тихо, на выдохе, не отрывая глаз от нескольких выбившихся локонов цвета чистого снега.

— Да.

— Давно?

— С тех пор, как мы прибыли сюда, — Марго пожала плечами и, укутавшись в шерстяное одеяло, подошла к окну.

Темное пространство пустовало до самого горизонта, молчаливое, ненастоящее, оно было покрыто густым и вязким туманом, что стекал с неба и накрывал застывшие вдалеке деревья непроглядной холодной вуалью, смешиваясь с беспросветной чернотой.

Она ощутила чье-то присутствие во тьме, едва различимые тени скользили сквозь непроницаемую мглу, то и дело теряясь в ночи, но подбираясь все ближе к Дому. Девушке показалось, что она услышала биение чужого сердца. Филипп мягко коснулся ее плеча, заставляя вздрогнуть.

— Все в порядке?

Марго промолчала и повернулась к мужчине. Он протянул ей длинный шерстяной свитер.

— Спасибо, — Вестница быстро оделась, не обращая внимания на холод, — я должна уходить.

— Я провожу тебя.

— Нет, не нужно, иди лучше вниз к остальным, если они еще не разошлись.

— Уверена?

— Да, — она растерянно улыбнулась и быстро вышла из комнаты.

Алиса

Необъяснимое беспокойство блуждало в столовой, скрипя половицами и касаясь холодной, неживой ладонью каждого присутствующего. Алиса постукивала пальцами по деревянному столу, слушая разговоры Вестников и стараясь заглушить собственные беспорядочные мысли.

— Что ты подразумеваешь под свободой? — Ветта заинтересованно наблюдала за тем, как Георг задвигал плотные шторы в другом конце комнаты.

— Глоток свежего воздуха, за который люди отчаянно борются, а на самом деле лишь иллюзия, вера в то, что кто-то способен пойти против судьбы, — на лице Георга застыла приятная улыбка.

— Веришь в судьбу? — ее усмешка эхом расплзлась по помещению.

— Ты спросила мое мнение, я дал тебе ответ, — он вернулся на свое место и отпил немного вина из практически опустошенного бокала.

— Как насчет того, чтобы немного развлечься? — Ярлина посмотрела на своего мужа, в ответ тот неоднозначно качнул головой.

— Как именно?

— Алиса могла бы спеть.

Вестница вздрогнула, услышав свое имя, но ничего не ответила. На какое-то время тишина поглотила столовую, девушка ухмыльнулась, продолжая отбивать по ровной поверхности малознакомый ритм.

Ева внимательно смотрела на нее, немного нахмурившись, и Алиса взяла ее руку в свою, чуть сжав. Она поднялась со своего места и отошла к окну, облокотившись локтями на подоконник. Отдаленный шум свирепого ветра вводил в легкое состояние меланхолии, а пение окутало новой волной задумчивости.

Ветви, полынь, темный дуб, мы не спим,

У нас в голове мелькают огни.

Знала бы ты, ох знала бы ты,

Что у меня отняла.

Каждый вздох, каждый шелест листвы

Ты у меня отняла.

Земли богинь рядом с нами цветут.

Птицы вокруг у них все поют.

Я не хочу гнаться вновь за судьбой,

Мне хорошо и одной.

Здесь, в этих чистых и светлых краях

Застыла любовь у меня до зари.

Я не хочу, не могу, отпусти,

Со мной ты не говори.

Ветви, полынь, темный дуб, ты дрожишь.

Покоя ты не ощутишь.

А я свободна,

Свободная вновь.

Умчусь я за сто берегов...

Алиса прикоснулась к своим губам в надежде избавиться от горького послевкусия на языке, но оно лишь глубже проникло в нее, застревая комом в горле. Глубокий вдох, и она заставила себя поднять глаза на Вестников, что неотрывно наблюдали за ней.

— Не знала, что ты так хорошо поешь, — уголки губ Евы дрогнули, но она смотрела на девушку с недоверием.

— Я уже давно не пою.

— Стоило бы это исправлять, — задумчиво протянула Ярлина, покручивая в руке вилку.

Алиса на мгновение прикрыла глаза, выпрямляясь и впиваясь в край подоконника тонкими пальцами. Сложно было скрыть раздражение, учитывая, что каждый присутствующий ощущал исходящий от нее дискомфорт, ловил взглядом напряженные движения.

Она дернулась, услышав стук в дверь, разнесшийся по Дому глухим эхом. Несколько ударов последовали друг за другом и резко прекратились, когда в коридоре послышались голоса. Девушка жестом остановила Феликса, который попытался встать со своего места, и осторожно вышла в коридор.

Сердце пропустило несколько ударов, пока ноги невесомо касались пола, а ладони скользили по шероховатой поверхности стены, позволяя ощущать себя менее уязвимой. Неясная речь с каждым новым шагом становилась отчетливее, но до прихожей по-прежнему оставалось несколько метров.

Кто-то взял ее за запястье, заставляя обернуться. Теплая ладонь Евы прикоснулась к пальцам Вестницы, успокаивая сердцебиение. Алиса удивленно взглянула на нее, но молча продолжила идти дальше.

Возле входной двери Филипп разговаривал с высоким мужчиной, равнодушно изучающим интерьер помещения. Рядом с ним стояла молодая незнакомка, чье лицо не было видно.

— Кто это? — шепотом спросила Ева, стоя за углом, чтобы ее не заметили.

Вместо ответа Алиса вышла из тени и направилась к беседе.

— Арон, — она остановилась в центре комнаты, — Принц Темной Луны.

В янтарном пламени свечей выделялись острые черты его лица — ярко выраженные скулы, вытянутый подбородок, прямой нос. Волосы, черные, будто бы перья ворона, были заплетены в дреды и спадали на темный мех его верхней одежды.

Он покручивал медное кольцо на пальце, но, когда обратил внимание на Алису, убрал руки за спину. Выражение его лица было непроницаемым, а взгляд карих глаз — жестким и холодным.

Арон сделал шаг ей навстречу и остановился, возвышаясь над девушкой.

— Алиса, — утвердительно проговорил мужчина и сжал губы в ровную линию; его голос звучал молодо, — а кто позади тебя?

Она обернулась и увидела стоящую в проходе Еву.

— Новая избранная — Ева, — в разговор вмешался Филипп.

Арон кивнул, смотря на нее несколько минут, после чего вновь обратился к Алисе.

— Собери всех, нужно поговорить.

В гостиной было тихо и темно — лишь несколько свечей продолжали размеренно гореть, выпуская густой темный дым. Ее окутывал шум ветра, с силой бьющего в окна, и стук крупных дождевых капель. Вестники молчали, в то время как Принц неспешно расхаживал по комнате, осматривая присутствующих. Он остановил взгляд на Еве, выражение его лица на несколько секунд стало задумчивым и напряженным.

— Если кто-то в этом круге еще не знаком со мной *лично*, — протянул Арон, все еще оставаясь поглощенным процессом изучения Евы, — мое имя — Арон, я являюсь *главным* советником Гекаты.

— После Марии? — поинтересовался Георг, стоя возле стеллажа с книгами.

— Наравне с ней, — его тон казался небрежным.

Алиса не отрывала взгляда от Арона, который, в свою очередь, продолжал делать неспешные шаги вдоль гостиной. В углу комнаты, возле двери стояла Марго, ее эмоции невозможно было прочесть, но она крепко сжимала руку Филиппа, что облокотился рядом на стену.

— Я здесь из-за нее, — продолжил Арон, жестом указывая на Еву, — Богиня считает, что она не была готова стать Вестницей. Геката не верит в то, что она способна удержать наш секрет.

Его слова обрушились на нее волной, затапливая легкие. Их слышали все, кроме Марии, но ее отсутствие было только на руку Арону, так как никто не мог его упрекнуть.

По комнате разнесся гул — все стали разговаривать между собой, в то время как незнакомка прошептала что-то Принцу, обратив на себя внимание Алисы. На вид ей было не больше двадцати, ее кожа была темнее, чем у большинства присутствующих, кудрявые длинные волосы были убраны в косу, открывая взору несколько татуировок на шее в виде алхимических символов.

— Как думаешь, мы достойны своей судьбы? — произнес Арон громче, так, чтобы расслышали все, поворачиваясь к спутнице.

— Ты хотел спросить, справедлива ли наша судьба? — девушка, стоящая до этого позади мужчины, широко улыбнулась и посмотрела ему в глаза. В ее голосе слышался заметный акцент, слова звучали мягче привычного.

— Познакомьтесь — это Хариса, — Арон вновь посмотрел на Вестников, взяв ее руку в свою.

Алиса непонимающе посмотрела на Марго, будто ища поддержку, но та опустила глаза. Хариса засмеялась и сделала короткую паузу прежде, чем заговорить.

— Я здесь, чтобы замещать Марию, пока та плохо себя чувствует.

— Я замещаю Марию, — твердо произнесла Алиса и посмотрела на Арона, — а, в крайнем случае, Марго. Она прямая наследница Принцессы.

— Я очень доверяю Харисе важные дела внутри ее круга, и она ни разу не подвела меня, а потому именно она будет помогать мне сейчас, тем более что Луна недовольна нашей Принцессой. Оберегать круги — ее основная обязанность, но Мария провела обряд над той, кого Геката не приняла, и после спрятала вас здесь, избегая наказания.

Ева хотела что-то сказать, но Алиса положила ладонь на ее плечо, и на какое-то время в гостиной воцарилось молчание.

— В этом месте, я думаю, все преследуют единую цель, — продолжил Арон, — ждать вестей от Вестника Марка, — его взгляд ожесточился, когда он пристально посмотрел на

Алису, — до тех пор вы не сможете покинуть Дом Луны. Принцесса должна сама объясниться перед Гекатой за свой безрассудный поступок.

— Почему вы не поговорили с Богиней перед тем, как прибыть сюда? — в разговор вступил Феликс, обращаясь к Принцу.

— Я не несу ответственности за деяния Марии и тем более не стал бы самостоятельно рассекречивать это убежище, сообщая Гекате, куда направляюсь, — иначе суть этого места была бы попросту утеряна.

— Что вы собираетесь здесь делать? — голос Евы напоминал мертвенный шепот, она успела произнести это прежде, чем осечься, но заметила странный блеск в глазах Принца, которым он наградил ее вместо ответа.

— Я не вижу смысла продолжать этот разговор, — Хариса сделала шаг вперед, но Арон сжал ее запястье, вынуждая остановиться.

— Я получил приказ от Богини найти Марию и выполнил его, но ее дальнейшая судьба решится, когда вернется ваш Вестник Марк. До тех пор я буду помогать Принцессе поддерживать этот Дом, истощающий ее из-за нахождения в нем всех нас. Хариса уже пояснила, в чем заключается ее роль.

— В таком случае, — Алиса медленно подошла к Принцу и протянула ему связку ключей, — теперь это ваше, так как вы являетесь старшим лицом в этом Доме.

Принц взял их в руку, немного покрутив, словно пытаясь удостовериться, что они настоящие, а после протянул Харисе и, не сказав больше ни слова, покинул помещение.

Ева

Утренний дождь постепенно перерастал в грозу. Влажный ветер запутывался в волосах Евы, что стояла на крыльце Дома и наблюдала за тем, как менялся цвет неба, медленно темнел до тех пор, пока не приобрел пугающе черный оттенок. На горизонте был слышен отдаленный, еле уловимый гром, яркие молнии просачивались сквозь плотную пелену туч.

Воздух был холодным.

Ева привыкла чувствовать на коже его уколы, но Алиса, стоящая неподалеку и смотрящая куда-то вдаль, заметно нервничала, ощущая неприятный озноб.

— Я в шоке, — вырвалось из уст Алисы, когда она сильнее укуталась в льняной палантин.

— Ты видела ее раньше?

Девушка повернулась к ней и отрицательно покачала головой.

— Она не отсюда, и я не понимаю, почему Принц с ней так обходителен.

— Меня больше волнует вопрос, почему он сам не может замещать Марию, раз уже прибыл сюда, — Ева вздохнула, глядя на бушующее небо.

— Я не знаю. Я уже вообще ничего не понимаю.

Раскаты становились все громче, белые, резко очерченные полосы света рассекали тучи, словно пробуждая дремлющих в их глубине незримых созданий, что от испытанного страха истекали слезами, обращая те в дождь.

Алиса подошла к крыльцу и встала под навес, скрываясь от порывистого ветра и крупных капель, стремительно падающих на землю. Абстрактные мысли заполнили сознание Евы, помогая отвлечься.

— Как давно ты умеешь петь? — от неожиданного вопроса Алиса вздрогнула, но после внимательно посмотрела на собеседницу.

— Это было мое увлечение с самого детства. Я писала песни, пока жила в Польше, где и родилась, но после становления Вестницей перестала.

— Почему?

— Новая судьба лишила меня вдохновения, — Ева посмотрела ей в глаза, и девушка сразу же отвела взгляд, — и свободы.

— Если твое вдохновение осталось в Польше, то почему не ездить туда между обрядами? Нам ведь это не запрещено.

— И не разрешено тоже, — Алиса вздохнула, — я посещаю ее временами, но нам нельзя общаться с людьми, нельзя самостоятельно встречаться с членами других кругов, нельзя слишком далеко уезжать. Мы всегда должны быть готовыми к обрядам и посвящать служению Луне свою жизнь, понимаешь?

— Нам запрещены невинные развлечения?

— Мелкая оплошность, и нам приходится рисковать и прятаться, как сейчас.

— Ты права, прости, — Ева медленно отвернулась, — Я успела забыть, где мы находимся и кем являемся.

— Помни, что ты ни в чем не виновата, — Алиса взяла Еву за руку, притянула к себе и обняла, — Арон грубо обошелся с тобой, но никто не может тебя ни за что наказывать.

Капли дождя беспощадно разбивались о почву, растекаясь на низкой траве, и

невозвратно утекали в грунт, предаваясь забвению. Девушка прикрыла глаза, вслушиваясь в мятежные звуки грозы, шум грома, напоминающий раскаленные удары меча, сильнее ощущая покалывание ветра на ладонях и щеках.

— Алиса, скажи, мы вернемся домой?

Ее молчание обожгло грудь, заставляя дышать глубже, чтобы справиться с эмоциями. Кровь закипала внутри, несмотря на ветер — холодный, дикий, неудержимый. Его свобода в этом мире казалась безграничной, он блуждал по комнатам Дома и долине, проникал меж застывших деревьев на горизонте и играл с алыми, как пожар, волосами Вестников.

Алиса

Арон и Хариса стали настоящей проблемой для тех, кто не считал Еву провинившейся хоть в чем-либо. На все возникающие вопросы Принц отвечал одним коротким предложением: «Мы здесь из-за новой дочери Гекаты — Евы».

Некоторые Вестники поверили в то, что она являлась причиной их «заточения» в Доме Луны, тройняшки вместе с Владимиром прислушивались к Принцу и Харисе, которая с самого приезда стала устанавливать в Доме собственные правила.

— Я не намерена терпеть здесь котов, — выпалила девушка в столовой, наблюдая за тем, как Глаз мирно спал на полу возле стола, а после вышла из комнаты, с силой захлопнув дверь.

— Я не могу больше это слушать, — Ярлина подошла к Алисе, которая заваривала себе кофе на кухне.

— О чем ты?

— О том, что они говорят про Еву. Я не верю, что она чужая.

Девушка встала рядом с Алисой и взяла еще одну кружку, кинув в нее ложку сахара и кофе, а следом залил все кипятком.

— Что об этом думает твой муж?

— Он не знает, что делать. Мы не обязаны слушать Харису — она никто нам.

— Но обязаны Арона.

Ярлина недовольно фыркнула.

— Мы действительно ничего не станем предпринимать?

— А что мы можем? Он — Принц, — Алиса вздохнула, осматривая пустое помещение.

— Я не понимаю, чего он хочет и зачем он привел Вестницу из другого круга, когда есть ты.

Уголки губ Алисы дрогнули, но не успела она ничего ответить, как в комнату вошла Марго. Ее растерянный вид привлек внимание девушек.

— Что-то случилось?

— Я ищу Филиппа, — Вестница убрала прядь волос за ухо, ее руки слегка тряслись.

— У тебя все в порядке? — Ярлина осмотрела ее с ног до головы.

— Он должен был помочь мне отнести еду из оранжереи в комнату, — призналась Марго.

— Я могу, если хочешь, — отозвалась Алиса и подошла ближе, в ответ получив одобрителный кивок.

Возле лестницы, ведущей в подвальные помещения, облокотившись на стену, стоял Филипп. Заметив подходящих к нему девушек, он выпрямился и вытащил из кармана ключ от оранжереи.

— Филипп, — Марго замерла, остановившись в паре метров от него, — я искала тебя.

Мужчина нахмурился, но спустя мгновение его лицо озарила ухмылка.

— А я ждал тебя здесь.

Вестница молча смотрела на него какое-то время, после чего обернулась к Алисе.

— Может, в чем-то Арон и прав, как считаешь?

— Насчет чего?

— Насчет Евы.

Алиса едва сдержала нервный смешок, переводя взгляд на мужчину, выражение лица которого было заинтересованным, но напряженным.

— Если ты о том, что мы сейчас здесь из-за нее, то я не считаю, что она хоть в чем-то виновата.

— Значит, виновата Мария?

Филипп мягко коснулся талии Марго, оставаясь безучастным, но явно не желая продолжать этот разговор.

— Не стоит усугублять и без того тяжелую ситуацию, — Алиса обратилась к обоим, но смотрела в это время на мужчину, — я не дам ее в обиду, и ты прекрасно меня понимаешь. Ты сам в последнее время стал серьезнее и суровее, потому что несешь ответственность не только за себя.

— Да, я люблю свою племянницу, и ты тоже ее любишь.

— Я говорю не о Еве, — она покачала головой и махнула рукой в сторону Марго.

Вестник замолчал и крепче прижал ее к себе, не отрывая взгляда от Алисы. Его глаза потемнели, а стальные пальцы сжались на талии девушки.

— Да.

Марго ощутила волну жара, прошедшую по телу, воздух вокруг стал горячим, вызывая неприятные мурашки. Вестница закрыла глаза, избегая зрительного контакта, и повернула голову в бок.

Алиса улыбнулась и молча подошла к двери, распахнув ее, но на мгновение остановилась, обернувшись к паре.

— Твоя любовь сейчас нужна им, и я верю, что ты поступишь правильно.

Оранжерея была похожа на цветущий сад под землей. Она находилась в подвале, под Домом, освещенная ультрафиолетовыми лампами и спрятанная от лишних глаз. Здесь пахло сыростью и спелыми плодами.

Сад не выглядел заброшенным — множество растений в больших и маленьких горшках стояли на полу и настенных полках, в углу лежали мешки с картошкой, а рядом с ними на подставке друг на друге находилось множество корзин, предназначенных для того, чтобы можно было беспрепятственно собрать необходимое количество еды за раз.

Марго ушла в другой конец оранжереи и начала собирать все, что только видела, следом к ней присоединился и Филипп, накладывая в корзину сначала овощи, а следом и фрукты. Алиса помогала им. Никто ничего не говорил, сохраняя тишину, нарушаемую лишь шелестом листьев и ветвей.

— Все окончательно вернулись в человеческий облик? — Алиса подошла к мужчине и высыпала грозди винограда в одну из его корзин.

— Думаю, да, — он взял в руки несколько наполнившихся тар и посмотрел на Марго, которая стояла к нему спиной, — ты готова?

— Уже иду, — она обернулась, держа в руках небольшую миску со свежими

помидорами.

— Я останусь здесь на какое-то время, хочу собрать еще немного ягод, — Алиса взглянула на Марго, прежде чем вновь обратиться к Филиппу, — дашь мне ключ?

— Без проблем, — Вестник улыбнулся, и, прежде чем уйти, вставил его в замочную скважину.

Марго

Они шли по коридору молча, пока Марго, наконец, не решилась заговорить, открыв дверь спальни и проникнув в помещение вместе с Филиппом.

— Ты сказал, что... — девушка не успела договорить, как мужчина остановился, глядя ей в глаза.

— Да, сказал.

Она посмотрела на него на мгновение, после чего опустила глаза и провела рукой по волосам, убирая прядь за ухо. Эмоции затмевали разум, Марго не знала, что сказать. Неловкая пауза затягивалась, когда Филипп поставил их чаши на подоконник и сделал шаг ближе к ней, беря за руку.

— Я не буду клясться тебе в любви, — начала она и дернулась, но он лишь крепче прижал ее к себе.

— Я знаю.

— Я не собираюсь говорить о любви вовсе, — Марго подняла на него глаза, — я не хочу делать тебя своим, заставлять чувствовать тебя обязанным мне из-за моих чувств.

Она уже не чувствовала пальцев, которые обхватывали его ладонь, костяшки онемели, и девушка опустила руку, но Филипп перехватил ее и сжал еще крепче.

— Ты не должна ничего говорить. Я сказал то, что считал нужным, и ничего не требую взамен, — он поднес замерзшую ладонь Марго к своей груди и аккуратно положил на нее, — мое сердце — твое, независимо от того, бьется оно или нет.

Она ощутила биение пульса под своими пальцами, пока взгляд был прикован к его почерневшим глазам.

— Мое тоже, — вырвалось у нее из уст, голос дрожал, а волнение нахлынуло на тело, от чего едва не подкосились ноги.

Она смотрела на него так, словно никогда прежде не видела, словно все это было для нее в новинку, хотя то, что мужчина ждал ее весь этот год, понимая, что нужно время, говорило обо всей серьезности его намерений сильнее всех сказанных слов.

Сердце билось в бешеном ритме, кровь прилила к щекам, а воздуха стало катастрофически не хватать. Она чуть приоткрыла рот, видя в его взгляде смятение, смешанное с восхищением. Вся темнота, вся глубина его взгляда была пропитана чувствами. Он смотрел на Марго — на ее длинные волнистые волосы, бледное лицо, тонкие руки, шею, а следом провел по ним рукой, невесомо, почти не касаясь.

Нежность, смешанная с раскаленным звериным пламенем.

Время будто остановилось, позволяя девушке провести рукой по его груди, ощущая, как напрягаются под пальцами мышцы.

В любом месте, при любых обстоятельствах она хотела быть с ним — с этим суровым, прямолинейным, но любящим хорошие шутки мужчиной. Он был ее защитой, ее самой большой в жизни удачей, даже сам того не подозревая.

Ева

Ева стояла позади особняка и смотрела на призрачный, утопающий в густом тумане лес, состоящий из множества размытых и блеклых деревьев. Если он был живым, то не дышал из-за отравленного воздуха во всем этом месте. Но он не был, так как его попросту не существовало. Лишь недвижимое подобие жизни.

Пока внутри Дома Вестники шумели, неразборчиво выбирая себе «стороны», к которым собирались примкнуть, девушка просто наблюдала. Наблюдала за неизменно хмурым небом, скрывающим это место от Луны и тем самым порождающим множество беспокойств, за несуществующим, обрывающимся горизонтом, где тучи были еще гуще и еще темнее, а также за бесконечной, желанной и такой одухотворенной тишиной. Ничто не заглушало стука сердца, даже ветер, что беспорядочно путал длинные волосы юной служительницы.

Ева закрыла глаза и сделала глубокий вдох, стараясь успокоить бушующий поток мыслей. Она вспоминала маму, свою прошлую жизнь, дом Филиппа, теряла саму себя в мыслях об ушедшей весне.

«Все неизбежно».

Она стояла на влажной от дождя траве, почти бесцветной, если не всматриваться. Все здесь практически не имело цвета, было даже не черно-белым, а лишь серым — сплошной холодной массой.

«Все вокруг умерло, а мы ожили, как странно», — юная служительница мягко улыбнулась, стараясь обдумать все происходящее не через пелену страха или угнетения.

Арон казался жестоким и отстраненным, но он всегда находился рядом с Харисой. Что таилось в его холодном взгляде, за маской безэмоциональной пелены, Ева не знала.

Ее взгляд был направлен в небо. Дождь мог пойти снова в любую минуту, и девушка была бы рада почувствовать холодные ослепляющие капли, что способны освежить сознание.

Темнота не пугала Вестницу, не пугал и Принц, как бы ни вел себя и что бы ни делал. Где-то в глубине души она чувствовала, что Геката знает больше, нежели все остальные здесь, и что Марк не просто так отправился на север.

Мысли о нем заставили опустить глаза, а сердце чуть встрепенуться. Мужчина отправился искать способ спасти всех и вытащить из этой «мышеловки», в то время как Арон и Хариса только лишь командовали, но ничего не предпринимали.

В эту минуту девушке показалось, что она попала в Дом Луны, дабы понять, что заложено в основу самой жизни. Всепоглощающая тьма, которую люди желают изгнать из себя — это не зло, это прародитель света, из которого рождается жизнь и куда она утекает. И иногда ее нужно просто принять.

По коже пробежали мурашки, когда девушка услышала, что откуда-то из глубин, из той части леса, где туман, казалось, поглотил уже абсолютно все, стал доноситься тихий, еле уловимый гул. Он не был похож на шум ветра или мелодию, но пугал и гипнотизировал одновременно. Вестница словно впала в транс и замерла, не понимая, кто или что способно издавать подобные звуки.

Лес пел, открывая с мелодией все свои тайны, словно еще с неведомых веков он молчал и ждал своего пробуждения. Но этого не могло быть на самом деле, и где-то в глубине

сознания Ева все понимала, но гипнотизирующие звуки были сильнее.

Девушка опустилась на землю, которая уже не казалась такой холодной, и посмотрела на небо, видя нечто больше, чем просто облака, скрывающие мираж под названием Дом Луны от самой Луны.

Она чувствовала присутствие богов внутри и вокруг себя — в каждой травинке, в каждой капле дождя, в каждой сгущающейся туче. Ее спина, ноги, руки — все прикасалось к земле, которая пульсировала чем-то настолько невероятным, что перехватывало дух.

Жизнь, поддерживаемая здесь, все это место было пропитано силой, намного более могущественной, чем можно себе представить. Эта сила проносилась сквозь века, тысячелетия, рождалась в самом начале существования всего живого. Ни один Принц или Принцесса Темной Луны не могли быть способны на такое.

Ева еще сильнее распахнула глаза, когда почувствовала падающие капли дождя. В каждой присутствовала пугающая, невозможная, обжигающая кожу магия. Неожиданно поднялся сильный ветер, будто стараясь унести прочь лишние волнения.

Тело девушки пробуждалось, возвращалось в человеческий вид, но вместе с тем открывались совсем иные органы чувств, которыми она стала способна ощущать потоки крови, текущей по венам — светящиеся при лунном свете и переливающиеся золотом.

Руки дрожали от холода, но Вестница не шевелилась, смотря на небо и словно осязая необъяснимую энергию, являющуюся составляющим всего этого «убежища». Дождь усиливался, и Ева закрыла глаза, слушая мелодию, исходящую из леса, и медленно засыпая.

Ей снились одинокие костры в лесах, окутанных туманом, долины, на которых паслись стада животных, бескрайние равнины, освещенные полной луной, она слышала шум ветра, тихо шепчущего что-то на ухо одинокому путнику, чувствовала влагу под пальцами, касаясь первоцветов, рассыпанных по земле ранним утром.

Она вспомнила, как встречала недавно рассвет на заднем дворе у Филиппа, солнце медленно и неторопливо пробивалось сквозь густые ветви, освещая каждую летающую в воздухе пылинку. Ветер приносил легкий запах цветов, апрельской пробивающейся травы и сладкой весны.

Первые лучи мягко окутывали ее вместе с руками Марка. Он дарил ей неосязаемое тепло, стоя рядом и целуя в шею. Его шепот разливался под кожей, она ловила расслабленный взгляд голубых глаз и тонула в них, не думая, что однажды потеряет.

— Когда-то в этом лесу жили феи, — Ева мягко улыбнулась, наблюдая за игрой света среди зеленой листвы.

— Думаю, они и сейчас там есть, — Марк проследил за ее взглядом и оглядел высокие деревья, между которыми блеснуло солнце.

— Тогда почему они не показываются мне?

— Возможно, им было обидно, что ты покинула их, и нужно попросить прощения?

Ева задумчиво посмотрела на мужчину, после чего невесело ухмыльнулась.

— Ты шутишь надо мной.

— Вовсе нет, — Марк мягко коснулся ее подбородка и оставил на губах теплый, едва осязаемый поцелуй, — я уверен, что они ждут тебя.

Она видела высокие деревья, изувеченные дикими порывами ветра, они валялись на землю, пока вокруг них бушевала стихия. Холод пронзал ее до кончиков пальцев, ужас сковывал тело, не позволяя девушке пошевелиться, пугающая сила окутывала все вокруг,

увлекала за собой.

Она жаждала вновь вернуться в солнечный лес, спокойный и умиротворенный, но вокруг царили темнота и хаос. Запах полыни распространился по легким, она задышалась, не имея возможности закричать, пока вокруг трещали сосны, ломаясь и падая.

Ей снились сны, как грязь смешивалась с дождем, а деревья проваливались в сырую почву. Она вспоминала дом, где могла чувствовать себя в безопасности, пока не осознала, что думает об Игналине. Но Игналина была далеко.

Перед ней, теряясь в темноте, стоял зверь. Его кожа источала холод, от которого тело девушки неистово дрожало. Глаза — нечеловеческие, мутные и будто бы невидящие, были направлены прямо на нее. Она слышала его тихое рычание и, казалось, видела серебряную шерсть. Неожиданно он раскрыл пасть шире, собираясь напасть на беспомощную Вестницу, что не могла пошевелиться от объявшего ее страха.

Ева распахнула глаза, когда кто-то поднял ее беспомощное тело с земли. Неразличимая тень двигалась в сторону дома, неся Еву на руках, неторопливые шаги сопровождалось приглушенным сердцебиением, которое девушка чувствовала своей щекой. Жар растекся по груди, когда сквозь пелену она разглядела Георга.

— Ты в порядке? — пробормотал он, ногой открывая входную дверь и мимолетно ловя ее растерянный взгляд.

— У тебя ледяные руки, зачем ты лежала на холодной мокрой земле? — продолжал Георг, беспокойный тон раздался вибрацией под кожей, от чего Ева крепче прижалась к его телу, неожиданно осознавая, насколько сильно нуждается в тепле.

— Ничего уже не будет как прежде?

— О чем ты говоришь?

Она покачала головой и уткнулась лбом в его грудь, замолчав. Обувь размеренно стучала по паркету, в то время как пальцы порой слишком сильно впивались в нежную кожу девушки, заставляя дрожать еще сильнее.

— Ева, с тобой все хорошо? Ты осознаешь, сколько пролежала на улице? — прошептал мужчина, внимательно посмотрев на нее.

Ева отвела голову чуть в сторону и заметила чье-то очертание в конце коридора. Возле одной из лестниц стоял Арон, он находился в тени, убрав руки за спину, и внимательно следил за тем, как они медленно отдалялись от него.

Острый взгляд заставил Вестницу поежиться, вызывая мимолетную ухмылку на лице мужчины — хищную и... изучающую. Он несколько минут неотрывно наблюдал за ними, не шевелясь, а после развернулся и скрылся за углом.

Алиса

Предрассветные сумерки мягко стелились на землю, спрятанную под плотным слоем облаков. Большинство Вестников уже сидели в столовой, завтракали и тихо общались, пока Арон и Хариса находились наверху.

— Все знают о том, что нас скоро ждет, но никто не говорит об этом, — Ярлина разговаривала с Феликсом, перебирая фрукты в вазе.

Алиса стояла у окна, молча рассматривая неизменный пейзаж, непривычно светлый для столь раннего времени суток, и обернулась, когда в комнату вошла Ева. Она на ходу закончила заплетать косу и, взяв из чаши один королёк, присела за стол.

— О чем речь?

— О том, что Хариса хочет сменить Марию, словно та уже похоронена, — Георг пожал плечами, немного настороженно смотря на девушку.

— Нам придется принять неизбежное в любом случае. Также, как и всегда, — в разговор вступила Алиса, подходя к столу, — Георг сказал, что ты недавно лежала во дворе на земле. Ты осознаешь, что могла серьезно заболеть?

— Я... действительно провела там слишком много времени, — девушка вздохнула, не глядя на подругу и откусила кусочек спелого фрукта.

— Что ты там делала?

— Я не знаю, что случилось. Наверное, уснула.

Алиса повела бровью и протянула: «М-м-м», после чего взяла из чаши несколько небольших инжиров.

Ева поймала заинтересованный взгляд тройняшек, сидящих на некотором расстоянии от остальных. Ханна шептала что-то сестрам, но, стоило ей заметить, что девушка обратила на нее внимание, тут же замолчала.

— Расскажите мне, как вы стали Вестницами и попали в круг? — Ева чуть приподняла уголки губ, — для меня немного странно, что Луна избрала всех трех сестер, а не одну.

— Наши родители были потомственными Вестниками, — начала Ветта, равнодушно пожав плечами, — и родители наших родителей — тоже. Они будто специально искали себе пары среди тех, кто должен в будущем начать служение.

— Кажется, вы пришли в круг почти одна за другой, с разницей в несколько лет? — Алиса посмотрела на Злату, и та кивнула.

— Они в этом круге уже давно, — Ярлина задумалась, окидывая взглядом сестер, — когда я пришла, из нынешних избранных были только вы и Феликс. Все остальные, кого я знала, уже завершили служение.

— Скоро и мы завершим, — произнесла Ветта с капелькой досады, но после улыбнулась.

Неожиданно дверь распахнулась, и в комнату вошла Хариса. Она выглядела бодрой и ухоженной, словно провела перед зеркалом все утро. Ее кудрявые волосы аккуратно падали на плечи, а легкая небрежность движений казалась притворной.

— Совсем недавно мы слышали шумы со стороны леса и не считаем, что это к добру. Всем Вестникам необходимо оставаться на первом этаже, а лучше собраться в гостиной, до тех пор, пока мы с Принцем не поймем, в чем дело, — Хариса встала в центре комнаты,

протягивая руку и приглашая всех к выходу.

Вестники направились в гостиную, располагаясь на диване и креслах.

— Вы будете держать нас здесь неопределенный срок? — Алиса посмотрела на девушку, взгляд которой не останавливался ни на одном конкретном Вестнике.

— Я делаю это для вашей безопасности. Так будет лучше для всех, — ответила Хариса.

— Мария бы не так поступала, — прошептала Ярлина.

— Марии здесь нет, как видишь. Зато есть я, — Хариса улыбнулась, и от этой улыбки по телу пробежали мурашки.

— Принцесса избежала наказания, спрятавшись здесь, но все равно его понесет. Геката не знает пощады, — с этими словами Вестница направилась к выходу, но ее остановил возглас Марго.

— Я не могу остаться здесь. Мне нужно навещать Принцессу.

— Ты не можешь уйти, — голос Харисы был ровным, но твердым.

— Я должна ухаживать за ней, — девушка хотела было подойти к дверям, но Филипп остановил ее, крепко сжав руку.

— Я уверена, что твоя мать справится сама.

Марго вырвала руку и была готова сорваться на крик.

— Она сейчас даже встает с трудом!

Хариса молча смотрела на нее несколько секунд, а после молча обернулась и покинула комнату. Щелчок замка эхом разнесся по гостиной.

— Зачем ты это сделал? — девушка повернулась к Филиппу, который смотрел на нее с долей непонимания, в то время как остальные Вестники направили свои взоры на них.

— Что ты имеешь в виду? — мужчина нахмурился, стараясь понизить свой тон до возможного минимума.

— Зачем ты остановил меня? Почему не заступился? — Марго готова была заплакать и сделала несколько шагов назад.

— Мы все равно ничего не сможем сделать, — было видно, как он изо всех сил старался сохранять спокойствие, но в любую минуту был готов сорваться.

— Ты даже не пытался, — она шумно выдохнула и опустила голову, — что мне теперь делать?

— Я уверена, что мы найдем решение, — Алиса подошла к девушке, не касаясь ее, но пытаясь придать голосу мягкий тон.

— И избежим всевозможного унижения? — Марго шумно втянула в себя воздух, обернувшись к выходу.

— Мы выйдем отсюда, — девушка взглянула на Филиппа, который стоял неподвижно, но кивнул, — как можно скорее.

Время утекало, покидало Вестников безжалостно быстро. Никто уже не мог сказать точно, сколько дней прошло с их прибытия в Дом Луны и сколько часов с заточения в гостиной. Выходка Принца не могла оставить Алису равнодушной, но девушка не знала, что делать, а потому просто ждала, пока идеи не придут в голову.

Шторы были задвинуты, и только огонь в камине чуть потрескивал, освещая комнату. Его старались зажигать все реже и реже из-за нехватки древесины, но сегодня был особенный вечер.

Вечер, в который никто не мог выйти из этой комнаты.

— Вы пробовали дергать ручку? — в гостиной неожиданно раздался голос Георга, заставший дрогнуть Алису и стоящую рядом с ней Еву.

— Пробовали, — Ярлина перебирала книги, ища ту, которую было бы интересно почитать, чтобы хоть немного скрасить ожидание, — и вскрыть замок тоже, но он настолько старый, что страшно его сломать.

Тишина поглотила помещение еще на какое-то время.

— Из этого их плана все равно не выйдет ничего хорошего, — Ева вздохнула и посмотрела на Филиппа, задумчиво стоящего в углу.

— Как раз у Харисы и Арона сейчас все прекрасно, — вновь сказала Ярлина и усмехнулась, желая добавить что-то еще, но ее взгляд остановился на обложке находящийся в руке книги.

— Что-то случилось? — Марго подошла к ней, прикоснувшись к плечу, и замерла, охнув от удивления.

— Что там? — к девушкам обратились сразу две другие Вестницы.

— Это «Луна», — у Ярлины перехватило дыхание, — но что она здесь делает?

Алиса, а за ней и Филипп с Георгом направились к книжному шкафу, чтобы убедиться в правдивости ее слов. Пролистав пару страниц, девушки обратили внимание, что она была точной копией их книги, но написанной на другом языке и с множеством пометок ручкой.

— Это книга другого круга?

Вестники переглянулись и принялись листать дальше.

— Как она может находиться в Доме Луны, да еще и не в библиотеке, а в шкафу? — Алиса недоумевала, рассматривая незнакомые ей рукописные записи.

— Кто-то умудрился ее забыть? — Ева усмехнулась, но рукой остановила одну страницу, всю исписанную чертежами, которые было достаточно плохо видно при столь слабом освещении, — что здесь?

Книгу поднесли ближе к камину и стали рассматривать рисунки. Это были всевозможные черные ходы, расположенные во всем Доме Луны. Но больше всего удивило то, что среди этих линий, пояснений и расчетов была надпись тем же почерком: «Nécate est un loup et nous sommes des moutons»⁹.

По телу Алисы пробежали мурашки, она переглянулась с Марго и Филиппом, который нахмурился еще больше, но по-прежнему молчал.

— Думаете, это подкинула Хариса? — пришедшая в голову Ярлине мысль казалась внезапной и логичной, но Алиса покачала головой.

— Хариса нам здесь не друг, но и не единственная проблема, — девушка тяжело вздохнула, — вспомните, почему все здесь вообще оказались.

Ветта, Злата и Ханна стояли с Владимиром и молчали, никак не вступая в разговор, но и не мешая. Их присутствие, порой, несколько напрягало остальных, ведь они практически открыто заявляли, что считают Арона спасением, хотя Принц не предпринимал ровным счетом ничего.

Почему-то слова Алисы заставили Вестников на какое-то время замолчать и погрузиться в свои мысли, в то время как девушка продолжала старательно изучать чертежи. Некоторые находили друг на друга из-за нехватки места, и разобраться было практически невозможно, но другие, будто под линейку, четко располагались на листе. Все подписи были выполнены в виде цифр и кодов. Они и не понадобились, ведь комнаты вполне можно было различать по местоположению окон и изгибам стен.

Вестница пролистывала страницы и остановилась на гостинной — самой нужной в данный момент комнате. Она прошлась взглядом по помещению, чтобы окончательно убедиться, что это то, что нужно, и стала всматриваться в линии и заметки.

— Алиса? — Ева обратилась к ней с некоторой долей любопытства, но Вестница не отозвалась, только отошла от остальных, направившись к книжному шкафу и шепча: «Как оригинально».

Девушка несколько раз обошла его, пока, наконец, не обратилась к Феликсу и Филиппу.

— Это нужно отодвинуть.

— Там дверь? — мужчины подошли, чтобы взглянуть в книгу, и переглянулись, явно не уверенные в том, что стоит это делать.

— Нам либо нужно выбраться отсюда, чтобы спастись самим, либо сделать тоже самое, чтобы помочь Марии, — в голосе Алисы слышалась твердость, она посмотрела на Ярлину с благодарностью, что та нашла их шанс выбраться отсюда.

В стене за шкафом действительно оказалась открытая дверь, но никто не знал, куда та вела.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — Марго подошла к двери, смотря на Алису с долей страха в глазах.

— Мне нужно помочь тебе дойти до мамы и не наткнуться на Харису или Арона, — девушка словно проигнорировала ее вопрос, — мы выйдем первыми, а все остальные потом. Я вернусь за вами, после того как осмотрюсь, хорошо?

Вестники просто кивнули, и Алиса крепко взяла Марго за руку, выходя из гостинной.

В Доме было непроглядно темно, и оказалось сложным привыкнуть к этому. Обе девушки молчали и старались сохранять спокойствие, хотя все в груди трепетало от страха быть пойманными.

Их почти бесшумное, медленное передвижение друг за другом напоминало прятки в темноте, где водящий мог появиться в любую минуту. Алиса прислушивалась к любому шороху, к возможным шагам, хотя не была уверена, чего именно боялась. Излишняя осторожность рождала еще большее волнение, с которым с каждой минутой становилось все труднее справиться.

Наконец, они дошли до лестницы, ведущей на верхние этажи, и также тихо поднялись, все время оглядываясь, хотя практически ничего не видели. Комната Арона и Харисы располагалась на втором этаже, в то время как Марии — на третьем.

Приближаясь к ней, девушки начинали двигаться все быстрее. Вестнице в голову пришла мысль о том, что эти двое могли что-нибудь решить сделать с Принцессой, пока заперли всех остальных, а потому она зашла в спальню вместе с Марго.

Мария спала, и дышала, что было необычайно важно, а вокруг нее не было ничего, что могло даже намекнуть на возможный вред. Алиса прислонилась к стене и провела руками по волосам. Все ее мысли заполнило только одно — у нее уже началась паранойя. Настолько она чувствовала себя беспомощной, что чувство безысходности охватывало еще сильнее, чем во время обращения в служительницу Луны.

Девушка прикрыла глаза, но снова открыла их, когда поняла, что нужно идти за остальными. Вестница уже хотела закрыть за собой дверь, как Марго прошептала ей: «Я верю в наше спасение. Как верит моя мама».

Вера.

Это чувство пропало в Алисе настолько давно, что, выйдя в коридор, она чуть не

заплакала. Никогда раньше ей не хотелось настолько сильно спасти круг, сохранить Культ и вернуться домой к Филиппу, чтобы пить кофе, смеяться над его шутками, разводить костры на заднем дворе и ждать очередного обряда, ниспосланного самой Богиней.

— Луна, спаси нас, — не выдержав, проговорила девушка и опустилась на пол по стене. Хотелось кричать, но она могла только закусить губу, растрепать свои волосы, чтобы после стоять перед зеркалом и укладывать их. Никто, кроме Филиппа и Евы не видел ее слабой.

Слезы сами хлынули из глаз. Не было больше сил сдерживать эмоции. Алиса закрыла рот рукой, чтобы ее не слышали и зажмурилась. Она готова была сдаться. Ей некуда было бежать, ни выйти из этого Дома, ни спасти Принцессу и круг. Это был капкан. Девушка тонула в беспомощности и не могла ничего с этим сделать.

Он видел ее. Видел ее отчаяние, видел всю ее боль. Арон смотрел на Алису, не на холодную и сдержанную, а на одинокую и разбитую. Мужчина не смел никак выдавать себя, он просто стоял, потрясенный тем, как она страдала. Он сделал несколько шагов назад, а после развернулся, скрываясь в темноте коридоров.

Ей необходимо было взять себя в руки, чтобы пойти за остальными и помочь им добраться до своих комнат или до кухни, где хранилась часть еды из оранжереи, но она не могла. Ей не хватало сил даже для того, чтобы подняться с пола.

Алиса глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, и спустя какое-то время встала на ноги, вытирая слезы с глаз.

Несмотря на головокружение, понять, куда идти было не сложно. Возвращаться всегда легче, чем двигаться вперед.

Она шла, опираясь на стену рукой, и старалась выбросить из головы все мысли. Периодически ее дыхание сбивалось, девушка оглядывалась назад, боясь получить нож в спину в самом буквальном смысле этого слова.

В коридорах по-прежнему было очень темно, но Алисе казалось, что иногда она чувствовала запах Арона, или даже слышала его дыхание. Вестница ускорила шаг, направляясь к лестнице, и спустилась на первый этаж настолько быстро, насколько могла.

Ева

Непроглядная темнота безмерно пугала. И хоть рядом были еще Вестники, страх не утихал. Ева боялась не самой темноты, а того, что в ней таилось. Никто не знал, чего именно нужно опасаться — разгневанной Луны или Харисы, вкусившей плод власти и пытающейся подчинить себе круг.

— Кто нас спасет? — Ева прошептала это Алисе, с которой шла по неизвестному коридору на ощупь.

— Только мы сами, — девушка осторожно взяла подругу за руку, чуть сжимая ее и ведя всех на кухню, чтобы не расхотеться до рассвета и поесть.

— Прости меня, — она опустила голову, хоть ее собеседница и не могла этого увидеть.

— Ты просто жертва. Все мы здесь жертвы, которых топят за непослушание в воде. Я не до конца понимаю, что происходит и точно не знаю, что будет с нами, но уверена — Хариса поплатится.

— Я даже не знаю, чего боюсь больше — нашей смерти или нашего спасения, — Ева вздохнула, крепче взяв Алису за руку.

— В любом случае мы будем не свободны.

— Тогда какая разница, кому служить — Харисе, Марии или Гекате? — девушка чуть запнулась, проговаривая каждое из имен, и резко остановилась, когда увидела в конце коридора фонарь, горящий в руке у «Вестницы Принца».

— Далеко собрались? — Хариса хмыкнула, стремительно приближаясь ко всем.

Ева сжалась, глядя прямо в горящие глаза девушки, а Филипп встал впереди них, закрывая собой и Алису тоже, которая в свою очередь положила свободную руку ему на плечо и периодически оглядывалась по сторонам в поисках Арона.

От Харисы исходила такая энергия, что по телам всех присутствующих пробегала сильная дрожь. Казалось, если она прикоснется к кому-нибудь, то ударит током.

— Куда вы собрались, я спрашиваю? — она остановилась в нескольких шагах от Вестников, поставив фонарь себе под ноги.

— Уйди с дороги. Ты не имеешь права нас держать, — Ярлина вышла вперед, встав рядом с Филиппом, а следом за ней и Феликс.

— Это для вашего же блага, — девушка постаралась сделать тон голоса мягче. Алиса уже хотела возразить, но из-за спины Харисы послышался голос Арона.

— Я позволил им выйти.

Хариса обернулась, всматриваясь в темноту, и снова взяла фонарь в руки, чтобы осветить коридор. Принц стоял неподвижно, убрав руки за спину, с выпрямленной спиной. Выражение его лица было холодным, а губы изогнулись в жесткой ухмылке. Он изменился с момента своего приезда. На нем, также как и на Принцессе сказывалось влияние Дома, от которого нельзя было защититься.

Алиса притянула к себе Еву, чьи ноги дрожали от холода и нарастающей паники. В ее глазах горело непонимание происходящего.

— Что это значит? — девушка снова посмотрела на остальных служителей Луны, в ее взгляде читалось раздражение.

— Ты перегибаешь палку, Хариса, — Арон был напряжен, его лицо было бледным, даже

несмотря на теплое свечение фонаря. Он сделал несколько глубоких вдохов, словно пытался успокоиться, — ты не можешь загубить их всех или заморить голодом. Тем более Марию.

— Марии с ними нет, — она запнулась, — как и Марго.

— Они обе в комнате Принцессы, — Алиса обращалась к Харисе, но не смотрела той в глаза. Все ее внимание было направлено на Принца, чье лицо приняло привычное выражение.

— Я здесь не для того, чтобы помогать им, — она встрепенулась, заметно нервничая.

— Нет, мы здесь как раз для этого, — спокойствие Арона постепенно передавалось и остальным Вестником, что находились в нескольких шагах от кухни, но никак не могли до нее добраться.

Ева на мгновение обернулась, всматриваясь в темноту. Ветта, Ханна и Злата молча стояли позади всех, словно их совершенно ничего не касалось. Было невозможно понять, что у них на уме, но, судя по равнодушным лицам, они попросту ждали окончания разговора. Владимир пристально смотрел на Еву, которая сразу же отвернулась.

— Я не буду терпеть их вольное поведение, — Хариса продолжала, повышая тон, но ее перебила Ярлина.

— Арон, мы можем идти есть?

— Конечно, — мужчина кивнул и направился к Харисе, пытаясь что-то тихо сказать ей и как-то успокоить, но девушка лишь отрицательно покачала головой, отдала ему фонарь и скрылась в направлении лестницы.

Алиса пропустила всех вперед, следя за тем, чтобы никто не остался, а после подошла к Принцу.

— Арон, так не может продолжаться долго, — Вестница посмотрела ему в глаза, пытаясь понять его мысли, но встретила лишь непроницаемую пелену.

— Я не хочу давать ей мучить своих Вестников.

— Вы ведь сами выбрали ее вместо Марии...

— «Ты», — перебил мужчину, его челюсть чуть сжалась.

— Ты выбрал ее вместо Марии, и я прошу тебя проявить благоразумие, ведь за твое бездействие, возможно, придется нести ответственность. Тем более, что не ты нас выпустил.

— Думаешь, вам просто повезло наткнуться на «Луну» чужого круга и найти там рисунки тайных ходов Дома Луны? Какое интересное совпадение, — уголок его рта дернулся, он ухмыльнулся, внимательно смотря на девушку.

Алиса приоткрыла рот и чуть заметно охнула от изумления. Это казалось очень сложной и искусной ловушкой. Внутри все сжалось от страха лжи. Он продолжал смотреть на нее с тенью удовлетворения на лице, явно наслаждаясь ее реакцией.

— На чьей ты стороне? — было невероятно сложно успокоить дрожащий голос, понизить его, чтобы никто больше не услышал.

— На стороне Богини.

Арон шумно втянул воздух, после чего кивнул Алисе в сторону кухни, а сам направился к выходу из Дома.

Ева

Все тело пронзил обжигающий холод ветра, когда девушка ступила за порог. Воздух был пропитан влагой, но туман, что прежде поглощал небо, почти рассеялся, и только лишь на горизонте все также расстился по просторам.

От каждого глубокого вдоха по коже бегали мурашки, заставляя сильнее закутываться в кардиган, найденный в доме. Далекие недвижимые деревья словно следили за Евой, медленно направляющейся в то место, где несколько дней назад она слышала таинственный зов.

Девушка ощущала себя потерянной среди великого, необъяснимого и скрытого от людских глаз культа, но одновременно душа ее пылала в огне, жаждала познать неизведанное, то, что ни одному человеку не было под силу объяснить.

Вестница вглядывалась в бескрайние, на первый взгляд, просторы, покрытые ночной бесцветной пеленой. Ощущение свободы, пусть и не безграничной, успокаивало. Она вновь подняла глаза вверх, стараясь хоть что-то разглядеть, но не видела ничего, кроме тянущейся по небу темноты. Ветер, движущийся с горизонта, приносил с собой практически неуловимые, но притом будоражащие воображение звуки. Если прислушаться, можно было услышать даже чей-то вой, сливающийся с неизвестным шумом.

— Ева, — послышался голос Алисы сзади, — я думаю, нам не стоит пока выходить. Все же, в чем-то Хариса была права. Здесь сейчас небезопасно.

Она обернулась, глядя на очертания подруги, и нежно улыбнулась, не двигаясь с места.

— У меня плохое предчувствие, — продолжала девушка, приближаясь, — давай пойдем в дом.

— Георг нашел меня тогда, лежащей здесь, и ты спросила, что я делала, — ей пришлось сделать паузу и глубоко вздохнуть, втягивая в себя запах влаги, прежде чем продолжить, — мне кажется, я была способна раствориться в земле вместе с каплями дождя. Я ощущала внутри себя раскаты грома, словно и он, и дождь, и земля — это и есть я. Разве ты не чувствуешь этой связи?

Алиса молчала.

— Все это место пропитано той же силой, что пульсирует внутри нас, — Ева посмотрела ей в глаза, но Вестница лишь покачала головой, нахмурившись.

— Дом Луны — мертвый, искусственный. В нем нет жизни. Это просто невозможно.

— Я знаю, что и Вестники, и он — часть одной энергии. Столь великой и таинственной, что захватывает дух.

Девушка уже хотела что-то ответить, но взгляд ее направился куда-то вдаль, наполнившись изумлением и ужасом. Ева обернулась, глядя на горизонт.

Малиновая полоса рассвета протянулась вдоль всего несуществующего мира, а спустя несколько минут среди полупрозрачных деревьев, недвижимых и бесконечно спокойных, заиграли лучи восходящего солнца.

Она видела свет, который гипнотизировал, одаривая небеса сиянием. Облака будто расступались перед солнцем, все ярче освещающим некогда серые просторы. Туман на границах Дома рассеивался, а лес, словно все это время молчащий и ожидающий, когда его пробудят, стал оживать.

Он расцветал, расправлял все свои корни после долгого сна, становился все более реальным по мере того, как звезда поднималась в небе; деревья выпрямляли свои ветви, начиная медленно, как бы еще неуверенно покачиваться на ветру.

За спиной послышалось тихое: «Не может быть».

Ева была словно в оцепенении, смотря на золотой диск до тех пор, пока Алиса не схватила ее за руку и быстро не повела в дом.

Свет без стука проникал в комнаты, отражался от окон и зеркал. Солнечные зайчики заиграли в спальнях, коридорах; лучи беспрепятственно проходили сквозь занавески, одаривая все своим теплом.

Рассвет казался дружелюбным, но вслед за ним должен был наступить закат.

Девушки практически вбежали внутрь дома, где их встретили Филипп, Феликс и Ярлина, с ужасом смотрящие в окно.

— Мы перестали что-либо контролировать, — Вестница казалось, побледнела, глядя на еще больше испуганную Алису.

— Мы и не начинали, — та взглянула на Филиппа, — где Арон?

Ева смотрела на них, а внутри продолжала бурлить неведомая сила, кровь в венах словно кипела, уши закладывало, как в первый день превращения. Казалось, будто солнце звало ее к себе, тянуло прочь из дома, вглубь пробудившегося леса.

Вестники продолжали разговаривать, панически пытались придумать, что делать дальше, в то время как свет проник в здание окончательно.

Девушка медленно подошла к окну, коснувшись кончиками пальцев стекла. Всем своим естеством она ощущала силу, исходившую откуда-то из глубины. Казалось, даже мертвая, на вид, земля начала оживать.

В какой-то момент снова вернулось ощущение безысходности из-за невозможности никак повлиять на исход всего происходящего. От прежнего Величия Дома не осталось и следа. Он перестал быть крепостью и превратился в тюрьму. Выберутся ли все в итоге отсюда, не знал никто. Одному лишь творцу этих земель, лесов, ветров и самого Дома было известно, что произойдет дальше.

Марго

Их жизнь перевернется с наступлением ночи, и ничего нельзя будет сделать. Как быстро опадающие наземь листья сменились снежными вьюгами, и как быстро они смели все, оставив лишь обреченных на смерть посланников темной Богини среди мертвых земель, не имеющих ни конца, ни выхода. Небеса пропитывались светом, солнце не дарило тепла, но пробуждало спящий лес.

— Мы погибли? — Марго взглянула на Алису, чуть дрожа от морозного воздуха, проникающего через форточки и щели внутрь дома. Даже камин не позволял согреться.

— Надеюсь, что нет. Мы должны что-то делать, — девушка старалась сохранять спокойствие, но ее голос дрожал.

В гостиную вошли Ярлина и Ева с подносами с горячим чаем и поставили на столик. Марго взяла две кружки, спросив, можно ли отнести одну маме и, получив одобрение, поспешила выйти из комнаты, но ее уже практически в коридоре остановил Филипп.

— Что-то случилось? — Вестница взглянула на него слегка испуганно.

— Я хочу извиниться за то, что сделал той ночью, — он посмотрел ей в глаза.

Она запнулась и опустила голову прежде, чем ответить.

— Тебе не за что извиняться. Я просто перенервничала, мне не стоило так открыто

ругаться.

— Но ты ведь так не думаешь, — ей снова пришлось поднять взгляд, — ты расстроена. Жизнь и безопасность твоей мамы — самое главное для тебя.

— Ее жизнь и безопасность должны быть самым главным для всех нас.

— Я пони... — Марго не дала ему закончить.

— Если мы не будем беречь Принцессу, мы не выберемся отсюда. Даже если Луна ничего не сделает, мы останемся здесь навсегда. Я не думаю, что Арон действительно собирается нам помогать.

— Он влюблен. Я могу его понять.

Вестница вздохнула, улыбнувшись. Филипп сделал шаг к ней.

— Мне все же нужно идти. Чай остынет, — она отошла, собираясь подойти к лестнице, но мужчина остановил ее.

— Постой, ты сказала: «Даже если Луна ничего не сделает». Что ты имеешь в виду?

— Неважно, — девушка покачала головой и быстро развернулась, направившись к лестнице.

Алиса

Они были наделены силой, невозможной для обычных людей, и имели бесконечно важное предназначение. Но даже им было не подвластно скрыться от Богини.

Этот день проходил слишком быстро. Ни Арона, ни Харисы не было все это время. Казалось, они и вовсе уже покинули Дом Луны, что было вполне вероятно и даже ожидаемо.

С каждым часом становилось все холоднее — морозный ветер усиливался, пришлось закрыть все окна и двери, чтобы не погас камин.

«Это все скоро закончится», — шептала Алиса самой себе, лежа на диване и глядя удобно устроившегося на ее животе Глаза. Кот спокойно спал, тихо сопя.

Их окружала тишина. Не было ни голосов, ни шагов, ни скрипов. Но эта тишина казалась слишком громкой, гул в ушах не давал успокоиться. Мысли в голове становились все громче с каждым мгновением, пока, наконец, нежно-сиреневый свет не проник в комнату и не окрасил стены. Он не ослеплял, как утром, скорее был приглушенным, прощальным, будто солнце не было уверено, встретится ли с Вестниками завтра.

Оно продолжало заглядывать в каждый уголок Дома, становясь все ярче, пока перед тем, как коснуться земли, не налилось кровью. Голые деревья мрачно шуршали и покачивались от ветра. Откуда-то издалека, словно из другого, настоящего или же еще более вымышленного мира заиграла древняя, первобытная мелодия.

Вот-вот все погрузится в сон, и какова будет их судьба, дано знать одной лишь Гекате.

Ева

Ева не боялась, глядя на тающее среди ветвей солнце. Величественная сила распространилась по воздуху, когда «Богиня» вышла из-за горизонта, торжественно и грациозно возвышаясь в небе. Казалось, ветви склонялись перед луной, в то время как та касалась их лишь своим светом, сияя ослепительно ярко. Она озарила весь Дом и землю вокруг него.

Становилось ясно, как днем.

Девушка прикрыла глаза и вздохнула полной грудью, а после вновь открыла, смотря на то, как мать культа проникает в потаенное место своих детей, разрушая их тайны. Разве кому-нибудь из них, из них всех было под силу по-настоящему противостоять богине? Харисе, каким бы ни был ее нрав и жажда власти, никогда не справиться даже с Принцессой. Да и сама Мария ничего не могла против Гекаты.

— Спасенные или же погубленные? — раздался женский голос позади, и Вестница обернулась, обратив внимание на стоящую в дверях Марго.

— Что?

— Она — наше спасение или наша погибель? — девушка взглянула на Луну, приближаясь к окну и касаясь холодного стекла.

— Что об этом говорит твоя мама? — Ева посмотрела в глаза собеседницы, но та была словно заморожена видом в небе.

— Практически ничего. Я догадываюсь, что она считает себя виноватой во всем этом. В том, что закрыла нас и что нам всем теперь грозит опасность. Не думаю, что она знала или могла предположить, что они воспользуются положением, — Вестница развернулась и поспешила выйти, но Ева взяла ее за руку, останавливая.

— Кто воспользуется положением? Ты имеешь в виду Арона и Харису или Богиню? Что Принцесса говорит о Гекате? — тело охватила паника, но девушка все равно вырвалась, направляясь в коридор.

Перед тем, как скрыться, Марго быстро проговорила: «Она — наше спасение и наша погибель».

Ева задыхалась. Задыхалась, когда бежала вниз, на первый этаж, прямо в гостиную. Сердце бешено колотилось, а по коже бегали мурашки. Все было еще запутаннее, чем казалось на первый взгляд. Никто ничего не договаривал, Хариса исчезла, как по волшебству, а с Марго и Марией творились странные вещи. Распахнув двери, Ева влетела в комнату, где находилась только Алиса, и подошла к ней.

— Где все?

— В своих комнатах, наверное, или на кухне. Что случилось?

— Я знаю, что происходит.

— О чем ты говоришь? — Алиса посмотрела на девушку взволнованно, тут же сажая ее на диван рядом с собой и беря за руки.

— Я знаю, зачем Хариса и Арон прибыли сюда.

Вестница не стала перебивать ее, лишь коротко кивнула, внимательно слушая дальше. Глаз, расположившись на мягком ковре, тоже слушал.

— Это место — наша тюрьма. Мы ведь не можем выбраться отсюда, не можем убежать,

скрыться. Геката знала о Доме и хотела, чтобы мы спрятались в нем, а после не смогли выйти. Она послала Арона и Харису помочь ей нас запутать, чтобы потом, — она запнулась, — сейчас выйти из облаков и уничтожить. Уничтожить так, чтобы никакой другой круг не узнал, и поставить Харису следующей Принцессой.

Алиса молчала довольно долго, повернувшись лицом к камину.

— Ева, ты ведь помнишь, по какой причине мы здесь прячемся?

— На обряде что-то пошло не так, и Мария спрятала нас здесь, переждать «бурю».

— Тебе не кажется это абсурдным?

— Я не уверена, что понимаю, о чем ты, — Ева вздохнула, а Алиса встала и закрыла дверь.

— Ева, Я не думаю, что все действительно так.

— Но здесь мы снова стали людьми, и этого нельзя отрицать. Мы больше не Вестники Гекаты, — было видно, как Еву снова охватывала паника. Она крепко сжала руки подруги.

— Наше обращение обратно в людей никак не влияет на службу.

— Мы умрем, — у девушки сбивалось дыхание, и постепенно начали накатывать слезы, — все мы.

— Что ты такое говоришь?

— То, что мы теперь люди и нас легко убить. Дом Луны — просто идеальное место для того, чтобы ослабить Вестников и закрыть их в ловушке. Не зря же он носит именно такое название и не зря в библиотеке висит ее портрет. Я сама видела.

— Библиотека... — Алиса охнула и вскочила с дивана, — пошли, быстрее.

— Но зачем? — Ева встала и вышла из гостиной следом за ней, идя к лестнице, — что ты хочешь там найти?

— Подсказки.

Два верхних этажа, как и прежде, были полностью уставлены шкапами. Произведения самых разных авторов, написанные на самых разных языках, заполняли помещение, в котором сейчас, казалось, легко можно было потеряться.

На стенах висели подсвечники, в которые Алиса вставила найденные в одном из шкафов и предварительно зажженные свечи. Комната сразу озарилась светом.

Девушка ходила от одной стены к другой, перелистывая книги и откладывая их, и снова беря, в то время как Ева все время смотрела в окно, изо всех сил стараясь успокоиться.

— Что мы ищем? — Вестница подошла к подруге, всматриваясь в текст, но не могла ничего разобрать.

— Информацию об этом месте.

— То есть раньше вы знали все только со слов Марии?

Алиса кивнула и усмехнулась, откладывая очередное произведение.

— Видимо, так.

— Помнишь книгу «Луна» другого круга?

— Да, — девушка снова начала копаться в полках, — а почему ты вспомнила о ней?

— Там ничего не было сказано о нем? Были же чертежи.

— Арон сказал мне, что сам подкинул нам ее, так как посчитал, что Хариса зашла слишком далеко, заперев нас.

— Но все же, там может быть что-нибудь полезное. Какие-нибудь... записи, дополнительные рисунки или история?

— Я не знаю языка, на котором эта книга была написана, — она на мгновение замолчала, вздохнув и взглянув на лестницу, ведущую на последний этаж.

Обе девушки поднялись еще выше. Воздух был пропитан пылью и влагой, а книги заполняли еще больше пространства, нежели внизу, и словно сдавливали помещения до размера кулака.

Прямо напротив лестницы на стене висел тот самый портрет — очертания Богини Темной Луны. Что-то заставило ее сжаться при виде картины, она взяла подругу за руку, едва сумев отвести взгляд, и стала осматривать помещение.

Казалось, что Ева была здесь впервые. Стены выглядели непривычно поврежденными и грязными, пол — слишком поцарапанным, словно в него метали ножи, а книги, прежде лежавшие аккуратными стопками, сейчас были беспорядочно разбросаны.

— Нам нужно и здесь все осветить. Подожди, я сейчас, — Алиса погладила ладонь Евы, мягко ей улыбнувшись, и быстро спустилась вниз.

Девушка не двигалась. Луна уже поднялась достаточно высоко, не «заглядывала» в окна и ничего не освещала. Но портрет все равно был четко виден сквозь пелену ночи — каждый изгиб изображенной на нем женщины, все неровности и даже кое-где отличающиеся от обычного черного цвета выцветшие сероватые пятна.

Даже не видя ее взгляда, Ева чувствовала величие и ужас.

Ужас надвигающейся катастрофы.

— А вот и я, — Ева вздрогнула, обернувшись к вошедшей Алисе, и глубоко вздохнула, — прости, не хотела напугать. Все нормально?

— Да, все хорошо, — Вестница постаралась улыбнуться, но дрожь в теле было нелегко унять.

Алиса вставила свечи в подсвечники, аккуратно зажгла их и поспешила искать нужные книги.

— Как думаешь, она действительно выглядит так? — Ева присела на один из мягких диванчиков, стоящих у стен, и показала на портрет.

— Я никогда не задумывалась о внешности Гекаты и, если честно, мне не по себе от этой картины.

— Мне тоже, — ей понадобилось некоторое усилие, чтобы отвести взгляд на что-нибудь нейтральное.

— Я не понимаю, как Арон не видит, настолько Хариса неприятная, — Алиса покачала головой, не смотря на девушку.

— Иногда ее хочется просто выкинуть, — усмехнулась Ева.

— Выкинуть откуда?

— Из окна ее спальни.

— Ну, — Алиса задумалась, — со второго этажа низковато, есть шанс, что вернется.

Смешок вырвался из груди Евы, она легонько пнула Вестницу в бок, но на ее лице только сильнее расплылась улыбка.

— Мы сейчас сидим здесь, на чердаке, а внизу уже может происходить что-то, — Ева опустила на диванчик, без особого интереса листая пожелтевшие страницы неизвестного тома.

— Значит, нам повезло.

— Можно задать тебе один вопрос? — Алиса подняла на нее глаза и кивнула. Ее взгляд стал сдержанным и сосредоточенным.

— Ты осознаешь, что делаешь сейчас больше Принцессы? — Ева встала с дивана, подошла к Алиса и взглянула в ее глаза, — ты помогаешь этому кругу как никто другой, но почему-то так часто повторяешь, что ненавидишь все происходящее с тобой.

Алиса не смотрела на девушку, но заметно поежилась и, прежде чем ответить, прокашлялась.

— Я говорила тебе, что думаю по поводу нашего заточения в облике Вестников.

— Ты можешь оправдывать себя, как угодно, но твои действия говорят совершенно о другом.

— Хватит, — ее голос стал тверже, она отложила книгу, которую до этого держала в руке.

Ева замолчала и отвернулась, покачав головой.

Ева

Они не нашли ничего, где бы хоть отдаленно упоминался Дом Луны. Его не существовало, несмотря на то что Вестники сейчас находились внутри него. Ева медленно спустилась на первый этаж вслед за Алисой, держа в руке одну свечу. Внизу было тихо и достаточно темно, несмотря на просачивающийся сквозь стекла свет луны.

— Как думаешь, лес правда перестал был призрачным? Мне показалось, что я видела, как он оживал, — прошептала Ева, стараясь идти не слишком быстро.

— Думаю, да.

— Это ведь... — она не договорила, так как Алиса остановила ее и задула свечу, тихо подходя к приоткрытой двери, ведущей на кухню.

— No podemos volver a casa, — оттуда слышался тихий женский голос, — nuestra eternidad ha terminado.

Испанский язык напоминал лабиринт, в котором было легко запутаться — острые углы согласных словно разрезали воздух, сливаясь с мягкими, блуждающими по языку гласными, и создавая уникальное, почти экзотическое звучание.

Алиса осторожно заглянула в небольшую щель и увидела Харису, что находилась возле окна, напуганная, дрожащая то ли от холода, то ли от страха, а рядом с ней спиной к двери стоял Арон.

— Не говори глупостей, Хариса, — его голос стальным лезвием прошел по коже Алисы, но девушка продолжила стоять на месте, вслушиваясь в беседу.

— Я не собираюсь умирать в этом чертовом Доме, не исполнив то, зачем пришла сюда с тобой, — акцент Харисы отчетливо слышался в речи, когда она нервничала.

— Успокойся, — практически прошипел Принц, когда девушка оторвалась от стекла и задернула шторы, поворачиваясь к нему.

Алиса отошла в тень, едва не встретившись с Вестницей взглядом. Она обернулась к Еве, что все это время стояла позади в нескольких шагах от комнаты, приложила палец к губам и направилась в сторону гостиной.

Ева молча проводила ее взглядом и стала подниматься на второй этаж, оставив догоревшую свечу на ближайшем подоконнике.

Эта ночь казалась самой темной среди всех предыдущих, хоть и напоминала нескончаемые сумерки, в которых блуждали изуродованные тени, вышедшие из многовековых картин и рожденные собственным воображением.

В груди неприятно колело, когда Ева обдумывала услышанное на кухне.

Что тревожило ее сильнее всего? Вопросы, оставленные без ответов, Луна, нашедшая своих созданий, или этот бесконечный Дом, окруженный древним пробудившимся лесом, полный уходящих в беспросветную тьму коридоров и тайных ходов?

Порой девушка терялась в нем, не имея возможности найти выход и попросту блуждая по этажам в поисках лестниц. Она чувствовала себя замурованной в этом месте и впадала в панику, но очень часто находилась кто-то, кто помогал ей найти нужную комнату.

В темноте все спальни были похожи одна на другую, неизменно холодные и неудобные. И все же было в каждой из них что-то свое, уникальное, отличное от остальных. Ева всегда знала, что находится именно в своей спальне по скрипу половиц возле входа и особенному

узору трещин на потолке.

Холодная пустыня за окном оставалась недвижимой, но лес, являющийся границей этого мира, находился как будто слишком близко. Он словно медленно приближался к Дому и до него можно было дотянуться рукой. Ветви покачивались от сильного ветра, но тихая мелодия, доносящаяся оттуда, понемногу стихала, пока ее вовсе не перестало быть слышно.

Ева почувствовала далекий запах сырой земли и пыли, что смешивался с горьким одеколоном. Она обернулась, всматриваясь в глубину коридора, и пожалела, что оставила свечу, хоть та и освещала не больше самой себя.

Она зашла в комнату, думая о том, что все ее теории касательно Харисы, вероятно, были ошибочными. Ей не удавалось ничего понять или разобраться в поведении этой Вестницы, и чем сильнее Ева углублялась в размышления, тем все выглядело запутаннее.

В спальне было слишком холодно. Она подошла к окну и плотно задернула шторы, но сквозь них все равно просачивался лунный свет.

Что произошло? Как они выдали свое убежище?

Недалеко от нее скрипнуло несколько половиц.

Ева обернулась к зеркалу и заметила странное шевеление возле двери. В нос ударил запах имбиря.

— Кто здесь? — почти шепотом произнесла Ева, пока не ощутила на себе чужие руки.

В глазах потемнело от резкого удара об стену, она едва смогла разглядеть мимолетный взгляд, горящий от нескрываемой ненависти. Желудок скрутило в тугой узел от запаха алкоголя, которым полностью заполнились легкие.

Незнакомец словно пытался раздавить ее под тяжестью своего тела, грубо прижимая девушку к стене. Сдавленный вопль вырвался из груди, но он крепко зажал ее рот ладонью.

Ева задрожала от ужаса. Его холодное, едкое дыхание было слишком близко. Он схватил ее за плечо и грубо впился пальцами в кожу, прижимая к себе спиной.

Она ощутила холод металла у своей руки и попыталась закричать, но голова закружилась от нехватки воздуха. Слезы градом потекли по щекам, она не могла заставить себя пошевелиться, стоя в оцепенении и захлебываясь в слезах.

Ева изо всех сил старалась не задыхаться от страха, когда острый предмет медленно прошелся по ее плечу и замер в нескольких сантиметрах от шеи.

Ей было нечем дышать.

Острая боль пронзила плечо, обжигая нервы и ртутью разливаясь в том месте, где полоснули кожу. Горячие струи темно-алой крови стекали вниз к ладоням и, словно лепестки, опали на пол, окрашивая его.

Она задрожала от паники, нахлынувшей ледяной волной на тело, и едва не упала на пол, когда незнакомец неожиданно отстранился от нее. Позади послышался громкий шум.

— Ты покойник!

Обернувшись, она увидела, что мужчина со всей силы врезался в стену. Это был Владимир. Над ним склонился Филипп, он поднял его за кофту и изо всей силы ударил об стену еще раз, а следом повалил на спину и схватил за горло. По комнате раздался болезненный хрип.

Ева опустилась на колени и обняла себя одной рукой, сжимая до побеления костяшки пальцев и периодически подрагивая от нестерпимой боли в плече. Неподалеку от нее лежал кухонный нож, испачканный в крови, как и пол, и одежда девушки.

Она чувствовала себя противоречиво, наблюдая за тем, как Филипп пытался убить

Владимира. Ей хотелось, чтобы он остановился, но при этом она ничего не предпринимала.

— Ты, тварь, будешь вечность гнить в Гадесе, пока псам Гекаты не надоест рвать твою плоть!

Он ударил его в лицо несколько раз, его кожа покраснела, а комната нагрелась настолько, что воздуха снова перестало хватать. Ева коснулась своей шеи и попыталась успокоиться, но слезы не переставая лились по щекам.

— Что здесь, черт возьми, происходит?

Комнату озарили несколько свечей, сопровождаемые растерянными криками. Все происходящее разбилось на множество расплывчатых кадров, за которыми девушка не имела сил наблюдать.

Перед тем, как закрыть глаза, она заметила приближающуюся к Филиппу Алису, которая громко ругалась и старалась оттащить мужчину от лежащего на полу Владимира.

— Ты не можешь! — снова и снова повторяла Вестница, — ты убьешь его!

Голова гудела от давления, Ева откинула голову назад, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце. Карается ли убийство? Как жестоко Геката наказывает за умышленную гибель одного из своих детей? А если ты желаешь спасти чужую жизнь? А если не ты, то тебя?

Слишком много вопросов всплывало в голове, будто было время обдумать каждый из них. Руки предательски дрожали от неугасающей боли в плече и страха, застывшего в воздухе.

Она едва не умерла.

От осознания этого к горлу подступила тошнота, дрожь лишь усилилась, и девушка была не в силах ее унять.

Ей было противно от воспоминания об ощущении холодного металлического ножа, едва не прижатого к ее горлу. Немые вопросы повисли в воздухе электрическим напряжением, смешиваясь со стойким запахом алкоголя, от которого Ева снова расплакалась.

Она едва не умерла.

Георг ворвался в спальню и замер в дверях, оцепенев от непонимания происходящего. Алиса обернулась к нему и крикнула, чтобы тот позвал Феликса, но он подошел к Еве, опускаясь перед ней на колени.

— Я видел его в коридоре, он скоро подойдет, — крикнул мужчина назад и глубоко вздохнул, прежде чем повернуться к Вестнице, — ты можешь идти?

Она нерешительно кивнула, не смотря на него, но заметила, что Георг внимательно прошелся по ней взглядом, проверяя на наличие всевозможных повреждений.

— Я уведу тебя отсюда, — он протянул ей руку и осторожно поднял с пола, выводя из комнаты.

На этаже были слышны голоса, где-то замелькали силуэты, но по мере того, как они шли по коридору, все медленно растворялось, пока вовсе не утонуло в тишине. Они спустились вниз и зашли на кухню, где было особенно спокойно.

Вестник зажег светильники и стал копаться в шкафчиках. Его лицо приобрело сосредоточенное, даже немного жесткое выражение. Ева опустилась на стул, стараясь не обращать внимание на пропитанный влагой свитер, прилипший к ее коже.

— Приподними руку, — Георг взял нож, но остановился, оглядев девушку, — я отрежу рукав, чтобы обработать рану.

— Хорошо, — прошептала Ева и закрыла глаза.

— Считай до двенадцати, это поможет успокоить дыхание, — добавил он и прошелся ножом по вязаной ткани, после чего осторожно снял ее с руки.

Девушка вздрогнула, когда чужая ладонь коснулась ее тела, и тихо зашипела, стоило холодному воздуху коснуться плеча.

— Кровь идет? — нерешительно спросила она, подняв взгляд.

— Нет, — пояснил Георг и опустился на стул напротив нее.

В его руке была мокрая чистая тряпка, а рядом лежало несколько бинтов и марлевая повязка. Он стал медленно стирать засохшую кровь с руки, продолжая наблюдать за ее реакцией.

Ева старалась не дрожать так сильно, она периодически смотрела на свои ладони и пыталась успокоиться, но перед глазами то и дело проносился силуэт Владимира, его взгляд, полный ярости.

— Сегодня здесь особенно холодно, — сказал Георг напряженным голосом и отложил тряпку в сторону.

— Думаю, это из-за Луны.

Он потянулся за марлей и наложил на место пореза, перебинтовав сверху. Его пальцы были ледяными, но девушка не шевелилась. Ей хотелось привести сердцебиение в норму. В горле по-прежнему застыл дурманящий голову запах, его не удавалось перебить даже кашлем.

— Ты уже в который раз меня спасаешь, — Ева посмотрела на Вестника, губы которого дрогнули в полуулыбке.

— В этот раз тебя спас Филипп.

— И он тоже.

— Слишком тяжело должно быть справляться со всем этим в одиночку.

— Я не одна. У меня есть дядя и Алиса.

— Я говорю не об этом, — Георг поднял на нее глаза, но Ева вновь опустила взгляд на свои руки.

Она не знала, что ответить, а потому просто молчала.

— Давай пойдем согреем тебя, — мужчина помог ей подняться со стула и отвел в гостиную.

В зажженном камине тихо потрескивали поленья, комната приобрела багрово-медный оттенок, ее наполнили ароматы сладких специй заваренного чая. Ева по-прежнему подрагивала, но тепло успокаивало, позволяло на время забыться.

Она лежала на диване и смотрела на Георга, сидящего в кресле, пока не закрыла глаза и не погрузилась в сон.

Алиса

Дров для камина становилось все меньше, запасы иссякали. Алиса стояла возле спящей Евы и искала на ее теле следы синяков — на запястьях, шее, плечах. Уставшие глаза ныли и покалывали, она потеряла переносицу в попытках снять напряжение, накопившееся за бессонную ночь, а после вновь с сочувствием посмотрела на Еву и опустилась на край дивана рядом с ней.

— Как это вообще могло случиться, — прошептала Ярлина, сидя неподалеку и смотря то на девушек, то на Георга, находившегося возле камина.

— С появлением Принца здесь стало все тяжелее находиться, — подал голос Георг, периодически наблюдая за спящей Евой.

— Что Владимир хотел сделать? — спросила Алиса, поднимая на мужчину глаза.

— Он напал на нее с ножом и оставил порез чрезвычайно близко от шеи, — Георг покачал головой и посмотрел на девушку, — ты же была там.

— Мы с Феликсом пытались оттащить Филиппа от Владимира, я видела Еву только мимолетно, она была в крови и пыталась остановить истерику.

— Бедная девочка, — Ярлина прижала ладонь ко рту и закрыла глаза.

— Если бы я не спала, вы бы говорили еще громче? — послышался прерывистый голос Евы, она повернулась на бок и посмотрела на Алису.

— Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую... — Вестница задумалась, опуская взгляд в пол, — чувствую себя живой.

Утреннее солнце напоминало первоапрельскую шутку, нежно озаряя проснувшиеся после долгой зимы просторы; оно казалось нереальным, его мягкие лучи окутывали навечно холодную землю, и не дарили желанного тепла. Его присутствие лишь дразнило, не позволяя по-настоящему ничего почувствовать.

Алиса скучала по весне, смотря в окно и наблюдая за поднимающимся в небе ее предвестником, но ощущая только нескончаемый холод.

Она протянула руку к Еве, и та чуть сжала пальцы девушки. Они слегка дрогнули, когда в помещение неожиданно вошла Хариса. Мертвенное напряжение витало вокруг нее, цепляясь за подол длинной юбки, взгляд был направлен на улицу, но, когда девушка заметила находящихся в гостиной Вестников, ее лицо накрыло выражение тонкого высокомерия.

— Богиня нашла вас раньше, чем мы предполагали, — она прижала ладони к груди, сжав их, и остановилась в дверях.

Ева перевела взгляд с нее обратно к Алисе, которая даже не обернулась, продолжая осматривать руки подруги. Кожа между пальцев потрескалась от морозного воздуха и стала сухой. Она молча погладила ее, не смотря на Харису.

Солнце продолжало мягко стелиться на бархатную мебель, укрывать золотом половицы и стены. С каждой минутой его свет становился все более ярким, но темнота, поселившаяся внутри Дома, казалось бесконечной.

Из кухни по первому этажу сочился аромат кофейных зерен и ягод, Алиса посмотрела на дверь, ведущую к выходу, в этот момент она открылась, и в гостиную проник тонкий запах леса.

Ее встретил взгляд холодных, бездонных глаз. Невозможно было понять, о чем Арон думал, но, остановившись в паре метров от дивана, он внимательно посмотрел на Еву, которая, в свою очередь, продолжала крепко держать Алису за руку.

— Доброе утро, — Хариса с улыбкой обернулась к нему, но взгляд Арона вновь переместился к Алисе, что продолжала сверлить его взглядом.

— Что-то не так?

Он смотрел на нее без всякого выражения, и она ответила не сразу, вглядываясь в его лицо и размышляя, стоит ли говорить.

— Ты натравил на Еву Вестников.

Колющий взгляд Харисы уставился на нее, но Вестница ничего не говорила, наблюдая за реакцией Принца. Его губы сжались в прямую линию, он убрал руки за спину и раздраженно произнес:

— Ты смеешь обвинять меня?

— Владимир чуть не убил Еву сегодня ночью.

«Ты будто не слышал криков, раздающихся по всему этажу», — недосказанные слова на мгновение повисли в воздухе и застряли где-то в горле.

— Подойди.

Алиса поднялась со своего места и сделала шаг в сторону Арона, вдыхая с воздухом исходящее от него напряжение. Он в мгновение приблизился к ней и схватил за руку, уменьшая расстояние между ними до предельного минимума. Его длинные пальцы стальным кольцом обвили ее запястья, а глаза потемнели, когда он чуть наклонился к ней и понизил тон.

— Ты забыла, с кем говоришь. Я тебе напомню.

Она отвела взгляд и замерла, ощущая холодное дыхание у себя на щеке. Его голос был убийственно спокойным.

— Ты находишься в подчиненном положении и не имеешь права критиковать мои действия. Я выполняю волю Богини и нахожусь в Ее власти, а вы — в моей. Я не стану выслушивать обвинения в свою сторону, ведь выполняю прямые указания Гекаты. Или ты считаешь позволительным высказывать свое мнение по поводу ее решений? Не думаю, что твой статус является достаточно высоким для этого.

Он повернул голову в сторону, говоря громче и обращаясь к остальным присутствующим.

— Я был готов не обращать внимания на ваше мелкое вмешательство, но впредь каждый, кто ослушается приказов, будет привлечен к ответственности.

— Какое наказание ждет Владимира за покушение на жизнь Вестницы? — Алиса посмотрела ему в глаза и почувствовала, как пальцы, сжимающие запястье, слегка дрогнули.

Он отпустил ее руку и выпрямился, встречаясь с ней взглядом. Его тон стал мягче.

— Полагаю, достаточно того, что с ним сделал Филипп, — девушке показалось, что на его лице отразилась усмешка, — какое-то время вы его не увидите.

— А теперь, — Арон сделал паузу, — я вынужден отлучиться.

Принц бросил еще один мимолетный взгляд на Еву, после чего покинул помещение. Хариса, что до этого неподвижно стояла позади него, заговорила непривычно бодро.

— С каждым днем здесь становится все холоднее, не замечаете?

— Когда мы вернемся домой? — Алиса сложила руки на груди, пытаясь согреться.

— Арон отправит вас в Игналину, когда сюда явится Вестник Марк. Он говорил об

этом.

— Но Луна уже здесь.

— Думаю, это должно что-то значить, — она растянула губы в улыбке и облокотилась о стену плечом, — например, что Богиня решила убить вас, раз уж вы стали людьми.

— Мы должны снова стать Вестниками, — Ева села на диване, игнорируя настороженный взгляд Георга.

— Ты никогда не была ею, Ева, — Хариса повернулась к ней и хотела добавить что-то еще, но Алиса перебила ее.

— Не надо снова бросать яблоко раздора к нашим ногам.

Ярлина подошла к Алисе, невесомо коснулась ее спины ладонью и вышла из комнаты. Георг проследил за ее действиями и обратился к Харисе.

— Ты тоже стала человеком здесь. Не хочешь покинуть это место, пока не поздно?

— Я замещаю Марию, — она процедила это, не смотря на мужчину.

— У меня есть одно предложение, но его нужно обсудить с остальными, — Алиса повернулась к Георгу, и тот заинтересованно вскинул брови.

— После случившегося и в связи с медленно обрушивающимися на Дом заморозками я хочу предложить всем ночевать теперь здесь — возле горящего камина и на глазах друг у друга.

— Мы с Ароном останемся у себя, — Хариса чуть скривилась, но девушка лишь кивнула в ответ на эти слова.

— Как скажешь.

— Я думаю, остальные поддержат эту идею, — Ева мягко улыбнулась ей.

Хариса больше ничего не сказала, наблюдая за ясной погодой по ту сторону окон.

Лунный свет пробивался сквозь ожившие деревья, морозный воздух проникал из множества щелей в помещение, где неустанно горел камин, а Вестники расположились вокруг него, расстелив одеяла на полу. Запах и мягкий треск древесины убаюкивали, помогая не обращать внимания на воюющие ветра.

— Мы не переживем этой зимы, — приглушенный шепот Ярлины звучал в комнате, где спали почти все, — Арон запретил нам выходить из Дома после заката. Сколько еще времени мы здесь проведем?

— Я верю в лучшее, — Феликс лежал рядом с ней, у самого камина, и старался согреть своим теплом.

— Я даже не знаю, чего боюсь больше. Потерять свою жизнь или тебя, — она посмотрела на него и провела кончиками пальцев по щеке, а после снова прикрыла глаза, прижимаясь крепче к мужскому телу.

— Мы уже говорили об этом, — он обнял ее сильнее и поцеловал в лоб.

— Мне мало, мало всех тех лет, которые мы провели вместе.

— Мы прожили вместе больше, чем могут простые люди.

— Я хочу состариться вместе с тобой, — Ярлина почти не дышала, стараясь говорить как можно тише.

— Единственный способ исполнить твою мечту — остаться жить в Доме.

— Но это невозможно...

— Я знаю, поэтому прошу тебя быть благодарной за то, что ты нашла меня, хоть и лишилась возможности стать старой, сморщиться и умереть, — он усмехнулся, и девушка

рядом с ним тоже.

Алиса, лежащая чуть дальше них, тихо рассмеялась, но сразу же закрыла рот рукой.

— Ах ты шалунишка! — Ярлина села на своем месте и посмотрела на Вестницу, сунув глаза, — подслушивать разговоры нехорошо.

— Прости, я не специально, — девушка широко улыбнулась.

— Вы чего шумите? — пробурчала Ева, протирая глаза и поворачиваясь на бок, чтобы взглянуть в лицо нарушителям тишины. Глаз, лежащий рядом с ней, замурчал, и она крепче обняла его.

— Алиса подслушивает вместо того, чтобы спать.

— Вы как дети малые, — неподалеку послышался голос Георга. Филипп рядом с ним тоже проснулся.

— Нет, ну вы представляете, наша Ярлина хочет быть сморщенной ворчливой старушкой, — Алиса продолжала смеяться, а Ярлина кинула в нее свою подушку.

— Да ты бы уже давно сошла с ума каждый день смотреть на деда, которым был бы Феликс, — разразился хохотом Филипп, наблюдая за двумя «воюющими» Вестницами.

— Так, нет, отдавай, — Ярлина встала и направилась прямо к Алисе, но та вскочила с места вместе с подушкой и побежала по гостиной, переступая через фыркающих тройняшек.

Смех, должно быть, разносился на все этажи, был слышен даже далеко на улицу. Закрытые шторы защищали от прямых лучей «ночного солнца» и успокаивали находящиеся внутри Вестников. Впервые за долгое время в воздухе перестало висеть напряжение, даже, наоборот, все позволили себе расслабиться и на мгновение забыть, что происходит вокруг.

Алиса уже, казалось, привыкла к Дому Луны. Было совершенно некуда деваться, а потому ей пришлось сблизиться со многими Вестниками своего круга, с которыми раньше проводила всего несколько дней в году — во время праздников и обрядов.

Радостные крики прервала резко распахнувшаяся дверь, в которую сразу же проник запах гари, и вбежала испуганная Марго вместе с Харисой.

— Подземная оранжерея горит!

Четвертая часть

Необратимость

Если ты чувствуешь, что охота идет слишком легко, что след зверя сам попадает к тебе под ноги, то знай: тот, кого ты наметил себе в жертву, уже смотрит тебе в затылок.

Луис Сепульведа “Старик, который читал любовные романы»

Глава 42

Вестники в панике ринулись в коридор, от прежнего веселья не осталось и следа. Марго продолжала в запале говорить что-то еще, но ее уже никто не слушал. Алиса с Филиппом бросились на кухню за водой, а Феликс с Георгом попытались выбить дверь, ведущую в самый эпицентр пожара, что сейчас была заперта.

Когда им это удалось, оттуда повалило еще больше дыма, девушки закашляли, отскакивая обратно в гостиную, чтобы не резало глаза. Вниз по лестнице быстро спустился Арон, пытаясь понять, что произошло, но никто не мог ничего ответить.

Огонь полыхал внутри маленькой, лишенной окон комнатки, пожирая последние средства пропитания обитающих в Доме. Он разгорался только сильнее, как бы его не пытались заливать водой, и распространял смог по всему первому этажу, отчего находиться внутри здания с каждой минутой становилось все невыносимее.

— Потушите кто-нибудь камин в гостиной! — кричала Алиса, продолжая окатывать пламя водой из найденных на кухне емкостей.

Ветта и Ханна быстро погасили огонь и распахнули окна, а также входную дверь, чтобы избавиться от гари, но это еще сильнее распространило стихию по помещению. Воздух вблизи лестницы, ведущей вниз, раскалялся, и даже ледяной ветер, проникший в дом, не мог остудить его — подходить в оранжерею, чтобы потушить ее, больше не получалось и не имело смысла.

Вестники схватили из комнаты одеяла и, укутавшись в них, поспешили на улицу.

— Мы должны забрать Марию! — Марго помчалась по лестнице на второй этаж, но Филиппу пришлось силой вытаскивать ее из дома, — я должна... — она вдохнула морозный воздух, как только коснулась почвы голыми ногами, и закашлялась, не в силах больше ничего говорить.

— Мы не можем. Это слишком опасно, — Филипп прошептал это и крепче обнял Марго.

Все смотрели на то, как в огне растворялась их последняя надежда на выживание, а клубы дыма заполняли собой этаж.

— Оно потухнет? — голоса Евы было почти не слышно, девушка сильнее завернулась в одеяло, хоть оно и не спасало от безжалостного холода, а только дарило иллюзию тепла.

— Когда-то точно, — Алиса глубоко вздохнула и подняла глаза на луну, что уже вот-вот собиралась скрыться за горизонтом.

Этот рассвет они встречали на холодной, покрытой инеем земле, окутанные студеным ветром и потерявшие веру в спасение.

— Теперь мы умрем от голода, — слышалось из разговора тройняшек, что стояли рядом с Ароном, беседуя о дальнейшей судьбе круга.

Хариса находилась вдалеке ото всех, всматриваясь в лес, освещенный утренними лучами солнца. Она дрожала, одетая лишь в ночное платье и вязаную кофту поверх него, и безостановочно растирала свои запястья, шепча что-то под нос.

Алиса внимательно наблюдала за ней, пока Георг, уже находящийся возле крыльца, не крикнул, что пожар стих, и вся гарь вышла на улицу. Тогда Вестники, осторожно, но все же решились вернуться внутрь, чтобы оценить масштаб катастрофы. Марго сразу поднялась наверх, облегченно вздохнув, ведь дым не добрался туда, а Ева осталась на улице.

В оранжерее не уцелело ничего. Ярлина закрыла рот рукой и зажмурилась, чтобы не расплакаться, в то время как остальные направили свои взоры на Арона и Харису, что стояли в стороне, не произнося ни слова.

— Что нам теперь делать? — Ветта обняла свою сестру, у которой по щекам тоже покатались слезы.

— Вы должны вытащить нас отсюда, — одними губами произнесла Алиса, смотря на Принца, что крепко сжимал ладонь Харисы, на лице которой застыла одна эмоция.

Ева, не обращая внимания на озноб, ощущала свежесть и радость от просыпающегося утра. Солнце не оставляло их, что бы ни случилось, оно поднималось в небе, освещая таинственные земли, и безмолвно поддерживало Вестников, сочувствовало им, согревало сердца. Девушка улыбнулась заре, прикрыв глаза и наслаждаясь золотистыми лучами на своей коже и волосах.

— Я благодарна тебе за то, что ты с нами даже в самые тяжелые времена. Если мы не проснемся завтра, ты все равно окутаешь наши тела своим светом, подаришь нам свою последнюю любовь и простишься, вечно сохраняя память об этом круге Вестников Темной Луны и его служителях, столь же прекрасных и чистых, как каждый твой рассвет.

По ее щеке скатилась слеза. Ева опустилась на колени и прикусила нижнюю губу, а капли продолжали стекать вниз, падая на землю и блестя, словно утренняя роса. Она не могла больше ничего говорить, разбитая, покинутая всем миром и запертая в неведомом никому месте, девушка рассыпалась на осколки. Ее плечо заныло от воспоминаний о пережитой ночи, которая могла оказаться последней. Каждый их день мог быть последним.

Неужели этот круг не был значим для Гекаты, неужели Богиня могла стереть с лица земли двенадцать душ, которым пришлось забыть о своих мечтах, о жизни, полностью посвятив себя служению?

— Даже будучи награжденными знанием и силой, мы имеем право на ошибку, — шепот разнесся по долине, проникая глубоко в почву и долетая ветром до ожившего леса, — не покидай нас, солнце, никогда...

Оно благодатно окутало Вестницу своими лучами, старясь согреть, несмотря на пропитанный холодом воздух, утешить, хоть и не имело возможности ничего сказать, но Ева все чувствовала, понимала, и от этого ее душа наливалась теплом. Ей не хватало сил подняться на ноги, а потому девушка просто сидела до тех пор, пока от мороза не перестала чувствовать кончики пальцев, глаза и щеки не начали болеть от застывшей на них влаги, а глаза не устали смотреть на бескрайнее светлое небо.

Голова наполнилась мыслями о Марке, как он нежно шептал ей, что любит, а после исчез, не прося ждать до весны, не обещая, что вернется к ней. Но Вестница все равно ждала, несмотря ни на что, хоть и боялась проститься навеки. В груди что-то трепетало при воспоминаниях о нем, о человеке, который в эту самую минуту мог смотреть на то же

солнце, что и Ева.

— Передай ему, что я скучаю, — прошептала девушка, вытирая слезы с лица и осторожно вставая, как бы тяжело ей это не давалось.

Ева

От прошедшего пожара в доме было теплее, чем ночью, но запах дыма все еще ощущался в воздухе, и Ева прокашлялась, проходя в гостиную. Алиса закрывала окна, а когда заметила подругу, подошла ближе.

— Ева, ты в порядке? — Вестница взглянула на нее обеспокоенно.

— Не знаю, мне страшно.

— Всем страшно, — послышался голос Харисы из угла комнаты.

— Вы все еще не знаете, как нам помочь? — Алиса обняла Еву, заметив, как сильно та дрожит.

— Если у тебя есть план, можешь предложить, я выслушаю.

Девушка ничего ей не ответила, а отвела Еву на кухню, где Вестники искали остатки еды.

— Я честно не знаю, что делать, — Феликс подошел к ним и протянул единственную чашу с овощами и фруктами, которые остались.

— Мы справимся, — Алиса утешительно погладила его по руке и кивнула.

Ева оглядела присутствующих, которые панически перебирали шкафчики и полки, но практически ничего не находили. Все надеялись на оранжерею, утонувшую в огне.

— Где Марго? — девушка обратилась к Ярлине, что до этого разговаривала о чем-то с Георгом.

— Она ушла к Принцессе сразу после того, как все вошли в дом.

— Никто не помогает ей ухаживать за Марией?

— Филипп, — Ярлина пожалала плечами, взглядом проследив за тем, как Алиса отошла в другой конец комнаты.

— Солнце так нежно ласкает эти земли, словно сочувствует, или боится вместе с нами, — нежная, но грустная улыбка озарила лицо Евы, она с тоской повернулась к окну, благодаря которому кухню озаряли солнечные зайчики.

— Помни: солнце — наш друг, а Луна — повелитель. Оно может лишь укрыть нас своим светом, помочь скрыть тоску, утешить лучами, но только до тех пор, пока в небо не взойдет Богиня.

— А разве нет бога Солнца?

Ярлина понизила тон.

— Конечно, есть. И ты можешь верить в него и общаться с ним, но мы не его дети.

— Если богов так много, почему я не могу поклоняться кому-то еще?

— Ты же читала «Луну». Мы избраны Гекатой и обязаны служить Богине Темной Луны. Она ревнива, как и все богини — женщины. Солнце, несомненно, любят, оно дышит жизнью и вдыхает ее во все, что озаряет своим светом, ему не нужно насильно заставлять никого служить — люди сами делают то, что нужно. Гекате же приходится забирать чужие жизни взамен на всеобщее благо и именно поэтому такие Вестники, как Алиса считают себя обреченными.

Она вздохнула, подбирая нужные слова, чтобы продолжить.

— Но я уверена, нам не дали выбора не потому, что мы — прокляты или что-то вроде того, а потому, что мы должны были стать детьми этой Богини. У нас не могло быть другой

жизни, с самого рождения судьба предписала нам такой путь.

— Сколько ты уже служишь ей?

— Почти девяносто лет.

Девушка охнула, явно не ожидая услышать такую цифру.

— А во сколько лет стала Вестницей?

— В двадцать семь, — Ярлина негромко рассмеялась, — я очень долго живу, а Феликс — еще дольше — он был в нашем круге уже пятнадцать лет, когда я только пришла, и прошел обряд в довольно взрослом возрасте.

— Но, почему тогда я стала служительницей так рано?

— Вестники приходят и уходят циклично. Когда-то по тридцать-сорок лет круг может существовать из одних и тех же служителей, а потом резко меняются сразу все. Бывало и такое, что уходили-приходили по двое, но это скорее исключение, чем правило.

— Получается, для тебя естественно быть той, кто ты есть, потому что, насколько я помню, ты родилась, с самого начала зная, что станешь Вестницей.

Ярлина кивнула и поджала губы, на миг отведя взгляд.

— Должно быть, ты права, и я не понимаю до конца, почему тебе не рассказали обо всем раньше, почему просто окунули с головой в неизвестный пруд, не подготавливая заранее, как меня или Марго, не говоря, что на дне. Ты ведь тоже наследница.

— Моя мама не такая, только дядя, и она надеялась, что ее детей эта «кара» обойдет, — Ева пожала плечами.

— А, знаешь, что еще?

— М? — Вестница проводила взглядом Филиппа, который, взяв всего два яблока, направился к выходу.

— Я тоже чувствовала здесь Луну еще до того, как она вышла из облаков.

— О чем ты?

— Георг знает, что ты делала на заднем дворе, лежа на траве.

Ева хмыкнула и чуть сузила глаза.

— Следите за мной?

— Вовсе нет, — Ярлина усмехнулась и махнула рукой, — я просто тоже ощущаю ее присутствие во всем, что есть в этом месте.

— Я высказывала Алисе предположение, что, возможно, Арон раскрыл Дом Лунь Гекате, чтобы наказать нас или Марию, но это очень странно.

— Да, сомнительная, хотя и интересная мысль.

— Существуют вопросы, ответы на которые есть только у богов.

Недалеко от беседующих Феликс раздавал Вестникам оставшиеся фрукты и овощи.

— Думаю, нам стоит поесть, пока мы имеем такую возможность, — улыбнулась Ярлина, стараясь оставаться позитивной.

Панический ужас и смятение скребли стены, витая по Дому вместе с гулом ледяного ветра, и даже голоса, доносящиеся из каждого уголка, не могли их заглушить.

— Никого не смущает, что мы не знаем, почему начался пожар? — Георг достал из шкафа несколько упаковок со спичками, пересчитывая их.

— Кто-то развел огонь, скорее всего, — пожала плечами Ханна.

— В подвале были еще запасы, — Ветта подошла к нему и, осмотрев оставшиеся припасы, покачала головой, — похоже, теперь это все, что осталось.

Арон, вошедший на кухню совсем недавно, находился на расстоянии от всех. Он держал стоящую рядом Харису за руку и непрерывно смотрел в окно, на безмятежную долину, обрывающуюся густой полосой высоких деревьев возле горизонта.

Волосы Принца блестели на свету, переливались угольно-черным, но Еве на мгновение показалось, что она заметила несколько серебряных прядей в его дредах. Он слегка сутулился, вероятно, когда не задумывался о том, что на него смотрят, и казался уставшим. Вероятней всего, мужчина был моложе Марии и не страдал в Доме Луны также сильно, хотя отрицать заметное ухудшение его самочувствия было нельзя.

Ей даже стало жаль его, но она быстро опомнилась, осознавая, что он мог вытащить их отсюда еще в первый день прибытия, но не стал. А теперь не имеет такой возможности.

Хариса же дрожала, прячась от лучей, которые не согревали и жгли глаза. Она сжимала кисть Арона и что-то шептала ему, не обращая внимания на остальных.

— Вернемся в гостиную? Там хотя бы можно попытаться согреться, — Алиса посмотрела на опустевшие миски и тяжело вздохнула, убирая их обратно в шкафы.

— Что нас теперь ждет? — обратилась к Алисе Ева, направляясь в коридор.

«Мучительная и голодная смерть», — прошептала она самой себе, проходя мимо двери, ведущей в подвал.

Подушки были беспорядочно разбросаны по полу, а камин потушен, и от него исходила только тонкая струйка дыма. Из-за распахнутой некогда входной двери в комнате не сохранилось тепла. Вестники располагались в гостиной, продолжая непрерывно шептаться между собой.

Арон вошел в гостиную позже всех, держа Харису под руку. Он неотрывно смотрел на нее, но в этом взгляде не было ни тепла, ни мягкости. Казалось, что ему с трудом удавалось крепко стоять на ногах, его лицо было бледным, а выражение отстраненным.

— Мы уверены в том, что сгоревшая оранжерея — не случайность, а дело рук одного из Вестников, — Хариса посмотрела на Принца, замолчав, и тот коротко кивнул ей, — когда я почувствовала гарь и спустилась вниз, чтобы разбудить всех, Марго уже была там. Она стояла возле закрытых дверей, а когда обратила на меня внимание, начала звать на помощь.

— Кто-то специально сделал это, — продолжил Арон, поворачиваясь ко всем, — главная проблема, что Марго была единственной, кто находился возле оранжереи во время ее возгорания.

— На что вы намекаете? — Алиса покачала головой, отказываясь верить в сказанное.

— Но зачем ей это? — Ярлина выглядела озадаченной, глядя на такую же Алису, стоящую рядом.

— У нас есть еще одна проблема, столь же серьезная, сколь и отсутствие еды, — Хариса вновь вступила в разговор, но Принц перебил ее.

— Приведите сюда Марго.

Ева не сводила глаз с пары, стараясь заглушить колющее чувство внутри. Студеный холод обжигал кожу, но не мог успокоить жара, нахлынувшего на тело от чувства абсолютной безысходности. Она едва ли могла дышать, наблюдая за тем, как Филипп выходит из комнаты, бросая на Арона многозначительный взгляд.

Марго

Они не знали, от кого должны были скрываться.

Мария спала, когда Марго сидела в кресле недалеко от нее, наливая из графина в стакан немного питьевой воды. Свет, сочившийся из окна, был таким ярким, что, казалось, солнце в этом месте восходило со всех сторон горизонта.

Рядом с ней лежало несколько исписанных листов бумаги, с множеством пометок на полях и целыми перечеркнутыми абзацами. Они были усыпаны вопросами, на которые у Марго не находилось ответов. Мама не сводила с нее глаз, когда находилась в сознании, она общалась с ней обо всем на свете, но ничего не рассказывала о Доме, Ароне или вышедшей из облаков Луне.

Несколько дней назад девушка набирала Принцессе ванну, когда та завела с дочерью разговор о Филиппе.

— Я могу попросить тебя? — она стояла возле зеркала, сквозь отражение наблюдая за Марго и периодически рассматривая свои неизменно белоснежные волосы.

— Конечно, — Вестница повернулась к ней, — что-то случилось?

Мария отошла от зеркала и задумчиво посмотрела на дочь.

— Не показывай при Луне своего интереса к Филиппу. И попроси его о том же.

По спине прошла волна мурашек, девушка неуверенно качнула головой, но спустя несколько секунд кивнула.

— Хорошо.

В дверь постучали, выводя Марго из задумчивого состояния. Она поправила ворот длинного вязаного платья и поспешно вышла в коридор, закрывая за собой дверь.

— Филипп?

Мужчина порывисто прижал ее к себе, обнимая одной рукой за талию, а другой касаясь волос. Вестница почувствовала исходящую от него дрожь и попыталась отстраниться, чтобы взглянуть в глаза.

— Ты в порядке?

Она ощущала, как кровь бежала по его венам, вынуждая сердце биться быстрее. Он провел ладонью по ее спине и замер.

— Арон хочет, чтобы ты спустилась ко всем.

— Я не могу, — девушка сделала шаг назад, но он сжал пальцы на ее коже, вынуждая остановиться.

— Это срочно.

— Что случилось?

— Он, — мужчина запнулся, — они с Харисой считают, что ты устроила пожар в оранжерее.

Во рту стало горько от услышанных слов. Она пошатнулась, неожиданно благодарная рукам, держащим ее, и завороченно посмотрела на Филиппа. Он выглядел так, будто был готов проломить дверь позади Марго и запереть ее в комнате, но не давать идти к Арону.

— Но я этого не делала.

— Я знаю, — его челюсти сжались, но он больше ничего не сказал.

Они ничего не могли поделать с обвинениями Принца, и от осознания этого в груди

образовался камень, тянущий девушку вниз, вглубь дома, под самую землю. Она бросила взгляд на листы, лежащие на кресле. Все написанное в них можно было перечеркнуть, забыть, оставить без ответа, добавив сверху лишь одну фразу — зачем он делал все это?

Из гостиной доносились голоса, но стоило Вестнице войти в помещение, на нее сразу же обратили внимание, и комната погрузилась в тишину.

— Ты как раз вовремя, — Хариса обернулась к ней, оглядев девушку и переводя внимание на стоящего рядом Филиппа.

— Расскажите, что еще случилось?

— У нас сгорели все запасы дров, хранящиеся ранее в подвале. Нам больше нечем топить камин, — голос Арона был монотонным, будто речь шла вовсе не о благополучии его Вестников.

Ее окинуло волной жара. Продолжая стоять в дверях, она с легкой паникой оглядела смотрящих на нее во все глаза служителей. Хариса медленно подошла к стеллажу и провела ладонью по полкам, усыпанным пыльными книгами, резко заявив:

— Нам придется жечь книги.

— Мы не можем этого делать, — Ева пребывала в замешательстве, наблюдая за действиями Вестницы.

— Что-ж, — взяв в руки первое попавшееся произведение, судя по обложке, довольно старое, Хариса пролистнула несколько страниц, — в таком случае мы должны пойти в лес и собрать древесину там. Он ожил, и это отличный шанс добыть все необходимое.

— Думаешь, выходить за пределы Дома Луны сейчас — безопасно? — Алиса взяла Еву за руку, говоря так, что ее едва было слышно.

— Безопасно сейчас тем, кто находится на созданных Богами землях, а не здесь, — голос Арона казался севшим. Он закрыл глаза и прокашлялся.

— Мы должны согреться, найти еду и разобраться с тем, кто на самом деле устроил пожар, — Хариса говорила так громко, что каждое выточенное слово разносилось эхом по комнате, но поутихла, чувствуя лежащую на свое плечо мужскую ладонь.

Марго оставалась в стороне, ничего не говоря, и старалась никак не выдавать своих эмоций. По телу предательски бегали мурашки, пол пропитался морозной влагой, а губы девушки тряслись от нарастающего холода и страха.

— Мы считаем тебя виновницей случившегося в оранжерее, — Хариса повернулась к девушке.

— Я ни в чем не виновата. С чего вы взяли?

— Только ты находилась возле нее во время возгорания, — Марго уже хотела возразить, но Хариса продолжала, не давая возможности себя перебить, — из-за тебя нам нужно идти в лес, искать дрова и хоть какое-то пропитание.

— С нами идут все желающие, Филипп, нам нужны сильные руки, и ты, Марго, ведь, к сожалению, я убежден в твоей виновности, — Арон неподвижно стоял рядом с Харисой и казался равнодушным.

Марго поймала его взгляд, и сразу же отвела глаза. У нее не хватало смелости что-либо ответить или возразить, она отвернулась, цепляясь за руки Филиппа, не в силах крепко стоять на ногах.

Все происходящее казалось чем-то нереальным, словно страшный сон, от которого холодный пот стекал по замерзшей во сне коже. Но проснуться не удавалось. Запах горелой

древесины впитался в стены и пол, смешался с ледяным воздухом в помещении, от чего не получалось вдохнуть полной грудью. Девушка мечтала поскорее очнуться в теплой постели, вдохнуть аромат родных земель и забыть обо всем происходившем здесь, но морозный воздух, пронизывающий тело, был слишком реальным.

Алиса

Алиса привыкла видеть лес изумрудным, пышущим цветами, диким, но живым, где в каждом шуме ветвей слышались голоса потаенных существ, которые хранили свою непостижимую тайну, совершенно непохожую на ту, что была у Вестников. Где солнечные лучи просачивались сквозь макушки елей и осин, освещая протопанные неведомыми зверьми тропинки, а в каждом звуке и каждом шорохе хранилась древняя магия.

Бродить по таким тропам, пока не найдешь усыпанную лавандой поляну, светлую, блестящую от росы, вдыхать запах и ощущать, как стопы ласкает влажная трава. Прикасаться к коре деревьев после дождя, наслаждаясь непередаваемым ароматом шишек и опавших листьев, которым наполнялись легкие. Даже осенний лес выглядел настоящим, реальным, пропитанным незатейливыми играми стихий и следами жизни различных обитающих в нем животных.

Но этот лес был другим. Он впустил Вестников без трепета, не шелохнулась ни одна травинка, ветра будто вовсе не существовало здесь. Алиса не ощутила внутри него ничего, кроме оглушающей пустоты, ветви деревьев не двигались, верхушки практически полностью накрывали небо, скрывая их от Луны.

Чувство тревоги овладевало девушкой, что следовала за Принцем и Харисой в неизвестность. Все вокруг было словно бесцветным, пронзительную тишину нарушал лишь шорох листьев под ногами и карканье ворон, доносившееся издалека. Они пели Вестникам их последние песни, приговоры эхом раздавались среди дубов и сосен.

Каждый старался оставаться спокойным, следуя за Ароном, идущим впереди, пробирающимся через опавшие ветви и обходящим сухие и омертвелые кусты. Помимо него, Харисы и Марго идти согласились Алиса, Ева, Филипп, Ярлина и Феликс. Остальные ждали их возвращения в Доме.

Принц встал возле лежащего на земле дерева, жестом приказывая Вестникам остановиться и поставить на него взятые с собой корзины.

— Девушки пойдут собирать любые ягоды и грибы, которые смогут найти, а Феликс и Филипп отправятся искать мелких животных и дрова.

— Вы уверены, что мы здесь что-то найдем? — Марго спросила это довольно нерешительно.

— Думаешь, лучше сидеть и умирать от голода? — Хариса усмехнулась над ее словами.

— Возвращайтесь на это место, когда закончите. У вас есть время до захода солнца, — с этими словами Арон взял одну из корзинок и вместе с Харисой ушел искать еду.

Алиса стояла, наблюдая за тем, как Феликс и Филипп, держа в руках свои топоры, скрывались в чаще.

— Надеюсь, до захода солнца мы сможем вернуться в Дом, — Ярлина подошла к ней, провожая мужа взглядом.

— Я тоже, — она кивнула и обратила внимание на стоящих неподалеку Еву и Марго, — не хотите скооперироваться?

— Хорошая идея, — Ева улыбнулась ей, беря в руки пустую корзинку.

Легкий туман покрывал землю, устилаясь к ногам Вестников, решивших ступить в

незнакомый, несуществующий некогда лес. Алиса чувствовала, как ветки цеплялись за края ее одежды, вынуждая идти медленнее. Ей то и дело казалось, что среди деревьев блуждают едва уловимые твари и прячутся, стоит повернуться в их сторону.

Чем дальше девушки уходили, тем тяжелее становился воздух, и тем отчетливее слышался бормочущий шепот, создаваемый ветром и листьями под ногами. Здесь не было ни цветущих кустарников, ни грибниц возле пней, лес ожил, но продолжал оставаться лишь подобием, что не был готов принять к себе гостей.

— Здесь ничего нет, — пальцы Алисы коснулись очередной сухой коры, — если мы и сможем согреться, то еды у нас не будет.

— Нам нужно сказать об этом Арону, — Ярлина покачала головой.

— Поищем еще, у нас есть время, — Марго тяжело вздохнула, сжимая ручки корзины.

Ева

Она слышала запах дыма от костра, догорающего где-то вдалеке. Ева была уверена, что это — всего лишь наваждение, но оно вплеталось в сознание, заставляя снова и снова переживать потерю их единственного источника пропитания.

Что еще сгорело в этом огне? Воспоминания о всех пережитых днях в Доме Луны? Тоска по Игналине?

В самом начале прибытия сюда Ева была счастлива снова стать человеком, но сейчас она мечтала вернуться и продолжить свое служение, убедиться в том, что это не было ошибкой. Ей не хотелось считать себя виноватой в нынешнем положении всего круга.

— Все прекрасно знают, кто на самом деле устроил пожар, — Алиса старалась говорить тише, но ее слова, сливаясь с ветром, разносились по просторам.

— Это уже неважно, — голос Ярлины дрожал.

Свет постепенно угасал, размывая очертания деревьев и Вестников, сливая все в единую черно-белую картину. Холод усиливался, заставляя их двигаться быстрее, возвращаясь в то место, что указал Арон.

Принц уже ждал их вместе с мужчинами. Стоило девушкам подойти ближе, как сбоку послышался смешок Харисы. Она взглянула в полупустые корзинки и подняла на Марго глаза.

— И что же нам теперь делать?

Арон перебил ее, рукой указывая в неизвестном направлении.

— Прошу всех пойти за мной.

Сумерки стелились по лесу, рождая множество новых, неприветливых звуков и теней, уже увереннее бродящих меж стволов. Вестники следовали за Ароном, прислушиваясь к собственному дыханию, который тонул в шепоте ветра.

— Куда мы идем? — Алиса продвинулась немного вперед, смотря на Принца, но он продолжал идти, не оборачиваясь.

— Мы возвращаемся в Дом, — он сложил руки за спину, будто специально придавая походке размерности.

Откуда-то доносился едва уловимый вой, но никто не обратил на это внимания. Чистое темное небо расстилалось над Вестниками, они остановились на небольшой поляне перед высокой скалой, на краю которой виднелись верхушки редких деревьев. Земля под ногами была пустой и холодной, сухая трава только кое-где накрывала ее, будто выжженная.

— Мы пришли, — Арон повернулся ко всем с совершенно бесстрастным выражением лица.

— Что происходит? — Филипп обнял одной рукой Марго, что судорожно осматривалась по сторонам.

Все стояли в недоумении, придвигаясь ближе друг к другу. Со стороны утеса задул ветер, принося с собой отдаленные и еле слышимые рычания.

Хладнокровие принца пугало даже Харису. Это читалось в ее взгляде, но она продолжала стоять рядом с ним, не шевелясь.

— Дальше мы не пойдем, — Хариса растянула губы в улыбке.

— Куда ты привел нас? — Алиса крепче сжала руку Евы, не сводя глаз с Принца, взгляд

которого был направлен на Марго.

— В логово волков.

Ева, как и стоящие рядом с ней Вестники были не на шутку напуганы, услышав это.

— Волки воют на Луну не просто так, — продолжил Арон, его голос был холодным и жестким, — они поклоняются Ей.

— А значит, будут слушаться, — закончила за него Хариса и рассмеялась, в то время как позади нее рычание становилось только громче и громче.

Хариса взглянула на Вестников, а после перевела взгляд себе за спину, будто выжидая чего-то. Мгновение, два, и вдалеке, среди деревьев заблестело серебристого цвета животное, медленно показывая сначала свое лицо с горящими глазами и свирепым оскалом, а следом и все массивное тело, покрытое серой шерстью. Волк смотрел прямо в глаза Марго, выходя из темной чащи и рыча.

Ярлина чуть не закричала, но Феликс прижал ее к себе и накрыл ладонью ее рот, не позволяя привлечь внимание. Все остальные замерли, не в силах сдвинуться с места от сковывающего конечности ужаса. Арон и Хариса отошли в сторону, шепча что-то себе под нос и внимательно наблюдая за тем, как зверь направлялся к служителям.

Время будто остановилось. Воздух вокруг животного был таким горячим, что, казалось, об него можно было обжечься, кровь пульсировала в его венах, а рычание оглушало.

Никто не замечал, как верхушки деревьев покорно расступались перед луной, не сумевшей осветить эту темную землю, но внимательно наблюдающей за надвигающейся кровавой бойней, за приближающейся смертью своих детей.

Дикая, первобытная мелодия пронеслась в голове Евы, но не успела та ничего понять, как Алиса сильнее сжала ее руку и побежала. Побежала со всех ног в неведомом направлении, не желая слышать этого оглушительного рева, видеть лица Принца и Харисы, боясь думать о том, что там произойдет, и что Ева может увидеть это.

Оглушенные воем, криками, они неслись по неизведанной земле, царапаясь о сухие прутья, цеплялись за ветки кустов, что рвали одежду и оставляли алые следы на щеках и ладонях.

Они пробежали всего несколько метров, не оборачиваясь, пока Ева не упала на землю, и слезы не потекли по ее щекам от боли, что стрельнула в стопу. Голова предательски кружилась, почва под ногами смешивалась с капающей из царапин кровью, девушка пыталась не обращать внимания ни на это, ни на подвернувшуюся ногу, но слабость охватывала ее тело, испуг сковывал, не позволяя подняться самой.

Кто-то поднял ее с земли, заполняя легкие слишком знакомым запахом. Вестница поспешно вытерла слезы, увидев перед собой Марка, и обняла его за плечи, пока он осторожно брал ее на руки.

— Тише, все скоро закончится, все обязательно скоро закончится.

— Что ты здесь делаешь? — шептала ему Ева, вглядываясь в глаза, касаясь ледяной кожи его шеи и рук, не в состоянии поверить, что он стоял здесь перед ней, в этом месте, и пытался утешить.

— Мне нужно, чтобы ты успокоилась, — мужчина оставил на мокрой от слез щеке девушки легкий поцелуй и замер, вглядываясь в темноту, — я все расскажу тебе, но позже. Дыши, ничего не случится, я обещаю.

Алиса

Мелодия разнеслась по всему лесу. Неведомая, далекая, будто бы исходящая из самых глубин этого бескрайнего пространства и одновременно с небес. Она проникала в сознание Вестников, что замерли, прекращая спасаться, и направили свои взоры на Марго.

Девушка смотрела в глаза волка, не двигаясь, пока Филипп уговаривал ее бежать, уже готов был унести, но остановился, опешил, услышав пение, струящееся меж деревьев, разлетающееся с нагрянувшим ветром, вихрями проникая в безжизненную землю под ногами каждого.

Алиса стояла недалеко от Евы и появившегося Марка, который поднял глаза на небо, безмолвно убеждая остальных сделать также. Служители один за другим направляли свои взоры к верхушкам деревьев, замечая наблюдающую за всем происходящим Богиню.

Ночь нагрянула незаметно, а вместе с ней и Луна грациозно и величественно возвысилась в небе, откуда звучала гипнотизирующая музыка, заставившая всех замереть и наблюдать за происходящим.

Арон попытался потянуть Харису за руку, но та в оцепенении смотрела на волка, который, стоило ему услышать доносившуюся мелодию, развернулся и без промедления ринулся на нее.

Он бросился так быстро, что она не успела даже закричать, и вцепился ей в горло. Все происходило так стремительно, что Арон даже не шевельнулся. Ужас отразился в его глазах.

Вестники замерли, наблюдая за тем, как животное впивалось в бледную кожу девушки. Тишина поглотила весь лес, и в следующую минуту, которая, казалось, длилась целую вечность, как гром прозвучало еще одно заклинание, и волк отступил.

Алиса почувствовала металлический запах крови, алые капли окрашивали разорванную плоть упавшей на землю Харисы. Ее дыхание, болезненное и отрывистое, растворялось на ветру, смешивалось с тяжелым рыком удаляющего волка. Он исчез среди деревьев также стремительно, как и появился, оставляя детей Гекаты стоять под ее взором и наблюдать за тем, как умирала Вестница в обличье человека.

Арон упал на колени к истекающей кровью Харисе, его лицо исказилось горечью и раскаянием, он взял ее за руку и закрыл глаза, не в силах смотреть на растерзанную шею, на глаза, полные слез, на дрожащие, посиневшие губы.

Прикосновения ощущались ожогами на коже, тело девушки билось мелкой дрожью. Она чувствовала, как пульсировала разодранная шея, как постепенно стихал пульс в ладони, которую крепко сжимал Арон.

Многие подошли к ним, некоторые опустились на землю возле практически недвижимого тела. Марго находилась в стороне и наблюдала за всем с нескрываемой паникой.

— Тебе станет легче, боль утихнет, — он наклонился над ней и осторожно поцеловал в уголок губ, оглаживая каждый дрожащий палец, — потерпи немного.

— Мне страшно, — прошептала Хариса, скривившись от боли, прожигающей горло изнутри.

— Прости меня, — он крепче взял ее за руку и опустил голову.

Хариса посмотрела на него в последний раз перед тем, как ее не стало.

Его запястья были испачканы в крови и влажной земле. Он сидел на коленях и, казалось, не мог двигаться. Слезы застилали ему глаза, мешали видеть, но руки продолжали держать ее, они блуждали по бледному лицу, аккуратно огладили волосы, скользнули к ярко-алым губам, к груди и талии, минуя растерзанную кожу шеи.

Они изучали ее прикосновениями, словно старались запомнить каждую особенную черту, игнорируя исходящий от тела холод.

Он касался, касался, касался ее, пока не закричал, так громко и пронзительно, что вороны вспорхнули с ветвей и разлетелись по лесу, повествуя всему этому миру о смерти, об ужасном кошмаре, который обратился в реальность.

Луна скрылась за облаками, небо вновь стянули тучи, запел ветер, унося с собой в неведомые края имя той, что навсегда останется связанной с этим лесом. Он нежно шептал ей неизвестные слова, пока Вестники укладывали на голую землю возле скалы собранные ранее дрова и поленья, накрывая их сухими ветвями, травой и опавшими листьями.

Погода стремительно ухудшалась, облака сгущались в небе, мешая разглядеть очертания собственных рук, но они закончили выкладывать костер и положили на него бездыханное тело.

Огонь разгорелся быстро.

Пламя накрывало тело Харисы, хоронило память о Вестнице, чья история уйдет вместе с последним, знавшим ее имя и видевшим ее лицо. Горящее марево сплеталось с золотыми волосами, искры рассыпались на руки и одежду девушки, она утопала в бескрайнем огне, освещающем лес, скалу и стоявших вокруг костра служителей.

Арон сидел рядом с костром, крепко сжимая в руках листву. Он не видел ничего вокруг себя, кроме пожирающей это место пустоты.

Лес молчал. Не было слышно больше ни рева зверя, ни карканья ворон, только хруст горящей травы.

Ярлина и Феликс стояли неподалеку и держались за руки. Мужчина успокаивал ее, шепча что-то, а она обнимала его, не в силах остановить поток слез.

Алиса находилась на некотором расстоянии от всех, наблюдая за Принцем, смотрящим на бездыханное тело своей возлюбленной, охваченное огнем.

Все вокруг него меркло, любовь, хранящаяся раньше внутри Арона, теперь обращалась болью и прожигала тело Харисы настоящим пламенем. В его невидящем взгляде мерцала скорбь.

Девушка не могла смотреть на него, ей хотелось подойти, прошептать, что горечь пройдет, но она продолжала стоять вдалеке, опустив голову и обняв себя руками.

Марго отвернулась и осторожно прикоснулась ладонью к руке Филиппа, а он тут же прижал ее к себе и вдохнул аромат волос, запах жизни, исходящий от кожи, почувствовал горячее дыхание на своей шее.

Никто не понимал до конца, что произошло, но не задавал вопросов. Беззвездная ночь окутала служителей Богини Гекаты, вновь засыпающий лес и тайны, что сохранятся только в их памяти.

Ева чувствовала ледяные ладони Марка и тепло, исходящее от его груди. Она дрожала от холодного воздуха, прикасающегося к оголенным участкам кожи, от звучащего в сознании звериного рычания и жара погребального костра.

Арон поднялся, на негнущихся ногах отходя от огня, что вгрызался в древесину под телом Харисы, медленно распространяясь по сухой траве к находящимся поблизости

деревьям, желая уничтожить их.

Алиса наблюдала за тем, как пламя поглощало все больше земли вокруг, порывами ветра разносилось по ветвям. Перед ее глазами разгорался настоящий пожар.

Одна из веток, склонившихся над костром, с треском раскололась и рухнула вниз. Дым клубами взмыл в воздухе, обжигая глаза и легкие.

— Нам нужно уходить, — крикнул Марк, обращая на себя внимание стоящих рядом Вестников.

Раскаты грома раздались вдалеке, стоило служителям последовать за мужчиной сквозь темноту, не обращая внимания на пробирающий до костей холод. Они боялись оглянуться и вновь увидеть растерзанное тело той, что сама вела их на смерть.

Алиса продолжала стоять на месте, ощутив крупные капли, падающие с неба на ее плечи. Постепенно их становилось все больше, пока дождь не хлынул на землю единым потоком, очищая ее от огня. Он размывал кострище, тушил раскинувшееся пламя, впитывал свежую кровь глубоко в почву.

Страх растворился в небесных слезах, а вместе с ним и печаль.

Граница леса была совсем рядом, верхний этаж и крыша Дома Луны виднелись сквозь верхушки редящих деревьев. Ели и сосны словно расступались перед идущим впереди Марком, что нес на руках Еву и направлял всех остальных.

Туман тянулся по всей поляне. Медленно, он обволакивал ноги Вестников, искажал землю. Он был вязким, будто бы живым. Холод пробирал до костей, а двигаться становилось все труднее.

Резкий порыв ветра заставил всех остановиться. Воздух пропитался необъяснимым запахом, от которого скрутило живот. Возле фонтана стояла *неизвестная*. Она внимательно смотрела на прибывших из леса служителей, недвижимо, спокойно, словно ждала их в ночи.

— Здравствуйте, дети мои.

На ней не было короны, рядом не рычали гончие псы, но каждый понимал, кто перед ним. Она была отражением их всех, и в то же время абсолютно другой. От нее исходила неведомая сила, заставляющая содрогаться. Вся тьма Богини ночи собралась воедино и спряталась ледяным пламенем в изумрудных глазах. Каждому, кто смотрел на нее, становилось неуютно, не по себе.

Она во всем была похожа на хищную птицу — низкий рокочущий голос, «вороний» нос, четкие очертания черепа, острые плечи и прямая осанка. Фарфоровая кожа будто вовсе отсутствовала на теле, а точеные кости покрывала белесая дымка в крохотных сосудах. Мрачная и холодная, Геката стояла босиком на голой земле, окутанной туманом.

В ней ощущалась опасность от кончиков пальцев до угольно-черных волос. Изящные руки с ухоженными ногтями держали край длинного темного платья, небрежно висевшего на угловатом теле, что не гремело костями, но выглядело болезненно бледным. В ней не было ни единой мягкой черты, ни лучезарной улыбки, ни румянца на белоснежной коже.

Ее неестественная безжизненность пугала, но при этом она была безупречной, *обманчиво* красивой.

Она встретила их. Встретила вместе с Марией, стоящей поодаль. Ева не сводила глаз с Принцессы. Ее черты оставались прежними, но казались более живыми, энергия ощущалась в жестах и мимике. В то же время она неотрывно смотрела на Арона, и что-то непривычное и странное скрывалось в этом взгляде.

Каждая клеточка тела Принца содрогнулась при виде Гекаты. Он стоял неподвижно, но глаза по-прежнему были полны ужаса. Его кисти, пропитанные чужой кровью, тряслись, он заламывал пальцы, убрал руки за спину.

Богиня улыбнулась, увидев его, и эта улыбка больше походила на оскал.

— Ты с самого начала знал, что падение неизбежно.

Ее голос разнесся по мертвенной поляне, деревья более не качались от ветра, и даже дождь перестал осыпаться на землю.

Тьма окутала Вестников, которые оставались в Доме, но вышли, замерев на крыльце, и не решались подойти ближе. Позади всех стоял Владимир, половину его лица закрывала тень.

— Благодаря моим верным служителям — Арону и Марии, Хариса поплатилась за свое предательство. Вас уверили в том, что Мария больна, а Ева — неправильная, что я не знаю о существовании Дома Луны, а Арон всецело отдан идее сделать Харису Принцессой, — она сделала короткую паузу, — это не так.

Она внимательно смотрела на своих детей, не шевелясь и не подходя ближе. Внутри нее словно смешивались две краски — черная — острые углы, оттенки ночи, тягучая темнота в смешении с неизбежностью, и белая — первозданность и возвышенность, холодный мрамор, бессмертие, сияющее в звездном небе.

— Дом Луны был сотворен мной. Он — не убежище для Вестников, но ловушка, где служители вновь становятся людьми. И вы, все вы, помогли мне поймать в нее изменницу. Мои Принц и Принцесса смогли искусно выманить ее сюда, Дом сделал уязвимой, Вестник Марк отправился к Детям Севера, дабы помочь мне принять облик человека, а остальные заставили Харису поверить во все, что говорили Арон и Мария.

Вокруг становилось все тише, и темнее, но глаза успевали привыкнуть к этому.

— Создание решило пойти против своего создателя. Хариса, будучи Вестницей далекого круга, мечтала совершить великие дела, но все они обращались против меня. Мария исполнила мое указание, отправив вас в Дом Луны под предлогом «непринятия» мной Евы, в то время как Арон должен был отправиться к Харисе и убедить ее в возможности стать новой Принцессой, лишив Марию и Марго, как наследницу, жизни в Доме Луны, где у меня якобы не было власти. И он безупречно справился с возложенной на него задачей.

Луна вновь обратила на него свой взор. Он стоял поодаль, держась ровно, но маска равнодушия окончательно спала с его лица. Он был бледным, в глазах горела ожесточенная дикость, а руки, крепко сжатые за спиной, неумолимо дрожали.

Арон смотрел на Марию, находившуюся позади Гекаты, но стоило ему услышать сказанные в свой адрес слова, перевел свой взгляд на Богиню, коротко кивнув.

— Всегда готов служить вам, — голос Принца был стальным.

Она обратила внимание на Еву, жестом указав на нее.

— Ева — истинная Вестница Темной Луны, и я абсолютно приняла ее. Все, что говорили вам Принц и Принцесса, было ложью.

— Мы были частью плана, чтобы убить Харису? — Алиса не отводила глаз от Богини, ярко выделяющейся среди темноты исходившей от нее энергией, — а Дом Луны никогда не был спрятан от вас?

— Дом Луны — мой.

Присутствие Гекаты окутывало поляну мертвенно-мрачным холодом, запах смерти застыл в груди, вонзаясь под кожу острым клинком. Все, сказанное Богиней, рушило

привычную картину. Оно меняло образ Принца в голове у Алисы, чьи ногти больно впились в кожу, стоило осознать, что он с самого прибытия сюда знал о надвигающейся смерти своей возлюбленной.

Она не решалась обернуться к нему, чувствуя за своей спиной исходящую от него горечь.

В памяти застыл его душераздирающий крик.

— Но почему нам не рассказали обо всем? — шепота Алисы было практически не слышно из-за поднявшегося ветра, — почему выбрали именно наш круг?

— Зная все, вы бы не убедили Харису в возможности реализовать ее замысел. И, да, — она сделала короткую паузу, — я выбрала вас не случайно.

Луна повернулась к Марии. Принцесса сделала несколько шагов ее сторону и остановилась, внимательно смотря на Богиню.

— Ты верно служила мне долгие столетия. Ты была предана мне, Принцесса Темной Луны. И теперь, ты можешь быть свободна. Я отпускаю тебя.

Марго, стоявшая возле остальных, дернулась в сторону матери, но резко остановилась, смотря на нее широко раскрытыми глазами. Мария мягко улыбнулась ей.

— Это был великий дар для меня, Геката, — она наклонила голову в ее сторону, — я благодарна за каждый прожитый день в объятиях вашего света и силы.

— Вы избрали столь прекрасную деву для будущего служения в облике Принцессы, — добавила Мария шепотом и взглянула на Алису.

— Алиса, — Геката внимательно посмотрела на нее, протягивая свою ладонь, — в этом круге ты являлась главной помощницей Марии, боролась за безопасность и свободу моих детей, сделала для них больше, чем могла. Ты оказалась моей самой преданной Вестницей.

— Прошу, — Алиса охнула, отходя чуть назад. Она смотрела на Богиню с нескрываемым ужасом.

— Я нарекаю тебя Принцессой Темной Луны.

Она перестала чувствовать мокрую почву под ногами, ноги онемели, девушка припала бы к земле, если бы Филипп не удержал ее за плечо. Страх окутал ее, мелкой дрожью рассыпаясь по телу, руки до сих пор ощущали осевший на них пепел. Алиса прерывисто вдохнула, прежде чем голос вернулся к ней.

— Я... — она затихла, не договорив, и обернулась к Арону. Он на мгновение задержал на ней взгляд, но этого было достаточно, чтобы уловить слабый блеск в карих глазах.

Он был удивлен не меньше ее.

— Тебе следует принять свою судьбу, — произнесла Луна перед тем, как к ней обратилась Мария.

— Мне нужно вернуть Вестников домой.

Геката ничего не ответила. Ее лик в мгновение растаял в ночи, как призрак. Тьма разлилась по земле, словно чернила, и впиталась в почву, оставляя после себя лишь всепоглощающую пустоту.

Ева

Казалось, только недавно осень заволокла весь свет, укрывая улицы, дома и подножия лесов пожелтевшей листвой, воздух кружил вокруг обнаженных ветвей, а лучи солнца редко просачивались сквозь густые серые тучи. И вот, последний месяц зимы встречал их тальными водами, в которых отражалось чистое бескрайнее небо.

Звезды сияли над их головами, молчаливые и далекие. Непривычно теплый ветер запутывал волосы девушки, стоящей на пороге родного дома со спящим котом на руках.

Марк обнимал ее за плечи и прижимал ближе к себе, пока она с долей недоверия рассматривала небольшое двухэтажное здание и умиротворенный лес позади, в чаще которого скрывался их круг.

Ева успела отвыкнуть от этого места, но от того еще сильнее была рада вернуться.

Она опустила на пол Глаза, проходя вдоль прихожей, прикоснулась к деревянным перилам, ведущим на второй этаж, и сделала глубокий вдох.

Запах пыли и скрип половиц то и дело возвращал ее в Дом Луны, в воспоминания о холодной, неудобной комнате, где она чуть не лишилась жизни, об ужасе, застывшем в груди при виде восходящего солнца, волка, вышедшего из тени и бездыханного тела Харисы.

Девушка споткнулась перед дверью, ведущей в спальню Марка, и застыла.

— Все хорошо? — он обеспокоенно посмотрел на нее, останавливаясь в шаге позади.

— Я не верю, что мы здесь, что все закончилось.

В ответ он аккуратно повернул ее голову в свою сторону и оставил на губах долгий поцелуй, не в силах оторваться, словно пытался сохранить этот момент в своей памяти. Вкус ее кожи, легкие мурашки, покрывшие девичье тело. Он отстранился лишь тогда, когда смог в полной мере ощутить присутствие Евы рядом, а легкие начали сжиматься от недостатка кислорода.

Ева осторожно отстранилась от него и села на край кровати, обхватив руками собственные плечи. Марк научил ее чувствовать себя в безопасности, он был рядом с ней, а после покинул, заставив столкнуться с болезненной реальностью.

— Тебе следовало сказать мне, не бросать вот так.

— Я не мог быть с вами.

Ей потребовались усилия, чтобы посмотреть на него, когда он опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

— Ты обещал, что не оставишь меня одну.

Он задумчиво погладил костяшки ее пальцев, потрескавшиеся от мороза. Она не могла объяснить, что именно в нем изменилось, но мысли, скрывающиеся в его голове, будто доставляли ему физическую боль.

— Я сейчас вернусь, — произнес Марк после недолгой паузы и поднялся, отходя к двери.

— Будь тут, — добавил он, предугадывая, что Ева захочет уйти.

Ночь становилась все темнее и неприветливее, проникая в спальню через открытое окно. Девушка подошла к нему, желая задержать шторы, но повременила, всматриваясь в глубину леса. Ее встретил шорох качающихся ветвей.

Темный пейзаж не пугал, а завораживал, будто влек за собой сквозь непроглядный лес в

самую его глубину, к кругу. Этот опустевший кусочек земли, спрятанный среди деревьев, — живых, настоящих, — освещался луной. Грудь сжалась при виде облика богини, облаченного в белый мрамор.

Ева опустила глаза, игнорируя подступающие к горлу слезы. Она не знала, как скоро сможет забыть весь ужас, нахлынувший на нее потоками ледяного ветра и пламенем костра.

Все закончилось, но на самом деле будто только начиналось.

Дверь позади нее скрипнула, от чего девушка невольно вздрогнула и обернулась. Марк стоял в проеме, сжимая в руках темно-коричневый бархатный мешочек, на который Вестница не сразу обратила внимание, машинально потянувшись к его телу.

Он коснулся ее, притянул ближе и крепко обнял. Его холодные руки скользнули под ткань теплого свитера, чувствуя под пальцами гладкость кожи и пуская дрожь по пояснице. Он оставил влажные дорожки поцелуев на щеках, шее, губах, ощущая на них привкус пурпурной соли.

— Не плачь.

— Я скучала по тебе.

Марк взял ее ладонь в свою и отстранился на шаг, вглядываясь в глаза девушки. Они были полны надежды, светлой и чистой. Она сумела сохранить это в своем сердце, несмотря на все пережитые тяготы.

Но его взгляд... он стал тяжелым, словно неведомый груз лег на плечи мужчины с тех самых пор, как он покинул этот дом в поисках другого круга.

— Я прошу у тебя прощения за это долгое расставание.

Расставание — слово, разрывающее изнутри, связывающее шею грубой лентой, больно впивающейся в нежную кожу и перекрывающей воздух. Ева ничего больше не сказала, отпуская его руки, и хотела отойти еще дальше, но он не позволил, притягивая девушку обратно к себе.

Ладонь Марка повисла в сантиметре от ее лица, украшенного багровым румянцем. Она сияла рассветом, пахла дикими травами, растущими в лесу или на лесных полянах, — украшенная солнцем яркая россыпь низких цветов, чей аромат распространяется по всему помещению, стоит занести их внутрь, притягивая к себе, пробуждая желание вдыхать, втягивать их запах снова и снова, мятежный, необъятный, опьяняющий.

— У меня для тебя кое-что есть.

Он протянул ей приятный на ощупь мешочек, помогая открыть, и вынул оттуда жесткий браслет из брасса¹⁰, выполненный в виде ветви сухой лозы.

— Позволишь?

Ева кивнула, и мужчина надел его на ее руку, мягко огладив запястье.

— В тебе есть то, что способно осветить даже самую темную ночь, — прошептал он тихо и ласково, вновь прильнув к ее телу.

Его руки были жарче июльского солнца, касания, ласкающие кожу подобны прикосновениям летнего света. Его губы, скользящие по разгоряченной шее, заставляли ее забывать о том, что по-прежнему необходимо дышать. Его дыхание разжигало внутри нее пожары, вынуждало гореть. Он напоминал ей о том, как она не любила холода.

— С тобой вокруг меня всегда лето.

Марк улыбнулся, чуть крепче сжимая пальцами талию девушки, и оставил невесомый поцелуй на ее лбу, рождая в голове Евы множество воспоминаний. Она прижалась к его груди и сделала глубокий вдох, полный умиротворения и чувства приближающейся весны.

Алиса

Алиса стояла вдали ото всех, погрузившись в собственные мысли. В памяти по-прежнему шумела гроза, вода разливалась по земле, туша горящее пламя костра. Она коснулась кончиками пальцев ворота свитера, провела ладонью по шее и задумчиво посмотрела на небо, освещенное бесстрастным ликом Гекаты, наблюдающим за своими детьми. По телу пробежались мурашки, девушка отвернулась и прикрыла глаза, пытаясь успокоиться, пока не услышала знакомый мужской голос, зовущий ее по имени.

Филипп подошел к ней и обеспокоенно оглядел, несмотря на царящий во дворе дома полумрак.

— Как ты?

Ее грудь украшалась тысячами шрамов от осколков, врывающихся в сердце при мысли о надвигающейся встрече с центром пульсирующей тьмы. Волнение затапливало ее, мешало дышать, легкие были наполнены отравляющим дегтем, который хотелось выпустить из себя, разодрав кожу голыми ногтями.

Алиса не смотрела на Вестника, ее взгляд был направлен в пустоту, к погасшим огням соседних домов, где уже давно никто не жил.

— Там, в лесу, мне показалось, что я тону, и, если сделаю еще один вдох — боль прогрызет меня изнутри, подобно огню, въедающемуся в бревна. Некому было нас тогда спасти.

Ее голос прозвучал приглушенно, и практически потерялся в пространстве, смешиваясь с разговорами неподалеку.

— Не знаю, хотела ли я, чтобы меня спасали.

— По твоим венам течет настоящая трагедия, — Филипп невесело усмехнулся.

— Я будто сплю, и все это происходит не по-настоящему. Я так привыкла к одиночеству, а теперь не могу отпустить вас. Чувствую себя еще более потерянной, чем раньше.

— Ты теперь будешь заботиться не только об этом круге, но я всегда буду у тебя. Не забывай об этом.

Девушка повернулась к нему и, посмотрев в глаза несколько секунд, крепко обняла. Он коснулся ее спины, осторожно поглаживая рукой, а после притянул еще ближе, позволяя Алисе ощутить тепло его тела, что в скором времени вновь охладет.

— Спасибо тебе. За все.

Он мягко отстранил ее от себя и положил ладони на плечи, посмотрев в сторону леса, в чаще которого скрывался их круг. В его глазах читалось беспокойство.

— Если честно, — его тон стал приглушенным, а взгляд потемнел, — мне не нравится думать о том, что ты будешь служить вместе с Ароном.

Она провела рукой по его густой бороде и оставила слабый, прохладный поцелуй на щеке, прощаясь.

— Я справлюсь.

— Мария ждет тебя.

Алиса отстранилась от него и, перед тем как уйти, коротко кивнула Филиппу. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы спрятать вырывающиеся наружу эмоции, закрыться под бледной маской легкого переживания. Дрожащие кисти выдавали ее, и девушка скрестила руки на груди, когда подходила к Марии.

Принцесса ждала ее возле дороги, стоя рядом с дочерью. Выражение лица Марго было

неоднозначным, она следила за каждым движением девушки, но, когда та подошла к ним, слабо улыбнулась.

Мария сделала шаг ей навстречу, и остановилась, вглядываясь в глаза своей преемницы, будто ища в них подтверждение истинной достойности быть избранной Богиней. Она смотрела на нее в течение какого-то времени, в то время как внутри Алису словно окунали в ледяной океан, но чем дольше это происходило, тем меньше она сопротивлялась, обретая на его дне долгожданный покой.

— Я — это прошлое Вестников, — начала Мария, — а ты — будущее. Теперь в твоих руках судьба наших детей — тех, кто нуждается в тебе, твоей силе, твоей неукротимости.

Бывшая Принцесса сняла со своего пальца серебряный перстень, в центре которого сверкал бледно-голубой камень.

— Геката ждет тебя.

Она взяла в руку ладонь Алисы, надела его ей на палец.

И весь мир погрузился во тьму.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Город в Литве

В переводе с греческого «Луна»

Литовский дух, обитающий в жилых домах

Скандинавский языческий обряд жертвоприношения, который, как правило, заключался в ритуальном вкушении мяса и хмельного меда. Совершался обычно в день зимнего солнцестояния

Ежегодный цикл праздников, существующий у последователей кельских неоязычников

В переводе с греческого «Слава Гекате»

Кулнинг — скандинавская музыкальная техника, используемая раньше для призыва скота или же для отпугивания хищников

Крупный город на северо-востоке Польши

Геката — волк, а мы — овцы (пер. французский)

Брасс — сплав меди и железа